

Олег
РОИМ

ИСКУПЛЕНИЕ

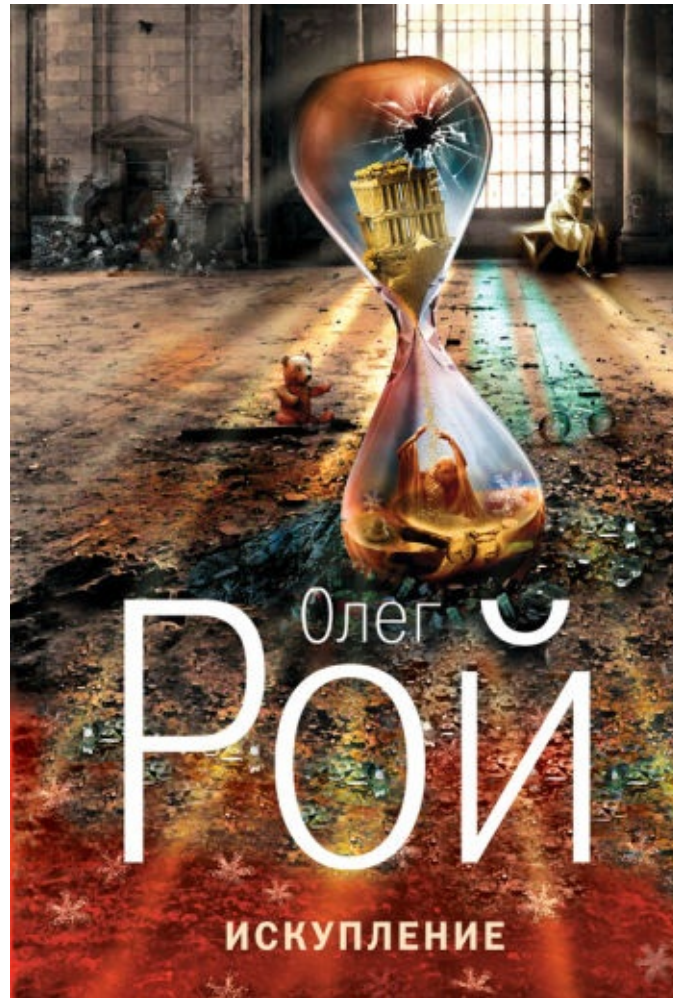
Annotation

Что общего между холемым мужчиной, владельцем одной из самых крутых строительных компаний, уважаемым любимцем женщин и благотворительных организаций, и девочкой-попрошайкой, подбирающей остатки пищи на задворках «Макдоналдса»? Правильно – незащищенность перед ударами судьбы. Сегодня Станислав Шаповалов – на недосягаемой для простых смертных высоте. Завтра – вычеркнут из списка живых. Сегодня Танечка Кузнецова – на дне жизни. Но ее дно окажется нечаянной радостью, небывалым счастьем для Стаса.

•

Олег Рой

Искушение

Пролог

С незапамятных времен до новогодней ночи

За долгий свой век этот особняк, расположенный почти в самом центре Москвы, видывал многое, очень многое...

Он помнил еще времена своей юности, когда почти все домики в округе были ниже его и он, новенький, пахнувший свежей извешткой, с блестящей на солнце крышей, презрительно поглядывал с высоты на своих малорослых собратьев, которые не заслоняли ему вид на главную улицу Первопрестольной. С утра до ночи мог он тогда наблюдать из своего переулкa, как проносятся по Тверской кареты, громяхая колесами и разбивая в пыль бульжную мостовую, как текут вдоль по улице людские реки и как шарахается в стороны народ, завидев мчащийся экипаж и заслышав крик «Пади, пади!» – ведь деления на тротуары и проезжую часть тогда еще не было и в помине.

Потом его маленьких соседей стали сносить, а на их месте начали

вырастать каменные великаны в три, четыре и даже шесть этажей. Особняк лишился вида на Тверскую, но жизнь вокруг него продолжала кипеть. Под его окнами проезжали коляски важных сановников, спешащих в Кремль на заседание, чинно проходили накрахмаленные бонны, выводящие детишек гулять на бульвар, спешили в университет студенты, шустрые мальчишки затевали во дворе игры и потасовки. Вечерами, шурша дутыми шинами, проносились щегольские лихачи, унося своих подгулявших седоков на запад Москвы – в «Эльдорадо», «Мавританию», «Стрельну» или к «Яру».

Помнил особняк и как сотрясались его стены от грохота выстрелов в смутные дни революции, и как суетились, собираясь в спешке, его тогдашние хозяева и их домочадцы, торопившиеся скорее покинуть охваченный мятежом город. Глава семьи уверял тогда всех, что уезжают они ненадолго, скоро бунт подавят и все вернется на круги своя. Но сбыться его предсказаниям было не суждено, и больше дом никогда не видел этих своих жильцов. Их заменили другие – многочисленные, горластые, склочные, неряшливые. Скрепя сердце, с огромной неохотой привыкал особняк к новой жизни, к шуму коммунальных распрей, к пьяным песням под визжащую гармошку в праздники, к вечной грязи и кучам окурков папирос и самокруток на некогда сверкавшей чистотой мраморной лестнице. Стены и потолки дома закоптились от чада многочисленных примусов и керосинок, стекла окон, которые теперь почти никогда не мыли, потускнели и запылились, прекрасные мозаичные дубовые полы истоптались, покрылись коростой грязных следов. Не по душе дому были новые жильцы – но и их он стал жалеть, когда спустя годы по ночам к его подъезду стали вкрадчиво подъезжать сперва черные «воронки», а потом автозаки с надписью «Хлеб» на борту, и дом настороженно прислушивался к гулким властным шагам на лестнице, к всхлипываниям арестованных, их горьким прощальным словам.

Потом все окна особняка заклеили крест-накрест полосками бумаги, плотно занавесили темной тканью, так, чтобы даже крошечный лучик света не смог пробиться наружу. И снова его стены сотрясались от близких разрывов бомб и ожесточенной пальбы зениток, а по ночам на крыше дежурили жильцы, оберегая дом от падающих снарядов, которые сбрасывали вниз, в бочки с водой и песком. Но война наконец отгремела, и счастливый дом праздновал победу вместе со своими жильцами. Те, кому довелось пережить эти страшные четыре года, теперь забирались на крышу особняка, чтобы увидеть грандиозный парад, а вечером полюбоваться расцветающими в темном небе разноцветными гроздьями салюта.

После войны жильцов из особняка выселили, и шумный

коммунальный быт сменился монотонной канцелярской рутинной – в доме обосновалось какое-то скучное государственное учреждение. Озабоченно сновали служащие, щелкали костяшки счетов, трещали арифмометры, повсюду лежали пыльные папки с разлохмаченными тесемками. Лишь изредка где-нибудь в уголке коридора раздавался звонкий молодой голос или веселый смех, но тут же затихал под строгими взглядами более серьезных коллег. И снова слышалось шуршание бумаг и стук печатных машинок – с утра и до вечера, когда служащие расходились по домам и запиралась входная дверь. Погрузившийся в тишину, особняк тихонько вздыхал, вспоминая вечера в ушедшие годы, бравурные рулады рояля, балы при свечах, домашние концерты, легкие девичьи шаги по анфиладе комнат... Ему не с кем было поделиться этими воспоминаниями. Разве что с вязом, росшим у его северной стены. Дом помнил его еще тоненьким гибким побегом, застенчиво шелестевшим весной свежими зелеными листьями. Теперь вяз стал могучим высоким деревом с узловатым стволом и тяжелой ветвистой кроной. Изредка они переговаривались, вспоминали прошлое и с грустью отмечали те невеселые перемены, что происходили вокруг. Жизнь кипела, столица строилась и менялась, становясь, быть может, более современной и комфортной для жизни – но при этом безвозвратно теряя то неповторимое очарование старины, которое принято называть душой Москвы. Как было не грустить об этом особняку и старому вязу?! С каждым днем вокруг оставалось все меньше и меньше напоминаний о былых временах, настал момент, когда и они исчезли совсем. Зажатый с двух сторон массивными многоэтажными новыми домами, особняк, оставшийся самым старым строением в округе, уже начинал казаться самому себе жалким, дряхлым и никчемным.

И все-таки дом жил, с интересом вглядывался в прохожих глазами-окнами, бодро хлопал дверью подъезда, терпеливо сносил порывы ветра, ливни и снегопады, прислушивался к шелестению вяза и к неумолчному шуму огромного города, частью которого он стал давно и, как ему казалось, навсегда.

Оказалось, что не навсегда.

Теперь дом умирал. Умирал мучительно и долго.

Собственно, сейчас и домом-то его можно было назвать с большой натяжкой. Теперь он превратился в руины, нелепо торчащие в переулке, словно скелет причудливого доисторического животного. Чтобы скрыть эту неприглядную картину особняк затянули грязно-зеленой сеткой и слегка прикрыли строительными лесами. Дом обнесли дощатым забором, за которым сразу же выросли кучи ржавых бессмысленных железок и прочего

мусора. Лишь кое-где из унылого хлама остро торчали немногие уцелевшие прутья прежней красивой ограды.

Окутанный строительной сеткой, шершавой и жесткой, дом почти ослеп. Сквозь мутное зеленое марево он видел лишь неясные переливы света и тьмы да тусклые огни уличных фонарей, слышал отдаленный гул Тверской улицы и негромкое поскрипывание вяза, который тоже переживал нелучшие свои времена. Про них попросту забыли, и жизнь потеряла для них всякий смысл. Порой дому даже хотелось, чтобы к его стенам подъехал громоздкий неуклюжий кран с тяжелым чугунным шаром на стреле и все бы разом закончилось после нескольких грубых ударов, рассыпалось бы в прах – уже навсегда. Но этими своими мыслями он не делился даже с другом-вязом.

Дни шли, они складывались в месяцы, месяцы в годы, а допотопный костистый скелет с выступающими каменными ребрами все так же неизменно торчал в переулке. Полуоглохший, полуослепший, полуживой, не обращающий внимания на то, что творилось у него внутри и творилось ли что-нибудь вообще.

Но сегодня все было иначе. Что-то произошло. Что-то необычное и страшное. Дом чувствовал, как по его полубвалившимся лестницам поднимается все выше и выше тугой сгусток боли, тоски и отчаяния. Как медлит он у зияющих окон, как останавливается в комнате наверху, а потом снова продолжает свое упорное восхождение. Вот он бредет по чердаку, выбирается через слуховое окно на крышу, приближается к ее краю...

Дом не видел, кто это, просто ощущал боль, безысходность, тоску. Все то, что он сам так хорошо знал и так сильно прочувствовал за годы забвения.

А вот вяз прекрасно видел, что происходит на ржавой дырявой крыше особняка. Бывшего особняка...

Странный декабрь выдался в этом году – теплый, почти бесснежный, похожий то ли на раннюю весну, то ли на позднюю осень, но уж никак не на русскую зиму с её высоченными сугробами и трескучими морозами. До последних дней месяца ждали москвичи похолодания и снегопада, с надеждой слушали прогнозы погоды, а потом махнули рукой. Видно, не судьба в этот раз встретить Новый год по-настоящему, насладиться видом припорошенных снежком деревьев, паданьем пушистых хлопьев да морозным скрипом под ногами. Да и бог с ним. Если задуматься, то есть в жизни проблемы и поважнее, куда поважнее...

И вдруг, нежданно-негаданно, вопреки всем предсказаниям синоптиков, прямо в новогоднюю ночь начался снегопад. Снег повалил,

закружил, завьюжил Москву, за какой-то час укрыл ее всю пушистым своим одеялом, подарив к празднику жителям и гостям столицы ощущение волшебства и сказки.

Лег снег ровным ковром и на крышу особняка, скрыв все ее неприглядные дыры, ржавые пятна и прочие старческие болячки. Разом приобрела крыша чистенький, аккуратный, ухоженный вид – но внешность, как известно, нередко бывает обманчива. И потому старый вяз с тревогой наблюдал за высоким мужчиной, который двигался по скользкой крыше, отзывавшейся на каждый шаг глухим бормотанием, и остановился в опасной близости к ее краю. Мужчина, несмотря на зимний колючий ветер, был без шапки, стильное, явно очень дорогое пальто как-то особенно ладно сидело на нем. Был он гладко выбрит, модно пострижен – сразу ясно, что весьма состоятельный субъект. И также сразу понятно стало вязу, как мучительно плохо этому человеку, как он опустошен и подавлен.

Мужчина стоял и безучастно смотрел на город, раскинувшийся вокруг. На переулок, на украшенные новогодними гирляндами здания на Тверской, на сияющую рекламу, на призывно пульсирующие вывески магазинов и ресторанов, на людей внизу, спешащих по улицам, чтобы сейчас, когда до Нового года оставалось всего-навсего несколько часов, успеть докупить все необходимое для праздничного стола или забытые впопыхах подарки. У кого-то на лице было написано ожидание, у кого-то беспокойство, у кого-то раздражение. В эти предновогодние радостно-хлопотливые часы жизнь вокруг особняка в обыкновенно тихом переулке так и кипела, спешила, бурлила, точно вода в стоящей на плите кастрюле, переливаясь через край.

Только лицо мужчины, неподвижно застывшего на крыше, оставалось бесстрастным. Однако эта маска отрешенного спокойствия не смогла обмануть пытливого наблюдателя. Старое дерево, кое-что повидавшее на своем веку, сразу поняло: на эту крышу мужчина поднялся с одной-единственной целью – уйти из жизни. Вяз догадался об этом намного раньше, чем увидел, как мужчина вынул из внутреннего кармана пальто блеснувший в свете фонаря черный револьвер. Увидел – и замер, боясь неосторожно шевельнуть хоть какой-нибудь из своих ветвей.

Неподвижно постояв несколько минут и еще раз окинув взглядом город, мужчина вздохнул, решительно поднял руку и шагнул к краю. Крыша тут же отозвалась глухим ворчанием. В лицо мужчине жадно дохнула гулкая пустота. Еще один миг...

И в этот момент вяз услышал, как вскрикнул откуда-то из темноты чей-то звонкий голос:

– Стас! Не надо!..

(обратно)

Глава первая

За восемь дней до Нового года

Старому вязу, который с тревогой наблюдал за так испугавшей его сценой, было, конечно, невдомек, что стало причиной драматического действия, разыгравшегося на крыше. Он понятия не имел, что началась вся эта история примерно неделей раньше, в доме совсем неподалеку, в каких-то нескольких сотнях метров от их переулка. Впрочем, что ж удивительного в подобной близости? Ведь, в сущности, Москва – маленький город. Если речь, конечно, идет о самой Москве, а не о выросшем вокруг нее современном мегаполисе с однотипными многоэтажными блочно-панельными муравейниками. Ну да какая они Москва! Они – Марьино, Митино, Выхино, Жулебино, Бутово и прочие бывшие деревни, пусть и потерявшие свой сельский облик, но так и не сумевшие стать городом, стать настоящей Москвой. С ее историей, с ее преданиями и легендами, с ее неповторимым очарованием, то слышным в шелесте листвы на бульварах, то зримо проглядывающем в тихом дворе Замоскворечья, то вдруг мелькнувшем в упругом изгибе одного из знаменитых ее семи холмов... Но оставим в стороне лирику и вернемся к истории, которую читатель уже давно должен узнать. И, прежде всего, обратимся к дому, в котором все и началось.

Кроме близкого месторасположения, дом, о котором сейчас пойдет речь, не имел ничего общего с допотопным чудищем в переулке, затянутым строительной сеткой и обреченным на медленное умирание. Был он моложе на добрую сотню лет, гораздо выше и гораздо больше, имел несколько подъездов и насчитывал семь этажей. Фасад его выходил прямо на Тверскую, занимая половину квартала, и один этот факт заставлял дом сохранять и постоянно поддерживать солидный и одновременно молодцеватый вид. Внизу – сверкающие витрины магазинов и зеркальные окна ресторанов, на верхних этажах – огромные квартиры, когда-то роскошные частные, затем, долгое время – жуткого вида коммуналки, разделенные фанерой на клетушки и больше похожие на захламленный лабиринт, чем на человеческое жилье. Однако, к великой радости дома, пару десятков лет назад этот ужасный период его жизни закончился. Квартиры опять стали принадлежать не целой толпе разношерстных съемщиков, а одному хозяину, стараниями которого они вновь обрели жилой вид, расстались с лишними стенами, изменили планировку, принарядились и засверкали, украсились новой мебелью и множеством мелочей, которые могут позволить себе только очень состоятельные люди.

Ну а другие люди, как известно, квартиры на Тверской и не покупают.

К числу таких вот владельцев элитного жилья на главной улице столицы и принадлежал герой этой истории, Станислав Михайлович Шаповалов, крупный бизнесмен, президент одной из ведущих московских строительных компаний, человек на редкость успешный и благополучный. Зрелый, но далеко еще не критический возраст (всего-то сорок!), привлекательный мужественный облик, с первого взгляда вызывающий доверие у мужчин и интерес у женщин, солидный бизнес, немалое состояние – казалось бы, что еще можно желать от жизни? Но тем и страшно подобное благополучие, что оно может рухнуть в единственный миг. А падать с большой высоты, как известно, куда более и опаснее, чем с малой...

Впрочем, еще в середине дня двадцать третьего декабря Стас и мысли не мог допустить, что в его жизни что-то может измениться в худшую сторону. Год заканчивался для него вполне благополучно. Можно было бы даже сказать удачно, если б не крайне неприятное происшествие, случившееся в ноябре – загадочная гибель Андрея Жданова, его правой руки. Однако за полтора месяца Станислав уже успел сжиться с этой трагедией и полностью отрегулировать работу компании, пошатнувшуюся было из-за такой серьезной потери. Конец года вышел, конечно, очень нелегким для него, но теперь все оставалось позади, и не имелось никаких препятствий для того, чтобы как следует отдохнуть. Зимние каникулы Стас планировал провести в Европе, в компании своей подружки, двадцатидвухлетней длинноногой блондинки Олеси, начинающей певицы, которая недавно записала свой первый альбом – разумеется, исключительно благодаря помощи Станислава. Так что перспективы в этот слякотный зимний день открывались для него самые радужные.

Стас только что вернулся домой из ресторана, где обедал с приятелем, тоже, кстати, отбывавшим сегодня вечером на каникулы. Но приятель уезжал поездом в семь вечера, а самолет Стаса с Олесей вылетал из Шереметьево-2 около полуночи. Так что до поездки в аэропорт оставалось еще немало времени, и Станислав неторопливо собирал чемоданы, расхаживая туда-сюда по своей огромной восьмикомнатной квартире. Здесь, в его любимом доме, находилось место для всего – и для рабочего кабинета, и для спортивного зала, и для двух ванн, и для столовой, которая при необходимости могла вместить до полусотни гостей. Олеся была в восторге от его жилья, казавшегося ей настоящими хоромами, она день и ночь мечтала перебраться сюда – но Стас не торопился поселить ее у себя. Когда-то, что называется на заре туманной юности, он уже приобрел

неудачный опыт жизни в браке и теперь, готовясь разменять пятый десяток, все еще не ощутил потребности создавать семью. И уж тем более не испытывал потребности создавать видимость семьи с женщиной, которая хоть и привлекала его сексуально, но совсем не была ему близким человеком, а главное – не стремилась им стать. Нет, конечно, Олеся из кожи вон лезла, чтобы всячески продемонстрировать ему свою любовь и изобразить заботу. В те дни, которые они проводили вместе, она была особенно очаровательна, нежна и внимательна к нему, по десять раз спрашивала, не хочет ли он выпить чаю и не приготовить ли ему ванну... Но вот поинтересоваться тем, что творится у него на душе, поговорить о вещах, которые его действительно интересуют, которые для него значимы, послушать, как он предается воспоминаниям (что греха таить, это одно из самых любимых занятий всех людей, чей возраст приблизился или приближается к сорока) – ничего подобного вообще никогда не приходило ей в голову. Впрочем, Стаса такие вещи особенно и не тревожили. Ему нравилось встречаться с Олесей, проводить с ней уик-энды и отпуска, возить ее в рестораны и на многочисленные светские тусовки, где он постоянно был вынужден появляться, а делать это в компании такой красивой и яркой спутницы было совсем не стыдно. Но и то, что жила Олеся в отдельной квартире, которую, разумеется, он сам для нее и снимал, Стаса тоже вполне устраивало. А дружеские подколки женатых приятелей, интересовавшихся в форме более или менее удачных острот, не грустно ли ему одному в такой большой квартире, Стас и вовсе пропускал мимо ушей. Это им, проведшим значительную часть своей жизни в коммуналках и малогабаритках, подобный стиль существования казался странным. Он же, Станислав Шаповалов, чуть ли не двадцать лет прожил за границей, в Западной Европе, где апартаменты из нескольких просторных комнат для холостого человека считаются нормой, а не роскошью, и потому ориентировался на совсем иные, не российские, а цивилизованные образцы менталитета.

Планы на отпуск у Станислава были самые грандиозные. Он собирался показать Олесе Европу, которую та, почитай, еще почти не видела (десятидневные поездки в Барселону, в Хорватию и на Кипр Стас всерьез не воспринимал), побродить по любимым улочкам старых городов, увидеться с несколькими своими однокашниками по Оксфорду, с которыми они договорились встретиться в Париже, а также как следует отдохнуть от дел и забот, насладившись празднованием Рождества. Но, как известно, загад не бывает богат...

Все началось со звонка мобильного. Так уж повелось, что в наши дни

о большинстве трагедий сообщает именно телефонный сигнал, подобно тому, как в стародавние времена гул набата оповещал жителей округа о пожарах и нападениях недругов. Современные набаты стали гораздо меньше и компактнее, они напичканы электроникой и имеют куда больше возможностей, чем старинные колокола, но главная функция – сигнал тревоги – так и осталась при них. Впрочем, когда Стас снимал трубку, он еще понятия не имел, насколько дурные новости его ожидают. Взглянув на светящийся экран, он узнал лишь то, что ему звонит Сергей Головин, начальник службы безопасности принадлежащей Станиславу компании «ОСК».

– Алло, Сергей, слушаю тебя, – безмятежно ответил Стас. И был буквально сбит с ног тут же выплеснувшимся на него потоком ошеломляющей информации.

– Станислав Михайлович, беда! – прозвучало в трубке. За все время знакомства с Головиным, а это был не год, не два и даже не пять, Стас еще никогда не слышал у него таких взволнованных интонаций. – Вас собираются задержать за убийство Андрея Жданова. Обнаружились какие-то очень веские улики против вас, какие – мне пока неизвестно...

– Что ты несешь? – в первую минуту сознание Стаса просто отказывалось воспринимать слова подчиненного. – Что за бред? Какие могут быть улики? Я не имею никакого отношения к смерти Андрея и...

– Мне-то это известно, Станислав Михайлович, – не дал ему договорить Сергей. – Но полиция считает иначе. Пока у меня не было времени во всем разобраться, но мне намекнули, что кто-то очень заинтересован в вашем аресте. Так что все очень серьезно...

– Хорошо, я сейчас позвоню своему адвокату. Мы вместе поедem в полицию, и я им все объясню, – начал было Стас, но руководитель службы безопасности снова его перебил:

– Станислав Михайлович, когда вы наконец поймете, что вы не в Англии, а в России? Тут дела делаются совсем по-другому. Адвокаты, законы, переговоры – это все там, за кордоном. А у нас если какой-то большой шишке понадобилось упрятать вас за решетку, то никакие объяснения не помогут. А тут, чуеt мое сердце, как раз та самая ситуация...

– Ты можешь выразаться яснее? – вспылил Стас.

– В том-то и дело, что не могу. У меня пока одни предположения, никаких фактов... Кроме того, что выписан ордер на ваш арест. Так что единственное, чем вы сейчас можете себе помочь, – это исчезнуть. И как можно скорее. Вас собираются взять с минуты на минуту, вот-вот выедут бойцы. Если уже не выехали. Вы дома?

– Дома, вещи собираю. У меня сегодня самолет в... – начал Стас, но его опять перебили.

– Да какой, к черту, самолет? Вы что же думаете, при подобном раскладе вас выпустят из страны? Не смешите. Нужно спрятать вас здесь, я уже об этом позаботился. Только что отправил к вам Игоря на его машине, надеюсь, он успеет быстрее ментов... Берите с собой самое необходимое, и он отвезет вас в безопасное место. Я буду ждать вас там.

Некоторое время Стас еще в недоумении смотрел на трубку, из которой доносились короткие гудки. Потом спохватился, бестолково заметался по квартире, бросаясь от сумки к чемодану и из спальни в кабинет. Он так толком и не сумел осознать, что, собственно, произошло и почему он должен бежать, но склонен был доверять Сергею и понимал, что шутить подобным образом тот не станет. Раз Головин так сказал – значит, ситуация действительно критическая, значит, ему, Станиславу Шаповалову, грозит серьезная опасность. Значит, надо уехать, спрятаться, переждать некоторое время. А тем временем получить всю необходимую информацию, проанализировать ее – и только после этого решить, что делать дальше...

Он отыскал сумку, которую планировал взять с собой в самолет, расстегнул, чтобы доложить туда кое-что из чемодана, и в этот момент сообразил, что должен позвонить Олеся. Набрал номер и, чертыхаясь, долго слушал в телефоне длинные гудки. Позвонил еще раз, потом еще – с тем же эффектом. Олеся, как и многие женщины, обладала весьма раздражающей мужчин привычкой бросать телефон где попало или закладывать на самое дно сумочки. В результате с ней никогда не получалось связаться, когда это было срочно необходимо, а она потом делала удивленное и обиженное лицо: «Ну я же не виновата, что не слышала звонка!» Выругавшись, Стас принялся набирать ей sms-сообщение – занятие, которое он ненавидел всей душой. От волнения он нажимал не те кнопки, путал буквы. Приходилось сбрасывать текст и опять набирать по новой.

В это время дверь распахнулась, и в квартиру влетел Игорь, высокий плечистый парень, бывший, несмотря на свою молодость, одним из самых толковых подчиненных Головина.

– Станислав Михайлович, умоляю вас, скорее! – скороговоркой затараторил он. – Звонил Сергей Александрович. Он говорит, что, по его сведениям, менты совсем скоро будут здесь, и тогда мы вам уже ничем помочь не сможем. Если вы попадете в полицию, то уж точно ничего никому не докажете! Сергей Александрович настаивает, чтобы вы уезжали как можно быстрее. Машина внизу!

– Игорь, я могу захватить с собой вещи? – Стас указал на полусобранные чемоданы. – Только я еще не все успел сложить...

– На это нет времени, Станислав Михайлович! Берите только самое необходимое. Что я могу взять? – он торопливо оглянулся вокруг.

– Тогда вот эту сумку.

– Хорошо. Жду вас в машине!

– Да, я спущусь через минуту.

– Только скорее, очень вас прошу!

Игорь убежал, а Стас метнулся в кабинет, чтобы взять из сейфа деньги и документы. Обнаружив, что в кабинете приоткрыто окно, он стал закрывать его и вдруг услышал во дворе подозрительный шум. Чуть сдвинув жалюзи, Стас осторожно выглянул наружу и понял, что опоздал.

Это было как в кино – полицейские машины, омоновцы в камуфляже, четко и слаженно высыпаящиеся из фургона... Стас увидел, как двое вооруженных бойцов в закрывающих лицо шапках-масках с прорезями для глаз выводят из подъезда Игоря, заломив ему руки за спину. И в этот момент вдруг стало по-настоящему страшно. Подобного ужаса, от которого холодеет все внутри и немеют конечности, Стас не испытывал очень давно, с самого детства. Перед глазами вдруг замелькали жуткие картины, которые вызывают у законопослушных граждан, никогда не нарушавших закон, понятия «арест», «тюрьма», «камера», «заключенные», «допрос» и так далее.

Не помня себя, Стас кинулся в прихожую, торопливо обулся, сорвал с вешалки пальто и бросился прочь из квартиры, на ходу заматывая вокруг шеи длинный кашемировый шарф.

Он выбежал в коридор и рванулся к лестнице, ведущей на чердак, благо жил на предпоследнем этаже.

Скорее, скорее...

Ключ от чердака у него имелся, болтался без дела на общей связке. Когда, года три назад, Стас купил квартиру в этом доме, Сергей не только настоятельно присоветовал ему запастись ключами от чердака и подвала, но и самолично, то ли в шутку, то ли всерьез, «проработал с ним пути возможного экстренного и экстремального ухода».

– На всякий случай, – говорил тогда он, ухмыляясь. – Мало ли что в нашей жизни может случиться. Надо ко всему быть готовым. Вот и отработаем подобный вариант.

Стас тогда почти смеялся над начальником службы безопасности. Ему и в голову не приходило, что уроки Сергея когда-нибудь могут пригодиться...

От волнения он долго не мог попасть ключом в навесной замок чердака. Запор не поддавался так долго, что уже мелькнула ужасающая мысль – а что если замок за это время уже успели сменить и его ключ не подходит? Тогда он пропал... Судя по шуму внизу, омовцы уже в подъезде. Очень скоро они поднимутся в квартиру, осмотрят ее, поймут, что Стас сбежал, начнут его искать и наверняка придут сюда... В тот момент, когда показалось, что топот уже совсем близко, замок неожиданно поддался. Стараясь действовать как можно тише, Стас открыл дверь, вбежал на пыльный, тускло освещаемый маленькими слуховыми окнами чердак и, распугивая нашедших здесь приют многочисленных голубей, подбежал к небольшой железной лестнице. На его счастье, люк, ведущий на крышу, был закрыт только на вставленную в металлические «ушки» толстую проволоку. Обдирая в кровь пальцы, Стас сумел размотать ее, с усилием поднял тяжелую створку люка и выбрался на скользкую, чуть припорошенную снегом крышу. Теперь, согласно указаниям Сергея, нужно было держать направление в сторону соседнего дома. У того с крыши и почти до самой земли спускалась вниз пожарная лестница. Необходимо было добраться до нее, и как можно быстрее.

Сердце буквально разрывалось в груди. Стас удивился, как это он еще ухитряется двигаться. Нет, не зря он постоянно поддерживал себя в форме, ходил в бассейн и время от времени посещал фитнес-центр. Вот и пригодилось! Но если бы не инстинкт загнанного зверя, уводивший его от опасности и вздымавший в крови упругую волну адреналина, не помогли бы никакие тренировки. К своему удивлению, Стас очень быстро достиг края крыши и довольно легко перебрался на соседнюю, благо дома стояли вплотную друг к другу и были практически одинаковой высоты. А вот поиски пожарной лестницы, как ни странно, отняли больше времени, чем предполагалось, Стас никак не мог вспомнить, где она находится, и обнаружил спуск вниз, когда уже почти потерял надежду это сделать.

Станислав старался не думать о том, как отреагируют жители соседнего дома, увидев солидного мужчину средних лет, в пальто от Brioni и модном кашемировом шарфе с ярким зелено-белым орнаментом, спускающегося по пожарной лестнице. Оставалось только надеяться на то, что ему удастся слезть достаточно быстро и скрыться раньше, чем он успеет собрать вокруг толпу любопытных.

Сегодня Стасу определенно везло. Уже смеркалось, двор оказался почти пуст, и, похоже, в начинающихся сумерках никто не обратил внимания на движение по скрытой выступающим темным эркером лестнице. Станиславу помешало лишь то, что самая нижняя часть

лестницы оказалась забита фанерой, но времени на растерянность не имелось. Спустившись как можно ниже, он повис, уцепившись руками за последнюю свободную ступеньку, постарался сгруппироваться и прыгнул с высоты приблизительно трех метров. От прыжка Стас упал, довольно чувствительно ударился плечом об асфальт, но тут же, не обращая внимания на боль, вскочил на ноги, как следует отряхнулся, торопливо огляделся и направился к выходу из двора. Нажал кнопку на электронном устройстве, открыл кованую металлическую калитку и оказался на улице.

Куда идти, он представления не имел, понимал только одно – оставаться на месте опасно. И потому быстрым шагом двинулся по Тверской, в сторону, противоположную от его дома. Успокоиться и взять себя в руки пока не получалось, он не мог сдерживать тревоги и то и дело оборачивался. Но все-таки какая-то часть его мозга не была охвачена паникой, Стас еще мог что-то замечать и анализировать. Потому-то и отметил, что уже несколько раз видел одного и того же человека, который упорно следовал за ним. Крупный, слегка сутулый мужчина в темной куртке, застегнутой выше подбородка, и черной вязаной шапке, надвинутой на глаза так низко, что почти не видно лица. Правую руку он держал в кармане, а левой мерно покачивал при ходьбе.

Если бы не этот человек, Стас, возможно, остыл бы, стряхнул с себя захвативший его азарт бегства. Ведь бежать ему, если подумать, было теперь некуда. Без денег, без документов... В любом случае его рано или поздно поймают. Не лучше ли вызвать адвоката и достойно отдать себя в руки правосудия? А там будь что будет!

Но сейчас ситуация резко обострилась и обрела вполне конкретные и очень опасные очертания. Каким-то шестым чувством Стас понял, что этот человек охотится именно за ним. И что ничего хорошего ждать от него не приходится.

Станислав резко свернул за угол и прислонился к холодному металлическому боку уличного газетного киоска. И почти тут же он услышал уверенные шаги. Преследователь появился сразу же за ним, оглянулся – и увидел Стаса.

Их взгляды встретились, и выражение глаз этого человека поразило Станислава. Впоследствии он много раз с замиранием сердца вспоминал его, но так и не сумел описать словами. Эти глаза были абсолютно пусты, в них точно пряталась бездна, страшная, черная, которая, казалось, готова была поглотить в себя все живое...

Голова Стаса закружилась, и он внезапно, как по наитию, осознал, с какой целью его преследует этот человек. Озарение пришло за несколько

мгновений до того, как тот вынул из кармана правую руку, в которой что-то тускло блеснуло в свете вечерних огней Тверской. В тот момент Стас еще не успел осознать, что это такое, но чисто интуитивно дернулся в сторону и вниз – и это бессознательное движение спасло ему жизнь. Что-то обожгло левое плечо, но он не стал прислушиваться к своим ощущениям, поняв наконец, что держал в руках противник – пистолет с неестественно длинным стволом.

«Глушитель!» – догадался Станислав, хотя до этого видел подобное только в боевиках. И инстинктивно бросился на противника, со всей силы толкнув его обеими руками в грудь. Тот явно не ожидал такой реакции, покачнулся и не устоял на ногах, упал навзничь. И, кажется, выронил пистолет. В последнем Стас не был уверен, потому что не стал ввязываться в драку, а кинулся прочь.

Станислав ясно понимал, что тот, кто напал на него посреди людной улицы, несомненно, профессионал. Он сделает все, чтобы чисто убрать клиента, бороться с ним человеку, не имеющему никакой специальной подготовки, бесполезно. Потому Стас и решил бежать. Из последних сил он рванул прямо через проезжую часть. Заскрежетали тормоза, мелькнули за стеклами автомобилей расплывчатые лица водителей, за спиной кто-то заорал, не стесняясь в выражениях в адрес Стаса, и противоположный тротуар словно подпрыгнул к его ногам. Теперь от преследователя его отделял поток мчащихся автомобилей.

Стас летел, не разбирая дороги, налетая на шарахавшихся от него прохожих, пару человек он попросту сбил с ног и, не обращая внимания на их крики, мчался дальше. Мелькали светящиеся вывески магазинов и кафе, кружились в лихорадочном хороводе наряженные к приближающемуся Новому году елки в витринах, что-то гневно орали вслед встречные... Вперед, вперед!.. Стас бежал, не отдавая себе отчета, куда бежит и где закончится эта безумная гонка.

Через какое-то время он понял, что этим своим беспорядочным отчаянным бегством только привлекает к себе внимание. Прохожие могут запомнить его и указать преследователям, куда побежал этот ненормальный. Осознав это, Стас заставил себя перейти на быстрый шаг. Надо отдышаться и решить, что делать дальше...

Но что делать дальше?

Стасу казалось, что удирал он очень долго и отбежал от места столкновения с убийцей минимум на несколько километров. И он был бы очень удивлен, если бы осознал, что на самом деле удалился всего на несколько кварталов от газетного киоска, который чуть было не стал

свидетелем его смерти. Но Станислав в тот момент не очень хорошо осознавал происходящее. И сам не знал, что заставило его вдруг свернуть с Тверской в тихий узкий переулок, похожий на сумрачный тоннель, в конце которого никогда не блеснет свет. Почти сразу ему бросилось в глаза невысокое угрюмое темное здание, плотно обтянутое грязно-зеленой сеткой и кое-как обнесенное деревянным забором. Особняк мог бы стать для него спасительным укрытием – но сначала надо было в него как-то попасть. Вот только как? Осматриваясь, Стас заметил в заборе небольшую дыру, что-то вроде собачьего лаза. Может, проникнуть через нее? Нет, отверстие слишком мало, туда не протиснуться. Он подскочил к дыре и ударил ногой по хлипко сбитым доскам. Удар неожиданно отозвался резкой болью в плече. Стас машинально приложил руку к этому месту, потом взглянул на свою ладонь – пальцы были в крови. Неужели он ранен? Сжав зубы, Стас ударил еще раз и еще... Вцепился в доски руками, рванул... Наконец одна доска все-таки поддалась. Он сдвинул ее в сторону и с трудом стал протискиваться в образовавшуюся щель, при этом его длинный кашемировый шарф зацепился за гвоздь и чуть не задушил своего владельца. Стас рванулся, упал и оказался по ту сторону забора.

Не поднимаясь с земли и сдерживая дыхание, он осторожно задвинул доски и обессиленно привалился спиной к ограде.

Кажется, ушел...

Глава вторая

За восемь дней до Нового года

«Глок» привычно лежал в ладони. Сергей Головин медленно и плавно поднял руку. Он слился с оружием, пистолет стал его продолжением, частью его самого. Не нужно было думать, как целиться, когда нажать на спусковой крючок – все происходило само собой, словно и без его участия. Такое не бывает случайностью, подобное умение – настоящее искусство, оно достигается долгими и упорными тренировками. Но и одних тренировок тут явно мало. Нужен еще и длительный опыт, привычка рисковать жизнью, когда от быстроты и точности каждого твоего движения напрямую зависит, будет ли и впредь над тобой светить солнце – или оно погаснет, возможно, что и навсегда.

Пистолет коротко дернулся. Сергей тут же кувырком ушел в сторону и в движении выстрелил еще два раза. Снова поменял позицию, и вновь прогремели два выстрела.

Теперь можно посмотреть и на результаты.

– Сергей Александрович, почти все в «десятку», – восхищенно сообщил Иван, один из самых здоровенных его бойцов, накачанный и

налысо бритый парень. – А кучно-то как...

– Учитесь, салаги, – снисходительно сказал Сергей своим подчиненным, с почтительным любопытством рассматривавшим мишень.

Он-то знал, что без реальной опасности, без немигающего взгляда смерти, уставившейся тебе в глаза, достичь такого искусства почти невозможно, тренируйся хоть до посинения. Сергей был доволен, что до сих пор не растерял боевых навыков. Есть еще порох в пороховницах. Мы еще поживем, постреляем. Поборемся за достойное место под этим солнцем.

– Продолжайте тренировку, – коротко бросил он, – Иван, остаешься за старшего. Я поеду в контору, – и вышел из тира.

Верный боевой конь, «Лендкрузер»-трехлеток (пора бы уже сменить на что-нибудь поновее, да уж больно он к нему привык, сроднился, можно сказать), весело мчал своего хозяина по неожиданно свободным улицам в сторону центра. Офис «Объединенной Строительной Компании», который Сергей Головин по старой привычке служилых людей панибратски именовал конторой, располагался на Бульварном кольце, в старинном особняке, находившемся – вот ведь удивительное совпадение! – в каком-нибудь полчасе неторопливой прогулки от того полуразрушенного особняка, что дружил с большим вязом. Более того, эти дома были почти ровесниками. Так что встретятся оба особняка парадным входом к парадному, у них наверняка нашлось бы о чем поговорить-покалякать, глядишь, и общих знакомых бы отыскали... Да вот только не встретятся они, не поговорят. Слишком разные у них получились судьбы. Один умирал в переулке под сенью старого вяза, зато другой наслаждался самым что ни на есть своим расцветом. Был он недавно отреставрирован, вычищен и ухожен так, что залюбуешься – сразу видно, что потрудились над ним заботливые и умелые специалисты. Свежевыкрашенный охрой, что так идет зданию в стиле «ампир», фасад с заботливо восстановленными белоснежными коринфскими колоннами, чистые арочные окна, может, и со стеклопакетами, но рамы на первый взгляд от старинных ни за что не отличить. В небольшом палисаднике нашлось место и клумбам, и высоким деревьям, от кованых ворот в литой чугунной ограде к дому плавно убегает гранитная подъездная дорожка. Словом, загляденье – да и только.

Кажется, вот-вот откроется тяжелая резная дверь особняка, на пороге появится швейцар в малиновой ливрее и зычным басом прикажет подавать карету. И застучат колеса, качнется на рессорах карета, влекомая двумя серыми в яблоках рысаками, на порог дома выпорхнет хорошенькая быstroглазая девушка в модной шляпке, только вчера купленной во

французском магазине на Кузнецком Мосту. Вскинет убранный локонами головку, махнет затянутой в лайковую перчатку ручкой маменьке, глядящей на нее из окна мезонина, чуть приподнимет кружевной подол юбки, поставит на ступеньку узкую ножку, обутую в изящную высокую ботинку, и юркнет в шелковое нутро кареты. На запятки вскочит дюжий лакей в расшитом галунами камзоле, всхрапнут, косясь горячими глазами, рысаки, и карета, набирая ход, резво тронется со двора...

Но – увы! – ничего этого не произойдет уже никогда.

Нет больше карет, нет рысаков, нет французских модисток на Кузнецком Мосту. А есть заметная даже в ранних зимних сумерках спутниковая тарелка, высунувшаяся из-за стройной колонны, есть тянущаяся над особняком нотная линейка проводов и электрические лампочки в тщательно стилизованных «под старину» фонарях. И на стоянке сбоку от особняка замерли вовсе не кареты с фамильными гербами на дверцах, а современные автомобили, все как один – новенькие иномарки с блестящими боками, в которых отражается, играя, свет уличных фонарей.

Именно на этой стоянке и парковал свою машину начальник службы безопасности, когда в кармане его куртки запиликал мобильный телефон. Кинув взгляд на экран, Сергей сразу сосредоточился – разговор с этим собеседником мог оказаться важным. Однако в ту минуту, когда в душе сохранялось еще отличное настроение, прихваченное с собой из тира, он даже и представить себе не мог, насколько важным будет это телефонное сообщение...

Звонил Сергею старый знакомый, можно даже сказать, приятель, Юра Антипов. Когда-то, в столь далекие теперь уже годы юности, они с Юркой вместе приобретали первые запасы того бесценного боевого опыта, о котором вспоминал сегодня Сергей, и крепко дружили. Но те времена давно миновали. Потом их дороги разошлись, Головин подался охранять бизнесменов, а Юрий остался на службе в правоохранительных органах и теперь работал на Петровке, в отделе аналитики. До недавнего момента встречались они с Сергеем нечасто, бывало, что и не каждый год, только созванивались регулярно. Но этой осенью, когда в «Объединенной Строительной Компании» случилось ЧП и при загадочных обстоятельствах погиб один из владельцев фирмы Андрей Жданов, Головин на всякий случай снова наладил связь с Юркой, чтобы держать руку на пульсе. Месяца полтора тревожиться было особо не о чем, следствие шло ни шатко ни валко – и вдруг, как гром среди ясного неба, этот звонок.

– Сегодня у меня, Серега, фиговые новости, – сразу выдал с места в карьер Юрий, забыв даже поздороваться. – Похоже, твоего шефа хотят

подставить по-крупному.

– А конкретнее? – Сергей заглушил мотор и вынул ключи из замка зажигания.

– А конкретнее – я только что узнал, что суд выдал ордер на его арест. Станислава Шаповалова подозревают в убийстве своего партнера по бизнесу.

– Что за херня?! – От изумления Головин чуть не выронил ключи. Он в тот момент собирался уже выйти из машины, но не вышел, так и остался сидеть за рулем. – На каких основаниях?

– Пока ничего тебе сказать не могу, – отвечал собеседник. – Знаю только о планируемом задержании. Я, как ты понимаешь, дал команду, чтобы меня держали в курсе, как идет следствие по этому делу. Вот мне и шепнули, что ребята нарыли какие-то улики против Шаповалова, да настолько веские, что надо прямо сейчас его брать... Но что именно за улики – мне пока неизвестно.

– Бред какой-то... – от подобного сообщения даже привычный к экстремальным ситуациям Сергей Головин на миг растерялся.

– Мое мнение – тут что-то нечисто, – продолжал тем временем Юрий. – Кому-то это все очень на руку, вопрос – кому и зачем. В общем, слушай меня внимательно. Бросай все, дуй сейчас к своему шефу, запихивай его в машину, увози из дома и хорошенько спрячь где-нибудь. Если его возьмут, это здорово осложнит дело. Кто его знает, что за игру там затеяли и чем она обернется... Вплоть до того, что могут и в камере убить. Так что действуй, а я пока разужнаю что к чему, как только что-то прояснится – перезвоню. Все, отбой.

И в трубке запиликали короткие гудки.

Сергей приоткрыл окно автомобиля, полной грудью вдохнул прохладного сырого воздуха и потер ладонями виски. Времени на раздумья не оставалось, нужно было срочно что-то предпринимать.

История со смертью Андрея Вячеславовича Жданова действительно выглядела как-то очень странно, чтобы не сказать – подозрительно.

С момента основания и до недавнего времени у фирмы «ОСК» было два владельца. Вроде бы и полноправных – и одновременно не совсем. Однажды, когда Сергей учился в школе, классе в седьмом, он, отвечая на геометрии, сморозил глупость, заявив, что отрезок делит окружность на две неравные половины. Над ним тогда смеялся весь класс и даже учительница – ну как это половины могут быть неравными? Но много лет спустя, когда судьба привела его в «Объединенную Строительную Компанию», Головин не раз вспоминал эту свою детскую оговорку, очень

уж точно она характеризовала распределение ролей между руководством фирмы. Потому что основатель фирмы Михаил Шаповалов, отец нынешнего владельца «ОСК», Станислава, всегда был впереди и во главе, а его партнер Жданов словно бы прятался в его тени. При этом Андрей был отличным специалистом, чуть ли не вся, что называется, исполнительская сторона деятельности фирмы – собственно, строительство, работа с подрядчиками и все такое прочее – была полностью в его руках, и он с ней отлично справлялся. Но как-то так повелось, что все заказчики и партнеры считали «ОСК» безраздельной собственностью Михаила Шаповалова, многие из них даже не подозревали, что пятьюдесятью процентами акций компании владеет незаметный и мало кому известный Жданов. И того подобное положение вещей полностью устраивало, он сам не любил внимания к своей персоне.

Сергей Головин, который отнюдь не был туповатым солдафоном (которым изредка, когда это было нужно, умело прикидывался), любил иногда на досуге анализировать поведение различных людей и размышлять о его причинах. Думая об Андрее Вячеславовиче, Головин пришел к выводу, что скрытность и замкнутость Жданова обусловлены его интимной тайной: он был представителем нетрадиционной сексуальной ориентации. В студенческие годы, пришедшиеся на начало семидесятых, Андрей женился на однокурснице и прожил с ней в браке год или полтора, но к моменту окончания института они уже развелись, и с тех пор Жданов больше не обзавелся семьей, видимо, раз и навсегда поняв, что женщины его вообще не интересуют. Однако и свою склонность к мужчинам он также всю жизнь хранил в строгом секрете – не только в молодые годы, когда гомосексуализм считался преступлением, но и позже, когда сто двадцать первая статья Уголовного кодекса была уже отменена. И в наши дни, когда многие выставляют напоказ свою гомосексуальность и чуть ли не гордятся ею, тыча в глаза всему окружающему миру, Андрей предпочитал держаться в стороне от этой демонстрации. Знали о его пристрастиях очень немногие, в офисе, например, разве что только партнер Михаил Шаповалов, ну и Сергей Головин, конечно, по долгу службы. Остальные, включая вездесущих секретарей, могли об этом только догадываться.

Постоянных привязанностей Жданов не имел, ограничивался нечастыми разовыми партнерами. И вообще, как знал Головин, с годами его неяркая личная жизнь и вовсе свелась к минимуму, все интересы Андрея Вячеславовича стали ограничиваться работой. При таких доходах, которые приносила ему строительная компания, Жданов давно бы мог уже

удалиться от дел, купить себе уютное жилье (да не домик в Подмоскowie, а виллу на Канарах!) и безбедно существовать, наслаждаясь благополучием и роскошью. Однако материальная сторона бытия его, похоже, вообще не интересовала. Андрей жил, как настоящий аскет, в удобной, но весьма скромной по виду московской квартире, и был совершенно равнодушен ко всем игрушкам для богатых, с помощью которых состоятельные люди так любят подчеркнуть свою респектабельность – престижным автомобилям, стильным аксессуарам, дорогостоящим хобби. Из всего этого списка Жданову нравились только путешествия, он с удовольствием ездил по миру, не жалея на это средств, но позволял себе подобные развлечения нечасто, раз, максимум два в год, поскольку был очень занят.

Жданов очень много работал, но редко бывал в офисе, с утра и до поздней ночи пропадал на объектах, предпочитая лично контролировать чуть ли не каждый этап, каждую деталь процесса строительства, от архитектурных планов и смет до завершения реставрационных работ и от рытья котлована до внутренней отделки помещений. На стройке была его жизнь – и там же, на стройке, встретил он и свою смерть. Однажды, уже довольно поздним вечером, Андрей Вячеславович приехал на объект – высотный дом в районе Рязанского проспекта – и зачем-то поднялся один на самые верхние, еще строящиеся этажи. Через некоторое время сторожа обнаружили его тело на земле. Согласно заключению медицинской экспертизы, Жданов погиб, упав с большой высоты. Однако что послужило причиной этого падения, никто с уверенностью сказать не мог. И следователи, и сотрудники компании терялись в догадках. Смерть Андрея Вячеславовича горячо обсуждалась в офисе, но прийти к единому мнению никак не получалось. Возможно, говорили одни, произошел несчастный случай – у не слишком молодого и не слишком здорового человека внезапно закружилась голова, когда он подошел близко к краю неогороженной площадки. Однако в ответ на это предположение скептики тут же выдвигали контраргумент – неужели человек, более сорока лет проработавший в строительстве, будет пренебрегать такими важными правилами техники безопасности? Была версия и о суициде, ее сторонников не смущало то, что причин добровольно покидать этот мир у Жданова вроде бы не было. «Просто мы их не знаем, – уверяли они. – Андрей Вячеславович был таким скрытным человеком, никому не ведомо, что творилось у него в душе. Может, он пережил какое-то горькое разочарование или у него нашли неизлечимую болезнь. Или он просто устал жить, знаете, как иногда бывает...» Полиция тоже рассматривала подобный вариант объяснения смерти – но безуспешно. Никаких данных об

опасных болезнях и внезапных ударах судьбы обнаружено не было. По отзывам свидетелей, Жданов последнее время был таким же, как и всегда – спокойным, уравновешенным, увлеченно занятым своим делом. Поверить в то, что такой человек вдруг ни с того ни с сего покончит жизнь самоубийством, не оставив никакой предсмертной записки и никак не объяснив своего поступка, было нелегко. Так что оставалась еще третья гипотеза, самая популярная – убийство. И полиции, и сотрудникам офиса подобное объяснение представлялось наиболее вероятным – до тех пор, пока дело не доходило до ответа на вопросы «Кто?» и «Зачем?». Конечно, Жданов был очень состоятельным человеком, однако родственников, не только близких, но и дальних, у него не имелось, и вопрос с наследством до сих пор оставался открытым. Так что на преступление, совершенное из корысти, предполагаемое убийство никак не походило, во всяком случае, на первый взгляд. Да и найти врагов Андрея, людей, которым он мог помешать, тоже оказалось не так-то просто. И самая, казалось бы, убедительная версия объяснения смерти Жданова также зашла в тупик.

По крайней мере, именно так думал до сегодняшнего дня Сергей Головин, который, в глубине души не доверяя родной полиции, вел и собственное расследование странного происшествия на стройке. Он тоже не мог найти никаких концов и, что самое неприятное, даже не сумел установить, с какой целью Жданов поехал в то время на объект. В ответ на такой прямой вопрос подчиненные лишь пожимали плечами и начинали бормотать что-то о характере Андрея Вячеславовича, который привык держать все под собственным контролем и вполне мог даже и ночью приехать что-то посмотреть, если ему такая идея приходила в голову. Но все это, разумеется, не убеждало Сергея. Будучи человеком добросовестным и настоящим профессионалом в своем деле, он чувствовал, что не успокоится, пока не найдет убедительного решения этой загадки. Тем более что за семнадцать с лишком лет, проведенных на этой фирме, компания «ОСК» уже давно стала для него много больше, чем просто службой. Головин был и по-человечески привязан к Михаилу Шаповалову, который дал ему работу в трудные времена и несколько раз по-крупному выручал его, когда случались неприятности (а у кого их не бывает?). Симпатизировал Головин и сыну Шаповалова, этому воспитанному в Европах парню, который так толком и не сумел прижиться на российской почве. К Стасу, особенно после смерти его отца, Сергей относился даже несколько покровительственно, хотя был старше его совсем не на много лет, максимум на семь. И вот теперь кому-то пришла в голову идиотская мысль объявить Стаса убийцей. В том, что босс не имеет

никакого отношения к смерти партнера, Головин, с его-то опытом и знанием людей, был стопроцентно уверен. Однако, как понял он из слов Юрки, дело было даже не в том, что полиция взялась всерьез подозревать Станислава, а в том, что сына Михал Анатолича кто-то решил подставить. Кто и зачем – Головин пока не знал. Но дал себе слово разобраться в этом, и как можно скорее.

Однако каждому овощу свое время. Для начала нужно было не допустить, чтобы Стас попал в руки полиции. Необходимо было побыстрее спрятать его в как можно более надежном месте.

Место такое у Сергея на примете имелось. Это была дача его бывшей подружки километрах в восьми от Кубинки – не дача даже, а полноценный дом, теплый и удобный, где было вполне комфортно жить в любое время года, даже сейчас, в эту промозглую бесснежную зиму. Светлана, владелица дачи, несколько лет назад переехала в Германию, но жечь за собой мосты не спешила, сохраняла российское гражданство и собственность. Оставшуюся в Москве большую квартиру она сдавала каким-то иностранцам, а дачу, уезжая, оставила на попечение бывшего любовника, взяв с него клятву, что он будет как следует присматривать за ней. Что Сергей и делал со всей ответственностью, впрочем, и не без удовольствия для себя. Именно на этой даче он планировал встретить через неделю Новый год – в компании друзей и подальше от жены. Теперь от этих планов, конечно, пришлось отказаться, но благополучие шефа представлялось куда более важным делом, чем ночная пьянка с шашлыками на свежем воздухе.

Так и не выйдя из автомобиля после разговора с Юрием, Сергей снова завел мотор и выехал со стоянки. Выруливая на Бульварное кольцо, он одновременно набрал номер Игоря, самого толкового из охранников босса, и дал парню ясные четкие указания. Дважды повторять не пришлось – Игорь понял команду с полуслова и заверил, что уже выезжает за Станиславом Михайловичем.

Нужно было сделать еще несколько звонков – Виктору, новому, но уже хорошо зарекомендовавшему себя охраннику, прошедшему службу в десантных войсках – пусть подстрахует Игоря. В таком деле, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. Виктор принял звонок моментально и, записав адрес шефа, отпрапортовал, что выезжает немедленно.

Уточнив еще раз все детали, Головин нажал кнопку отбоя и тут же перезвонил Стасу. Тот в общем и целом держался молодцом, не впал в панику, не закатил истерику (а подобного поведения в экстремальных ситуациях Сергей насмотрелся предостаточно у лиц обоего пола, причем у

мужчин даже чаще). Убедившись, что его правильно поняли и указания выполняются, Головин позволил себе немного расслабиться. Пока все под контролем, ситуация не вызывает опасений. Если в дороге не случится никакого форс-мажора, он приедет на дачу чуть раньше шефа, отопрет ворота и дом (ключи у него всегда были с собой, на всякий случай) и успеет даже включить отопление. А после того как придут Игорек с Виктором и со Станиславом и он, Сергей, убедится, что босс в полной безопасности, нужно будет вернуться в Москву, навестить Юрку и тогда уже все как следует разузнать.

Автомобиль Сергея уже въехал на Кутузовский проспект, когда раздался сигнал мобильного. Это вновь звонил Юра.

– Плохо дело, Серега! – почти крикнул он. – За твоим шефом аж ОМОН отправили. Едут к вам в офис.

– А пусть прокатятся, – хмыкнул Головин. – Михалыча там все равно нет, он в отпуске с сегодняшнего дня. Обыск и прочие перфомансы будут устраивать?

– Похоже, нет, не планируется. Пока им нужен только Шаповалов, но очень срочно.

– Что ж так приспичило?

– Да не знаю я пока... Но чувствую – дело тут нечисто. Ладно, я перезвоню, будь на связи.

Размышляя, не вернуться ли, пока не поздно, в центр, чтобы самому поехать за Стасом, Сергей одновременно набирал номер Игоря.

– Ты где?

– Да уже почти на месте, Сергей Александрович, Маяковку проезжаю.

– Ясно. Давай скорее, а то у вас будет шанс маски-шоу увидеть. Говорят, они сначала в контору поедут, а потом к вам.

– Все понял, через пару минут буду на месте.

– Ладно, отзовись мне, как только заберешь шефа.

– Слушаюсь, – по-военному откликнулся Игорь.

Двигаясь дальше по Кутузовскому в сторону области, Сергей гадал, чем может обернуться визит омовцев в контору. Юрка сказал, что обыска проводить не будут, значит, тревожиться особенно не о чем. Придут, узнают, что главы фирмы нет, может, для острастки покуражатся, построят народ, отберут телефоны и все такое, пошумят немного да и уберутся восвояси. Нет, в фирме присутствие руководителя службы безопасности сейчас явно не требуется, там обойдутся без него. А вот то, что звонка от Игоря все еще не поступало, уже начинало волновать. По расчетам Головина, они с шефом уже должны были выезжать с Тверской... Что ж

Игорек молчит, не сорвалось ли дело?

Не выдержав, Сергей сам набрал номер подчиненного и послушал безнадежные длинные гудки. Телефон Виктора не отвечал. Да что же это такое?! Ситуация Головину уже здорово не нравилась. Вскоре после того, как «Лендкрузер» пересек МКАД, Головин притормозил, съехал на обочину и стал упорно дозваниваться до подчиненных, но те по-прежнему не выходили на связь. Презрев все правила дорожного движения, он круто повернул руль, развернулся и двинулся в Москву.

Обратная дорога заняла больше времени – вечерело, люди уже начали выезжать с работы, число и величина пробок значительно выросли. Когда Сергей наконец добрался до дома на Тверской, где жил его патрон, уже давно стемнело. Но это не помешало Головину сразу же увидеть, как только он оказался во дворе, припаркованную почти у самого подъезда машину Игоря. От этого зрелища сразу опустились руки. Значит, не успел Игорек...

Вынув молчаливый телефон, Сергей набрал номер Юрия.

– Что ж ты мне даже не сообщил, что их взяли? – прорычал он.

– Кого? – изумился собеседник. – Ты ничего не путаешь? По моим сведениям, задержать Шаповалова не удалось, его объявили в розыск...

– Как это – не удалось? А где же он тогда?

– Ну, это тебе лучше знать, – усмехнулся Юрка.

Окна квартиры шефа были темны, но это не обязательно значило, что дома никого нет. То есть, конечно, это говорило лишь о том, что там нет хозяина. По всей вероятности, в квартире оставили засаду. Подниматься Головин не стал. На всякий случай несколько раз позвонил Стасу на мобильный. Разумеется, это ничего не дало. Ни шеф, ни охранники по-прежнему не отзывались. Тогда руководитель службы безопасности прибег к методу, который полицейские в кино используют гораздо чаще, чем в жизни – занялся поиском свидетелей. Отыскал дворницкую, заглянул в нее, переговорил с собравшимися там плосколицыми и узкоглазыми мужчинами разных возрастов, вероятно, киргизами. Ему повезло – один из дворников, молодой, крепкий, судя по всему, неглупый и сообразительный парень отлично изъяснялся по-русски. Он представился Аликом и в ярких красках сумел описать приезд ОМОНа и то, как бойцы в камуфляже и масках вывели из подъезда, заломив руки, высокого плечистого молодого мужчину в джинсах и кожаной куртке. Сразу узнав по описанию Игоря, Сергей молча кивнул. Но дальше начиналась тайна, покрытая мраком. И Алик, и его менее способные к языкам соотечественники, все в один голос твердили, что арестован был только один-единственный человек – вот этот самый парень. Да, бойцы заходили вон в тот подъезд, видимо, поднимались

куда-то на верхние этажи – но вышли оттуда несолоно хлебавши, того, за кем они приезжали, в квартире не оказалось. Щедро отблагодарив ценных свидетелей, Головин вернулся в свою машину и выехал со двора. Делать ему здесь больше нечего.

И почти тут же зазвонил телефон. На экране возник номер Виктора. Ну, наконец-то хоть какие-то концы по данному делу!

– Что случилось? Где ты? – крикнул Головин в трубку.

– Все сорвалось, – прозвучал глухой, будто сорванный, голос подчиненного. – Мы не успели. Игоря, я видел, забрали, Станислав Михайлович куда-то делся. Кажется, он ушел через крышу. Пытался отследить его, но потерял. Мне еще покрутиться в окрестностях?

Сергей нахмурился. Похоже, дело еще хуже, чем он предполагал.

– Покрутись, – велел он Виктору, – а я поеду разберусь с Игорьком.

– Принято, – четко отрапортовал подчиненный и отключился.

Приятно работать с профессионалами. Они еще повоюют.

Но для начала нужно разобраться, куда могли отвезти Игоря, и ехать туда выручать парня.

С освобождением пришлось повозиться. Хотя на Игоря у полиции ничего не было, да и быть не могло, отпускать его долго не хотели. Головин вызвал лучшего адвоката, с которым сотрудничала их компания, несколько раз звонил Юрке, чтобы тот задействовал свои рычаги, сам долго беседовал со следователем, отвечая на всевозможные вопросы разной степени каверзости, и наконец добился своей цели – его подчиненного выпустили, напоследок дважды предупредив, чтобы не вздумал уезжать из города. Сергей лично добросил парня до его машины, а по дороге во всех подробностях расспросил о происшедшем. Сообщил Игорь не так уж много, подтвердив сведения, уже полученные от Виктора. Опираясь на имеющуюся информацию, он почти с уверенностью мог утверждать, как именно скрылся от полиции Стас – ведь именно Сергей показал ему возможный отходной путь. Но вот куда шеф мог деваться после побега – пока оставалось для Головина загадкой.

Глава третья

За восемь дней до Нового года

Некоторое время Стас неподвижно лежал на грязном разбитом асфальте, кое-где припорошенном тонким слоем подтаявшего снега. Холода он не чувствовал. С тех пор как там, за газетным киоском, пуля впиалась в него и ожгла своим горячим мучительным поцелуем, прошло уже

немало времени, но только сейчас он по-настоящему ощутил боль. Боль, становящаяся с каждым мгновением все сильнее. От нее кружилась голова и плыло перед глазами кроваво-красное марево. В этом тумане сам Стас не мог понять, открыты у него глаза или закрыты. Шок, заставивший его мчаться на бешеной скорости по Тверской, не обращая внимания на рану, постепенно проходил, и теперь Стас чувствовал себя совершенно измотанным и обессиленным настолько, что трудно было даже пошевелиться. Наверное, он все-таки потерял сознание, но, видимо, не полностью, поскольку не отключился, а находился словно бы в бреду. То ему представлялось, что он все еще бежит по темному, перечеркнутому косыми тенями, страшному своей тишиной и безлюдностью переулку-тоннелю, то чудилось, что он снова пытается пролезть в щель ограды и забор сдавливают его ребра своими деревянными ребрами... То вдруг отчетливо, точно наяву, вставал перед глазами его преследователь, который с этим жутким, нечеловеческим выражением лица вскидывал уродливый удлиненный пистолет, а Стас, оцепенев от ужаса, не мог отвести взгляда от черного дальнозоркого зрачка ствола. Снова и снова звучал в его ушах еле слышный щелчок выстрела, казавшийся Стасу оглушительным взрывом, и снова он резко дергался, пытаясь уйти в сторону от летящего навстречу маленького свинцового сгустка смерти.

Должно быть, в какой-то момент Стас вздрогнул не только мысленно, потому что забор вдруг покачнулся, и несколько капель талой воды стекло прямо за шиворот. Ледяная струйка, скользнувшая по спине, ненадолго привела Стаса в чувство. Во всяком случае, впервые за это время в голове пронеслась более или менее связная мысль – похоже, он все-таки сумел оторваться от своего кошмарного преследователя. Это осознание приободрило и придало сил. Однако следом за первой мыслью тут же пришла и вторая – о том, что ни в коем случае нельзя оставаться здесь и продолжать валяться у забора. Во-первых, потеряв сознание, он может просто-напросто замерзнуть, ведь на дворе пусть и теплый, но все равно декабрь. А во-вторых, весьма вероятно, что убийца продолжает его искать. Что если он начнет прочесывать этот переулок, догадается заглянуть через забор и увидит его? Нет, нужно заставить себя подняться и обязательно найти более подходящее место для укрытия. Хотя бы спрятаться в развалинах особняка.

Стас попробовал подняться на ноги, но это удалось не сразу. Голова сильно кружилась, принять вертикальное положение было очень тяжело. Его тут же повело, он снова повалился на бок и сумел справиться с собой лишь после нескольких мучительных попыток, каждая из которых давалась

с огромным трудом. Наконец он все-таки встал, держась за забор, сделал вперед шаг, потом другой. После этого шаткую опору пришлось выпустить из рук, и такая потеря оказалась критической, Стас покачнулся и упал на четвереньки. Опять поднялся не сразу, с массой усилий. Еще один шаг, снова падение... На третий раз он сообразил, что вставать на ноги, собственно, и необязательно, можно продвигаться к своей цели – зияющему чернотой дверному проему в стене дома – и на карачках. Что он и сделал. На четвереньках, а то и вовсе ползком Стас кое-как добрался до особняка, ценой невероятных стараний вскарабкался на то, что когда-то было крыльцом, и оказался внутри. Это путешествие, за время которого нужно было преодолеть всего каких-то несколько метров, отняло у него не менее получаса и абсолютно все силы. Упав на пороге дома, он отключился, на этот раз уже полностью, провалившись в беспросветную мглу, где не было ни мыслей, ни ощущений, ни кошмаров.

Трудно сказать, как долго Стас был в забытьи. Но явно мог бы проваляться вот так без чувств и гораздо дольше, если бы его вдруг не потрясли за руку, и звонкий голос не произнес бы над самым ухом:

– Эй! Ты чего тут разлегся?

Стас услышал этот голос, но он донесся до него, словно через толстый слой ваты. Не то что ответить, но даже осознать, о чем его спрашивают и его ли вообще спрашивают, он был не в силах. Да и не было у него совсем никакого желания как-то реагировать на этот голос. Сейчас хотелось только одного – снова впасть в утешительное забытие, где нет этой жуткой боли в плече и вообще ничто не тревожит...

Однако, судя по всему, оставлять в покое его не собирались. Стас чувствовал, что его трясут все сильнее, а голос продолжает звучать:

– Вот ведь нашелся тут пьянчуга на мою голову! Вставай! Поднимайся сейчас же! Я кому говорю?!

И так как он продолжал лежать без движения, то в голосе через некоторое время появились испуганные нотки:

– Эй, ты жив вообще? Что с тобой?

Наконец Стасу удалось собраться с силами, он застонал и открыл глаза.

Постепенно к нему возвращались ощущения, одно неприятнее другого – боль, холод, невероятная усталость и мерзкий, почему-то отдающий железом, солоноватый привкус во рту. Потом включилось обоняние, и Стас в полной мере смог оценить, чем «благоухает» вход в заброшенный старый дом. Зрение же из всех пяти известных человеческих чувств вернулось к нему последним. Понадобилось некоторое время, прежде чем он сумел

разглядеть в тусклом отблеске уличного освещения того, кто так настойчиво тормозил его. Почти сразу Стас понял, что перед ним ребенок, девочка лет десяти, максимум двенадцати. То, что это именно девочка, можно было догадаться лишь по тому, что из-под рваной грязной курточки неопределенного цвета торчало нечто, напоминающее юбку или платье – трикотажный подол в полосочку со спущенными в нескольких местах петлями. Остальные части наряда склонившего над ним ребенка выглядели еще более удручающе: на голову натянуто несколько вязаных шапочек, выглядывающих одна из-под другой, на ногах толстенные, собравшиеся в гармошку рейтузы и старые, подвязанные веревкой сапоги со сломанной «молнией», которые явно были на много размеров больше, чем требовалось их хозяйке. Шея этого жалкого и в то же время очень энергичного, судя по голосу, существа несколько раз была обмотана почти до самого рта грязным шарфом. В руках девочка сжимала толстую палку, на конце которой торчало несколько кривых ржавых гвоздей. Палка напоминала когтистую лапу свирепого крупного животного, ведущего отнюдь не вегетарианский образ жизни. В таком виде и с этим своим «оружием» выглядела девчушка весьма забавно, чтобы не сказать – комически, но Стасу сейчас было не до смеха. Сознание постепенно возвращалось к нему, но вместе с ним возвращались жуткая боль и чувство полного бессилия.

– Ты живой? – настойчиво повторила девочка.

– Пока живой... – выдавил из себя Стас. – Но это временно...

Подавив стон, он попытался поднять руку и морщась от боли, слегка шевельнул ею. Вроде рука двигалась, значит, кость не задета. «Что ж, первая хорошая новость за сегодняшний день», – пронеслось у него в голове.

Девочка тем временем не сводила с него больших светлых глаз, в которых испуг сменялся отчаянной решимостью.

– Тогда убирайся отсюда! Это мой дом! – она шагнула к нему и замахнулась палкой. Решимость явно победила страх, и девочка отважилась на активные действия. Похоже, она была настроена защищать свое убежище всеми имеющимися у нее силами.

– Уходи! – палка-лапа со свистом пронеслась возле его головы, перед глазами пролетели ржавые гвозди. – А то сейчас как дам!

«И ведь даст... – снова мелькнуло в голове у Стаса. – Для нее, беспризорницы, родившейся и выросшей на помойке, это в порядке вещей... А я сейчас даже постоять за себя не в силах...» Ситуация показалась ему столь нелепой, что Стас, несмотря на всю ее безысходность, чуть не рассмеялся: подумать только, маленькая бомжиха, пигалица от

горшка два вершка, собирается побить палкой с гвоздями его, здорового мужика! Его, миллионера, владельца одной из самых известных московских строительных компаний, нищая девчонка гонит его, как какого-то жалкого бродягу...

– Тихо, тихо! – Стас предостерегающе поднял здоровую руку. – Уймись. Не бойся меня. Я не сделаю тебе ничего плохого. Просто еще немного побуду здесь...

– Нет! – девочка снова взмахнула своим оружием. – Уходи! Нечего тебе тут делать!

Стас невольно вздохнул, и колыхание грудной клетки тотчас отозвалось усилением боли в левом плече.

– Ну, хорошо, хорошо... – примирительно сказал он. – Я уйду, если ты так настаиваешь... Сейчас уйду.

В этот раз вставать было еще тяжелее, чем в прошлый. Опираясь на здоровую руку, Стас кое-как приподнялся, но тут же с громким стоном опять свалился на грязный пол.

Внимательно наблюдая за ним, девочка опустила палку и сперва чуть отступила назад, а потом вдруг подошла ближе, заглянула ему за спину и принялась что-то там рассматривать.

– Это кровь! – испуганно воскликнула она. – Так много!.. Ты что – упал, разбился? Или подрался?

– Я ранен, – неохотно признался Стас.

– Ранен? – Девочка еще больше заволновалась.

– Да... Надеюсь, несильно, – Стас пытался говорить бодрым голосом, но это получалось у него весьма неважно.

– Так надо милицию вызвать! – тут же выдала девочка.

Будь на месте Стаса другой человек, менее погруженный в свои проблемы, он, возможно, удивился бы этой фразе, столь неуместной в устах маленькой бомжихи. Так, наверное, мог бы сказать благополучный ребенок, воспитанный в семье законопослушных граждан и с детства приученный к мысли, что добрые дяди милиционеры бдительно охраняют его покой и безопасность – но никак не беспризорница, для которой стражи порядка обычно представляют реальную угрозу. Однако Станиславу в тот момент было совершенно не до подобных тонкостей. И потому он торопливо проговорил:

– Нет-нет! Ни в коем случае!.. Никакой полиции...

– Тогда тебе нужно к врачу, – предложила маленькая собеседница. Но Стас отверг и эту идею.

– Я не могу, – он помотал головой. – Меня ищут... Мне надо

спрятаться...

И замолчал на полуслове. В самом деле, не рассказывать же этой пигалице об ОМОНе и киллере... В том, что человек, стрелявший в него на Тверской, был профессиональным убийцей, которому его, Стаса, специально заказали, он уже не сомневался.

Некоторое время девочка молча смотрела на него. И если бы в этот момент рядом нашелся какой-нибудь досужий наблюдатель, которому пришла бы охота приглядеться к выражению лица маленькой бездомной, то он сразу понял бы, что в ней борются два мотива – стремление помочь попавшему в беду человеку и нежелание ввязываться в непонятную ей и, возможно, опасную историю. Уж старый вяз, например, точно бы это понял. Но ему не было видно, что происходит внутри дома.

Стас тем временем все-таки сумел подняться на ноги. Вертикальное положение далось ему с трудом, его шатало, и стоять удавалось лишь благодаря остаткам дверного косяка, в который он вцепился здоровой рукой.

– Мне надо идти... – проговорил Стас. И остался на месте.

– А есть куда? – хмуро поинтересовалась девочка.

– Что?..

– Я спрашиваю, тебе есть куда пойти? Где спрятаться?

– Не знаю, – честно отвечал он. – Наверное, нет...

Она еще немного помолчала, затем, приняв решение, тряхнула головой, увенчанной серией безобразных шапочек.

– Ладно. Идем со мной.

– Куда? – не понял он.

– В дом, разумеется. Там тебя вряд ли найдут...

На тот момент Стасу было уже почти все равно, куда идти. Ему хотелось только одного – упасть куда-нибудь и лежать без движения в каком-нибудь темном углу, где никто бы его не трогал. И потому он послушно поплелся вслед за девочкой, даже не особенно задумываясь над тем, куда, собственно, и зачем идет. Хуже все равно уже не будет... Вернее, поплелся – это слишком громко сказано. Начал он с того, что буквально пополз вдоль стены, держась за нее и еле передвигая ноги. Но далеко продвинуться подобным образом было нельзя, и настал момент, потребовавший от Стаса немало мужества и невероятных усилий – нужно было от этой стены оторваться. Как ни странно, но после первых шагов без опоры, давших с огромным трудом, передвигаться стало уже чуть легче. Потихоньку шагая вперед, Стас даже ни разу не упал, хотя постоянно был на грани этого, голова кружилась столь сильно, точно он не

менее часа провел на каком-нибудь вертящемся аттракционе в Диснейленде.

От входа они сразу попали в черневший углами вестибюль. Глаза смутно различали обломки мебели, горы мусора, куски обвалившейся лепнины и широкую мраморную лестницу в глубине холла. Стас почему-то решил, что сейчас придется идти по лестнице наверх, но его провожатая не стала подниматься, а ушла вбок, в темный, заставленный всяким барахлом коридор, потом повернула в другой, еще более тесный и захламленный, затем пересекла большую и узкую, как пенал, комнату.

Девчонка так бойко и уверенно двигалась по развалинам похожего на лабиринт особняка, что сразу становилось понятно – она чувствует себя тут хозяйкой. «Маленькая хозяйка большого дома». Эта фраза почему-то всплыла в памяти, и Стас никак не мог вспомнить, откуда она. Кажется, из Джека Лондона... Ну да, конечно же. «The Little Lady of the Big House». Он читал этот роман и по-русски, и по-английски.

– Сюда! – командовала его провожатая. – Не споткнись, тут какая-то штука из пола торчит... Теперь налево. Осторожно, там дыра в полу...

С трудом держась на ногах, Стас пытался не отставать от нее, а про себя решил, что вряд ли сумеет выбраться отсюда без посторонней помощи. Они повернули еще раз, и еще, потом девочка открыла каким-то чудом сохранившуюся здесь дверь, и Стас почувствовал, как в лицо ему дохнуло тепло. Конечно, теплом это дуновение можно было назвать только с большой натяжкой. Но все же, по сравнению с промозглой сыростью улицы, это все-таки было тепло.

Стас прислонился к стене и осмотрелся, насколько это позволяла царящая здесь темнота, лишь слегка рассеиваемая удаленным светом улицы – фонарей и окон домов в переулке. Комната была небольшой, в два окна. Стекло в одном из них почти полностью цело, другое оказалось забито фанерой, а из щелей торчало какое-то тряпье. Для того чтобы прогреть помещение, таких предосторожностей, конечно, явно было недостаточно, но, по крайней мере, они защищали комнату от ветра и сквозняка – а это уже немаловажно.

– Это мой дом, – с какой-то даже гордостью в голосе заявила девочка.

– И сколько вас тут живет? – вяло поинтересовался Стас.

– Кого это «вас»? – тут же с вызовом переспросила она.

Слово «бомжей» уже готово было сорваться с его языка, но Станислав в последний момент сдержался.

– Ну, я ж не знаю, с кем ты живешь... – замялся он.

– А ни с кем, – прозвучал неожиданный ответ. – Я одна.

Заявлено это было не без гордости.

– То есть как это? – Он так удивился, что даже забыл на миг о горящем адским огнем плече, слабости и головокружении. – Я думал, что все... ну... те, у кого нет дома... живут группами. Так же легче...

– А мне вот легче одной, – очень по-взрослому отрезала девочка.

Поняв, что тема эта ей неприятна, Стас замолчал, прислонился спиной к стене и принялся рассматривать помещение, в котором оказался волею судеб. Батарей под окнами не было, обломки труб отопления сиротливо торчали из стены, точно культя инвалида. Зато в комнате имелся камин, небольшой, порядком ободраный, но, похоже, исправный. Не сходя с места, Стас глянул в его зияющую пасть и увидел стоящий на кирпичках старый, дочерна закопченный чайник.

– Чуть попозже можно будет зажечь камин, – сообщила девочка, заметив его взгляд. – И воды вскипятить. Но так рано нельзя, а то Толян заметит дым, и тогда мне не поздоровится. Лучше немного потерпеть. Сейчас я зажгу свечку.

– Ты что, разжигаешь камин? – удивился Стас.

– А как я, по-твоему, греюсь? Одними этими шапками, что ли? – усмехнулась девочка. – И воду надо как-то кипятить.

– А это не опасно? Камин ведь старый? Наверное, неисправный... Можно ведь и угореть или устроить пожар, – продолжал сомневаться он.

– Да пока вроде все обходилось, – отвечала его собеседница. – Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить, – она постучала костяшками пальцев по стоявшему у стены древнему столу. Такие столы Стас видел только в советских фильмах середины прошлого века, они были неотъемлемой деталью интерьера каждой конторы во времена, когда еще никому не приходило в голову употреблять слово «офис» по отношению к отечественной действительности. – Камин все-таки греет, только коптит слегка.

– А кто такой Толян? – спросил Стас, с удовлетворением констатируя, что понемногу начинает согреваться. Во всяком случае, чувства озноба, которое навалилось на него на улице, уже не было. Только вот раненое плечо не давало ни на секунду забыть о себе.

– Местный дворник, – ответила девочка с такой неприязнью, что у нее даже голосок зазвенел от ненависти. – Мерзейший тип.

Порывшись под столом, она извлекла огарок церковной свечки и зажгла ее, ловко укрепив на крышке стоявшего тут же поблизости небольшого допотопного сейфа. Судя по многочисленным следам расплавленного воска на его поверхности, играть роль канделябра сейфу было явно не впервой. Нельзя сказать, чтобы от одной маленькой свечечки

в комнате стало намного светлее, но все же глаза уже начали привыкать к темноте, и Стас сумел получше рассмотреть помещение, в котором находился. Кроме стола и сейфа здесь имелось и еще кое-что, что могло претендовать на гордое звание мебели – колченогий стул с остатками разодранной в клочья матерчатой обивки и матрас на деревянном каркасе, служивший, очевидно, в лучшие свои времена основанием дивана. Впрочем, судя по всему, он и теперь употреблялся по тому же назначению, так как сверху него было постелено ватное одеяло, все в прорехах и пятнах, а с одного края лежал тугой тряпичный узелок, который, как догадался Стас, хозяйка дома использовала как подушку.

– Садись, – радушно пригласила девочка.

Стас с опаской поглядел на стул, потом на «кровать», наконец решился опуститься на край матраса и, привалившись к стене, вытянул ноги и закрыл глаза. После долгого утомительного перехода по коридорам это могло бы показаться блаженством – если б не боль в плече. Неловко повернувшись, он застонал так громко, что девочка даже вздрогнула.

– Давай я осматрю твою рану, – предложила она после небольшой паузы.

– Зачем? – усмехнулся Стас. – Не думаю, что ты разбираешься в медицине...

– Ты думаешь, что будет гораздо лучше умереть здесь от потери или заражения крови? – тут же парировала девочка. – Я, конечно, не врач, но перевязать рану сумею.

От этих простых слов Стасу вдруг стало неловко. И правда, зачем он, как это сейчас называется, наехал на девчонку? Да, она бомжиха, она грязная и оборванная, и вид ее вызывает чувство брезгливости... Но она подобрала его, можно сказать, на улице, раненого, истекающего кровью, привела в более или менее теплое место, готова дать приют и оказать помощь... А он позволяет себе язвить в ее адрес.

– Знаешь, я буду тебе очень признателен, если ты это сделаешь, – проговорил Стас, стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно более миролюбиво.

Он размотал шарф, снял сильно пропитавшиеся кровью пальто и пиджак. Раздевался Стас со всеми возможными предосторожностями, но все равно каждое движение еще больше усиливало и без того резкую боль, так что вскоре, увидев его мучения, девочка принялась помогать ему. В четыре руки (или, точнее, в три с половиной, потому что левая рука Стаса шевелилась еле-еле) стало не в пример легче. Но когда дело дошло до рубашки, раненый и его добровольная помощница столкнулись с

неразрешимой проблемой. Тонкая хлопковая ткань из белоснежной стала бурой и так сильно прилипла к плечу, что оторвать ее не представлялось возможным. После нескольких попыток, причинивших Стасу невыносимые страдания, девочка отказалась от этой затеи и, снова порывшись под столом, извлекла на свет божий небольшой кухонный нож, у которого отсутствовала одна из пластиковых накладок на рукоятке, и принялась кромсать им ткань вокруг раны. Нож никак нельзя было назвать острым, резать пришлось долго, но наконец старания «сестры милосердия» увенчались успехом. Бережно собрав из стоявшего в камине чайника остатки воды, девочка промыла рану.

– Посмотри, не осталась ли там пуля, – морщась, попросил Стас. – Если осталась, ее обязательно нужно вытащить...

– Пуля? – снова перепугалась девочка. – В тебя стреляли?

– Нет, блин, я сам ее себе туда засунул! – он сорвался было на крик, но заставил себя сдержаться невероятным усилием воли.

– Я ничего такого не вижу...

– Ладно, давай я сам...

Толком рассмотреть что-то при таком освещении было и впрямь невозможно, и он, чуть не воя от боли, заставил себя ощупать рану здоровой рукой. К счастью, пуля и вправду не обнаружилась. Стас был не слишком силен в медицине, но все же осмелился предположить, что его рана не слишком опасна. Кость, похоже, не задета. Очевидно, пуля прошла по краю, повредив лишь кожу и мышцу, а раз так, значит, еще можно жить. После этого открытия Стасу даже стало полегче, и они приступили к перевязке.

Тем же самым ножом девочка при содействии Стаса, который помогал ей здоровой рукой, отрезала полу его рубашки, которую решено было использовать вместо бинта. Опасения раненого оказались напрасны – девчонка довольно успешно справлялась с перевязкой.

– Кстати, если кому интересно, меня зовут Таня, – сообщила она, обматывая его плечо самодельным бинтом. – А тебя?

– Станислав Михайл... – начал было он, но тут же оборвал сам себя. – Стас. А тебе сколько лет, Таня?

– Летом исполнилось двенадцать.

– А где твои родители? – задал он вполне естественный для подобной ситуации вопрос.

– Умерли, – коротко отвечала девочка.

– Что, оба? И папа, и мама?

– Да, и бабушка тоже. Ну вот и все, – удовлетворенно заметила Таня,

завязав узел на обрывке рубашки. – Давай помогу тебе одеться, а то замерзнешь.

Он принялся натягивать с ее помощью пиджак и пальто. Влезать в грязную и мокрую, перепачканную кровью и еще бог знает чем одежду было крайне неприятно, но из двух зол пришлось выбрать наименьшее. Лучше быть одетым хоть так, чем сидеть голышом в неотопливаемой комнате. Закончив мучительный процесс облачения, застегнув пуговицы, замотавшись в шарф и как можно глубже упрятав руки в карманы, совершенно обессиленный Стас прислонился спиной к стене и закрыл глаза. После перевязки боль в плече немного утихла, во всяком случае, ему очень хотелось в это верить.

– Ты как? – осторожно поинтересовалась Таня. Голос ее был полон сочувствия.

– Спасибо, благодаря тебе намного лучше, – отвечал он. – Вот только пить очень хочется.

Его давно уже мучила жажда, но не было случая сообщить об этом.

– Сейчас. Вот, возьми, – проговорила она после небольшой паузы.

Неохотно разлепив веки, Стас увидел, что девочка протягивает ему полулитровую пластиковую бутылку, заполненную примерно на треть каким-то фруктовым напитком ядовито-кислотного цвета.

– Может, дашь мне просто обычной воды? – поморщился Стас, который никогда в жизни не пил никакой сладкой газировки, включая пепси, колу и прочее. Не враг же он своему здоровью! – Хотя бы из-под крана?

– Извините, ваше величество, водопроводными кранами мой дворец не оборудован, – сердито отшутилась Таня. И тут же добавила, уже без ехидства в голосе:

– Вообще-то, вода – это самый большой дефицит. Еду еще можно найти, а вот питьевую воду только покупать приходится. Взять-то негде... В смысле, можно взять из трубы, тут неподалеку, но ее пить нельзя, она ржавая. Только если в камине вскипятить...

Скривившись, Стас сделал глоток приторно-сладкой газировки. Жажды это не утолило, наоборот, еще больше захотелось пить. Он глотнул еще и еще, но понял, что никогда не напьется этой бурдой, и отнял от губ бутылку.

Таня, очевидно, неправильно его поняла, потому что поспешила его заверить:

– Да ты пей, пей, не жалея. Я эту бутылку не покупала, я ее на улице нашла...

Не сдержавшись, Стас смачно выплюнул газировку прямо на пол и с трудом подавил рвотный рефлекс. Таня с сожалением поглядела на него:

– Надо же, какой ты брезгливый... Только зачем плевать-то было, продукт переводить? Не хочешь – оставил бы мне...

– Извини, – буркнул Стас, снова откидываясь назад и прислоняясь к стене. Ему снова стало хуже, голова закружилась, темная комната поплыла перед глазами. Уже плохо контролируя себя, Стас завалился на бок и снова впал в тревожное забытие, полное смутных пугающих видений. Несколько раз он словно бы выныривал из этого вязкого мутного омута и вновь проваливался в него, так и не успев осознать, что происходит. В какой-то из моментов частичного прояснения, очнувшись, но снова не полностью, Стас вдруг ощутил, что стало намного теплее, услышал тихое потрескивание и уловил запах гари, показавшийся ему самым приятным из всех ароматов на свете. Он плотнее завернулся в свое пальто и вновь отключился. Кошмары больше не тревожили его, обморок превратился в крепкий сон – тяжелый, вязкий, но зато без всяких мучительных сновидений.

Глава четвертая

За восемь дней до Нового года

Как раз в тот момент, когда Стас забылся мутным сном в развалинах особняка, доживающего свой век в тихом переулке рядом с Тверской, по другому переулку, выходящему на ту же улицу, только чуть подальше от центра и гораздо более оживленному, катил новенький «Бентли». За ним следовал по пятам (если такое выражение уместно для описания автомобиля, но не говорить же «по задним колесам»!) «Сабурбан» с охраной. Сбавив скорость, обе машины приблизились к кованой ограде, за которой виднелся в глубине двора недавно отреставрированный дом в стиле модерн. Ажурные ворота распахнулись, и автомобили въехали во двор, который даже в это затянувшееся межсезонье выглядел чистеньким и ухоженным – аккуратно подстриженные деревья, выложенные тротуарной плиткой сухие дорожки, скамейки с изящно изогнутыми спинками, оригинальной формы клумбы, заботливо укрытые на зиму. Имелся тут даже небольшой фонтан, который сейчас, конечно, не работал, но все равно очень украшал двор.

Когда «Бентли» остановился, из предупредительно открытой водителем двери вышла невысокая, стройная и по виду моложавая белокурая женщина, закутанная в соболиную шубку. Цокая острыми каблуками высоких серебристых сапог, она, сопровождаемая охраной, вошла в украшенный цветами и зеркалами подъезд, шагнула в лифт, где имелась даже бархатная скамеечка, и сама нажала третью кнопку

маленькой рукой, затянутой в длинную перчатку под цвет сапог. Войдя в квартиру, занимавшую весь этаж, женщина небрежным движением руки отпустила секьюрити, кинула, не глядя, на столик серебристую сумочку-клатч, сбросила шубу и встала перед зеркалом. Теперь, в ярко освещенном холле, если бы какой-нибудь досужий наблюдатель вроде старого вяза во дворе полуразрушенного особняка заглянул ей через плечо, он сразу понял бы, что эта женщина совсем не так молода, как хочет казаться. Морщины в уголках глаз, дряблая кожа на шее, пятнышки на лице, предательски выглянувшие из-под стершегося за день слоя косметики – все это выдавало далеко, увы, не юный возраст. Но, к счастью для женщины, вяз находился далеко, и подглядывать за ней сейчас было некому.

Женщина, ее звали Раисой Ивановной Ветровой, опустилась на меховой пуфик, стянула с уставших ног сапожки, отшвырнула их и, как была, в одних колготках, прошла по теплому дубовому паркету через роскошно, но со вкусом обставленные комнаты в самую дальнюю – спальню. Упала без сил на огромную скругленную кровать с кисейным пологом, положила ноги на подушку и подняла взгляд к высокому, больше трех метров, потолку, расписанному цветами и амурами, как в дворянской усадьбе восемнадцатого столетия. Сам вид этой комнаты в бежевых и коричневых тонах, с обстановкой, почти полностью стилизованной под старину, с аутентичным трехстворчатым зеркалом, с туалетными столиками на гнутых ножках, с тяжелыми портьерами, бывшими точной копией так понравившихся ей штор в Версальском дворце (не только рисунок, но даже материал точно такой же), уже действовал на нее успокаивающе. Раиса удовлетворенно вздохнула и закрыла глаза. Как же все-таки хорошо быть состоятельной женщиной! Можно обладать всем, что понравится. Неважно, что это – вещи или люди...

Разумеется, подобная возможность досталась ей не легко и не сразу. Прежде чем Раиса научилась добиваться своего, причем кратчайшим путем, ей пришлось пережить множество разочарований и расстаться со многими иллюзиями. И раньше всего с той, что в этом мире все ждут ее с распростертыми объятиями и готовы швырнуть к ее ногам все, что она пожелает. С годами она поняла, что за все, что хочешь иметь, нужно побороться. И всю жизнь только этим и занималась, потому что знала – она, Раиса, достойна самого лучшего.

Эта уверенность в своей избранности, особенности, уникальности осталась у нее с детства. Она была единственным ребенком у родителей, и те души не чаяли в своей умненькой и красивой дочурке. Как и вся их многочисленная родня. Рая появилась на свет спустя всего четыре года

после войны, на которой Федотовы, как практически все семьи Советского Союза, потеряли многих своих близких. Оставшиеся без мужей и детей тетушки, бабушки, двоюродные и троюродные сестры перенесли всю свою любовь на девочку и баловали ее, как могли.

Городок, где она родилась и провела детство, был маленьким и тихим. И, как потом поняла подросшая Раечка Федотова, донельзя провинциальным и захолустным. Это поначалу ей нравились его зеленые улицы, высокий берег над Окой, с которого открывались убегающие к горизонту просторы, к которому доносились гудки парходиков, пение птиц и ароматы цветов на лугу, начинающемся сразу за городской окраиной. Девочке нравилась школа, бывшая гимназия, находившаяся в старинном здании с небольшими окошками и толстыми надежными стенами, нравилась мощенная булыжником центральная площадь, уютная, точно мягкое кресло, нравились разбегавшиеся от нее вверх по склонам узкие улочки и дома за высокими заборами с массивными воротами, с каменным первым этажом и деревянным вторым. Город казался ей особняком со множеством комнат, чуланов, террас и балконов. Или шкатулкой с секретом. Или старинным шкафчиком со множеством всяких ящичков и отделений, вроде того, что стоял в областном краеведческом музее. А потом этот «особняк» как-то съезжился, потускнел, стал невыносимо скучным и убогим.

Но это произошло потом, а в детстве ей было здесь легко и хорошо. Отец Раи был секретарем горкома партии, и потому Раечке легко доставалось то, о чем большинство ее сверстниц в голодные послевоенные годы не могли и мечтать. В то время только-только были отменены продовольственные карточки, люди ютились в бараках без всяких удобств, дети донашивали одежду с чужого плеча, кое-как перешитую и перелицованную – а Рая жила с родителями в отдельной квартире с отоплением и водопроводом, каталась на папиной персональной машине с водителем, ела конфеты, колбасу и крабы и щеголяла в модных платьицах. У нее было много игрушек, притом настоящих, а не самодельных, лаковые туфельки и отдельная комната, где стояло сверкающее пианино. Каждое лето она ездила отдыхать на море в пионерский лагерь «Артек», и минимум два раза в год папа брал ее в командировку в Москву, где они ходили в цирк, на концерты, в кафе-мороженое и в красивые магазины ГУМ, ЦУМ и «Детский мир». Москва Рае всегда нравилась, и когда девочка повзрослела настолько, что пришла пора задуматься о будущем, у нее и вариантов не было – конечно, она поедет учиться в столицу. Вся семья горячо поддержала ее. Разумеется, в Москву, не в областной же пединститут

поступать такой умненькой красавице! Рая и впрямь училась на одни пятерки и школу окончила с золотой медалью, но то, что причиной таких успехов были отнюдь не ее собственные заслуги, а желание педагогов угодить ее папе, она поняла уже значительно позже. А пока на семейном совете был выбран вуз – Финансово-экономический институт. Профессия экономиста по тем временам считалась весьма почетной и престижной. С крышей над головой проблем не было – две престарелые Раины тетушки жили в Москве, в самом центре, у Никитских ворот, в большой трехкомнатной квартире, и были только счастливы приютить у себя милую племянницу.

В столицу Раечка ехала полная самых радужных надежд. Она не сомневалась, что станет лучшей студенткой на курсе, а может быть, и во всем вузе, и преподаватели устанут хвалить ее. Но это, конечно, было не самое главное. Больше всего мечтала Рая о том, как ее сразу же после приезда окружит толпа поклонников, среди которых будут известные артисты и герои-летчики, и, может быть, даже сыновья министров. Что все они потеряют голову от ее красоты, будут красиво ухаживать за ней, осыпать цветами и подарками и наперебой умолять ее счастливить их, отдав руку и сердце. К моменту окончания школы в родном городе она наблюдала уже нечто похожее, на нее действительно обращали внимание несколько молодых людей, которые были совсем не прочь породниться с Федотовыми, одной из самых высокопоставленных семей района, но Рая даже не глядела в сторону местных поклонников. Она всегда была уверена, что заслуживает совершенно иной, куда более лучшей жизни.

Однако судьба распорядилась иначе. То есть с поступлением проблем не возникло, папины хорошие знакомые помогли, Раю зачислили на первый курс, и тетушки приняли ее к себе с распростертыми объятиями. Но на этом везение закончилось.

Во-первых, оказалось, что учиться в институте – это совсем не то, что без особых усилий получать пятерки в школе. Здесь требовалось ежедневно сидеть над учебниками лишь для того, чтоб хотя бы понимать, о чем говорит на лекции преподаватель. Впрочем, Рая действительно была умной, способной, а главное – целеустремленной девочкой, и это помогало ей справиться с «гранитом науки». Она умела и быстро схватить суть того или иного предмета, и удержать в голове, благодаря прекрасной памяти, большой объем информации. И потому училась хорошо, пусть и не была круглой отличницей, но до отметок «удовлетворительно» тоже никогда не скатывалась.

Так что с учебной все более или менее складывалось, а вот со всем

остальным оказалось гораздо сложнее. К своему удивлению и разочарованию, Рая быстро поняла, что в Москве никто не замечает ее исключительности и избранности. Мало того, она обнаружила, что умненьких, хорошеньких и модно одетых девочек здесь пруд пруди, что она всего лишь одна из многих и никто не спешит бросать к ее ногам свои сердца и обещать ей все блага мира.

С этим трудно было смириться, да она и не хотела так легко сдаваться, становиться одной из многих и сливаться с серой толпой. Рая из кожи вон лезла, чтобы быть лучшей и в учебе, и в институтской команде КВН, и на вузовских вечерах. Но в глубине души она чувствовала, что это все не то. Да, она хорошо училась, была яркой привлекательной девушкой, парни обращали на нее внимание. Но все то же самое было как минимум у половины студенток ее института. А Рае хотелось, чтобы ее жизнь складывалась как-то особенно, чтобы в ней имелось то, чего нет и никогда не будет у других.

Именно потому на втором курсе Рая и влюбилась в Ника – самого популярного, яркого и модного парня в институте. Вообще-то его звали Колей Семеренко, но об этом помнили только преподаватели, студенты же именовали его исключительно на английский манер, так, как он сам себя называл. Будучи сыном сотрудника Внешторга, Ник очень модно одевался, носил брюки-дудочки, нейлоновую сорочку с маленьким воротником, тонкий черный галстук, ботинки с узкими носами и куртку из искусственной кожи на молнии. Он прекрасно танцевал твист и шейк, отлично разбирался в современном искусстве и обладал огромной коллекцией пластинок и магнитофонных записей. И если добавить к этому, что Ник был высоким красивым и спортивным блондином с веселыми карими глазами и почти круглый год загорелым лицом, то нетрудно будет понять, какой популярностью он пользовался у девушек.

Рая приложила все усилия, чтобы завоевать Ника. Она следила за модой, старалась лучше всех одеваться, покупала у спекулянтов вещи и косметику, брала уроки танцев – деньги на все это, естественно, присылали родители. Учеба отошла на второй план, поскольку главной задачей Раи теперь стало оказаться на той вечеринке, где может быть Ник. И через какое-то время она добилась своего. Ник обратил на нее внимание, завязался роман, который продолжался больше года. На курсе уже никто не сомневался, что отношения у них более чем серьезные и дело, несомненно, закончится свадьбой. Идя по коридорам института, Рая то и дело слышала, как шепчутся за ее спиной в бессильной злобе завистницы-неудачницы – вот ведь, сама приезжая, а ради столичной прописки подцепила москвича,

да какого! Ее эти пересуды нисколько не расстраивали, даже наоборот, доставляли ей удовольствие. Наконец-то она получила по заслугам и приобрела то, чего нет у других, но что всем хотелось бы иметь...

Все рухнуло за какой-то месяц, когда Ник вдруг переключил свое внимание на ничем не примечательную девчонку со смешной фамилией Бублик. С точки зрения Раи, эта Наташка вообще ничего собой не представляла. Маленькая, меньше ее, Раисы, ростом и при этом еще и толстая, под стать фамилии – аж сорок восьмой размер, глаза круглые, волосы вьются какими-то глупыми кудряшками... Фу, смотреть не на что! Но Ник, как оказалось, считал иначе. Он перестал приглашать Раю на свидания, избегал встречи с ней, а когда она звонила ему, просил домашних сказать, что его нет дома. А потом сам вдруг позвонил и сообщил, что у них с Наташей все очень серьезно и, вероятно, они скоро поженятся.

Это сообщение буквально убило Раису. Парень, в которого она была влюблена и на будущее с которым уже строила планы, бросил ее, просто выкинул из своей жизни, как опустевшую сигаретную пачку. А ведь Ник стал ее первым мужчиной, у них, как это называли Раины подружки, уже все было. Но больше всего она оскорбилась тем, что ее, признанную красавицу, обаятельную и эрудированную девушку, не просто бросили, а променяли на какое-то ничтожество. Была бы на месте Наташки московская фифа из приличной семьи, Ника еще можно было бы понять. А тут «толстый бублик» без роду без племени откуда-то из Поволжья.

Никто не видел Раиных слез, кроме подушки. Со временем слезы кончились, но в сердце осталась, как говорится, незаживающая рана. От предательского и, как считала Рая, несправедливого удара она долго не могла оправиться. В мыслях она перебирала все возможные варианты мести, включая даже убийство соперницы и/или коварного изменника. Но потом решила, что не опустится до такого. Нет, она отомстит по-другому, более изящно, более изощренно. Она достигнет самых высот и покажет Нику, как много он потерял. И он пожалеет – но будет уже поздно. В мечтах Рая с наслаждением рисовала картину того, как она – богатая, успешная, процветающая женщина, достигшая всего, когда-нибудь встретит Ника, сломленного неудачника, брошенного женой, возможно даже, спивающегося. Он, разумеется, сначала ее не узнает, а потом... Что будет потом, она никак не могла себе представить. Простит ли она его? Или, наоборот, презрительно рассмеется? Но сам этот момент их встречи, расстановка фигур на черно-белом жизненном поле, ей чрезвычайно нравились. Было в них что-то упоительно сладкое и справедливое.

А пока надо было жить и любой ценой добиваться своей цели,

выбивать у жизни то, чего она, Рая, достойна. И после обмана со стороны Ника чувство собственной избранности у Раисы никуда не исчезло. Просто она отчетливо поняла, что без приложения собственных усилий ничего не получит.

Поразмыслив, Рая решила, что неплохо было бы выйти замуж. Не за первого встречного, конечно, а как можно более удачно. И метод для устройства своей судьбы она выбрала самый что ни на есть классический – старое доброе сватовство. На поиски подходящего жениха для Раечки московские тетушки мобилизовали всех своих многочисленных подруг и знакомых. Вскоре было подобрано несколько подходящих кандидатур. Внимательно рассмотрев и оценив каждую из них, Рая предпочла всем поклонникам бездетного вдовца Павла Петровича Ветрова. Жениху минуло уже пятьдесят восемь, то есть он был на тридцать с лишком лет старше своей невесты, но ту это нисколько не смущало, потому что Павел Петрович занимал солидный пост не где-нибудь, а в Министерстве финансов.

Свадьбу сыграли роскошную, в ресторане «Седьмое небо», располагавшемся на недавно построенной Останкинской телевизионной башне. Поселились молодые в пятикомнатной квартире на Мясницкой улице, прямо напротив знаменитого на всю столицу чайного магазина. Теперь Раиса, в отличие от всей остальной серой массы иногородних студентов, да и москвичей тоже, могла не беспокоиться больше о распределении. Ей не грозило ни быть засланной в какую-нибудь глушь, ни даже возвращение в родной город. К тому моменту, когда Рая получила диплом, ее уже дожидалось тепленькое местечко заместителя директора в одном из столичных филиалов Сбербанка, называвшегося тогда сберкассой.

Счастлива в семейной жизни Раиса, конечно, не была. Да и какое может быть счастье для молодой красивой женщины, вынужденной каждую ночь ложиться в постель с толстым, обрюзгшим и вечно всем недовольным мужчиной? За годы супружества ее равнодушие к мужу сменилось отвращением, но у Раи хватало ума не выказывать этого Павлу, а, наоборот, убеждать его в своей любви, а самое главное – всячески поддерживать и культивировать в нем любовь к ней. Благодаря его вниманию и заботе Раиса жила намного лучше значительной части соотечественников, ездила на собственных «Жигулях», питалась дефицитными продуктами, следила за собой и за модой и очень гордилась тем, что «на ней нет ни одной отечественной нитки». Ради этого можно было смириться со многим, даже с опостылевшим супругом. С Павлом Петровичем она прожила целых девятнадцать лет и, когда его наконец не

стало, вздохнула с огромным облегчением. К тому же, прежде чем покинуть этот мир, супруг сделал ей последний, самый главный в жизни подарок – помог организовать собственный банк. Как раз началась перестройка, страна взяла курс на капиталистическое развитие, и Рая, которой всегда нравилось держать нос по ветру и отслеживать все новое во всех областях, будь то работа, фасон платьев, кино или способ нанесения макияжа, загорелась идеей открыть свое детище, которое, как ей мечталось, в дальнейшем составит конкуренцию самому Сбербанку.

Конечно, осуществить подобную идею на деле было не так-то просто, но Раиса Ветрова привыкла добиваться своих целей. Уверенно, шаг за шагом, она двигалась все вперед и вперед. И победила. Банк «Модус» (ей всегда нравилось это латинское слово) вошел в первую двадцатку банков, появившихся в новой России, но, в отличие от большинства своих собратьев, не прекратил через некоторое время своего существования по тем или иным причинам, а продолжал жить, здравствовать и развиваться на протяжении многих лет. Раиса не сомневалась, что это целиком и полностью ее заслуга. За годы работы в Сбербанке она стала не просто хорошим специалистом, а настоящим крутым профессионалом. Однако даже больше чем опыт и знания, ей помогали природная рассудительность и развитое чутье. Оказавшись перед ситуацией выбора, Раиса чисто интуитивно чувствовала, как надо поступить, а как не стоит. Вот, например, насколько был велик соблазн в начале девяностых поучаствовать в финансовых пирамидах, сделать легкие и быстрые деньги да прикрыть лавочку? Многие так и поступили, торопясь поскорее хапнуть свой кусок. А она осталась в стороне от этой вакханалии, так как понимала, что гонится не за сомнительной наживой, а за долгим и стабильным благополучием. Обеспечить которое может только безупречная репутация, которую и сохранял на протяжении долгих лет ее «Модус». Или взять кредитную политику, ту самую, которая привела не так давно весь мир к масштабному экономическому кризису. В этой области Рая тоже всегда была весьма осторожна. Разумеется, «Модус» выдавал кредиты, как же без этого. Но отнюдь не первому попавшемуся типу, которому достаточно было помахать паспортом перед носом девочки-операционистки, а солидным и вызывающим доверие клиентам. Таким, например, как «Объединенная Строительная Компания», бравшая у нее крупные кредиты под залог части акций. С владельцем «ОСК» Мишей Шаповаловым Рая была знакома еще со студенческих лет, они вроде даже нравились друг другу, но дальше флирта дело не пошло. Он женился, она вышла замуж, и их пути на время как-то разошлись – чтобы через двадцать лет пересечься вновь. Случайная

встреча в театре привела к долгому, плодотворному и взаимовыгодному сотрудничеству. Думая об этом, Рая не переставала удивляться, насколько же прихотливо играет иногда судьба...

Личная жизнь Раисы была не менее насыщенной, чем профессиональная. Рая всегда любила мужчин, любила хороший секс, любила нравиться, вызывать восхищение, становиться объектом красивого ухаживания. Уже через несколько месяцев после свадьбы она начала заводить романы, разумеется, со всеми предосторожностями, чтобы супруг ни о чем не догадался. А когда наконец-то стала вдовой, то тут уже дала себе полную волю.

Вот только влюбляться Раиса себе больше не позволяла – после истории с Ником и другой, очень похожей на нее истории, которая случилась на третьем году замужества. Рая отдыхала в тот год в Прибалтике, в Друскининкае, где как раз в то время снимался исторический, так называемый костюмный фильм с участием известных актеров. С одним из них, который ей всегда очень нравился, Раисе удалось познакомиться в ресторане. Первое время она не позволяла себе ни на что надеяться, будучи уверенной, что их интрижка прекратится, как только они разъедутся. Но, к ее удивлению, актер позвонил ей и в Москве, и они снова стали встречаться. Тут-то Рая и расслабилась, позволила себе увлечься не на шутку. И зря, потому что через полгода он все равно бросил ее. Просто исчез, ничего не объяснив, без всяких прощаний и выяснений отношений, перестал звонить – и все. Вот с тех пор Раиса и решила поставить крест на чувствах. В конце концов, для того чтобы иметь регулярный и качественный секс, вовсе не обязательно влюбляться. Даже наоборот, лучше не испытывать никаких сердечных волнений, так даже удобнее обоим.

Время шло, любовники менялись, но заводить их с каждым годом становилось все труднее. Как-то очень быстро, почти незаметно для самой себя Раиса перескочила границу между молодостью, когда мужчины готовы завоевывать внимание женщины и платить за ее благосклонность, и тем возрастом, когда расплачиваться за интерес к своей персоне приходится уже самой женщине. Первый раз Рая столкнулась с этим лет десять назад, когда отдыхала во Флориде, в Уэст-Палм-Бич. Увидев в ресторане загорелого мачо, чья одежда больше демонстрировала, чем скрывала великолепное мускулистое тело, Раиса привычно начала строить ему глазки – на что мачо тотчас откликнулся, подсел за ее столик и, нисколько не стесняясь, сразу же назвал цену, которую берет за ночь. Рая чуть в обморок не упала, так была оскорблена. Ей тогда было всего-то пятьдесят три года,

она великолепно выглядела, не вылезала из салонов красоты, была стройна и изящна, одевалась по молодежной моде, и со спины ее даже иногда принимали за девочку. А тут, глянув в лицо, предложили заплатить за секс!

Однако сколько ни возмущайся, а смириться с неприятной действительностью все-таки пришлось. Тем более что чем старше становилась Раиса, тем моложе были мужчины, которые ей нравились. Для своих ровесников она могла еще представлять какой-то интерес – «по старой памяти», как шутил Миша Шаповалов, ныне уже покойный. А вот для тридцатилетних и тем более двадцатипятилетних красавчиков – увы. Это прагматичное, жадное до жизненных благ, но крайне ленивое поколение привлекали в Раисе только ее деньги и статус. Конечно, признавать это было чертовски обидно, но альтернатив никто не предлагал. А как говорится, не можешь изменить ситуацию – измени свое отношение к ней. Рая научилась проще смотреть на вещи и зажила себе припеваючи... До тех пор, пока не встретила Ильдара.

Этот темноволосый юноша с капризным чувственным ртом, невероятно яркими синими глазами, нежной, как у девушки, кожей и великолепным гибким телом, один вид которого сводил Раю с ума, стал ее последней и самой сильной любовью. А может быть, и первой. Может быть, все, что случилось в ее жизни до него, было лишь пустяком, репетицией перед единственным в жизни настоящим чувством, которое хоть и поздно, но все-таки пришло к ней. Во всяком случае, именно так думала Раиса, лежа на широкой мягкой кровати в своей роскошной спальне, отдыхая после тяжелого дня и поджидая Ильдара. Раньше она всегда волновалась по вечерам, ей казалось, что вот-вот настанет тот день, когда ее возлюбленный больше не придет. Так было с Ником, так было с тем артистом... Неужели так случится и с Ильдаром? Нет, она просто не переживет этого!

Но сегодня Раиса была абсолютно спокойна. Она знала, более того, была уверена – после того, что она сделала для своего любовника, он теперь никуда от нее не денется. Уж об этом-то она позаботится.

Рая победно улыбнулась и потянулась за мобильным телефоном.

Глава пятая

За семь дней до Нового года

Те несколько мгновений, которые отделяли сон от пробуждения, показались Стасу истинным блаженством, поскольку сознание его уже проснулось, а боль – еще нет. Но, увы, этот период оказался слишком кратким, а дальше плечо вновь напомнило о себе. Неловко повернувшись, Стас дернулся, застонал и открыл глаза.

Оказалось, что уже давно рассвело. Сквозь грязные стекла единственного уцелевшего в комнате окна глядело безрадостное зимнее утро – типичное хмурое утро загазованного и перенаселенного мегаполиса. О, если бы Стас мог поговорить с тем особняком, в который волею случая забросила его судьба! Вот кто порассказал бы ему о том, какие утра бывали раньше в Первопрестольной – свежие, ясные, румяные... Какое чистое было небо, какое яркое солнце, какие дивные зори вставали над Москвой-рекой! На какие шедевры они вдохновляли великих поэтов, художников, композиторов! Нынче уж все не то... Теперь двести пятьдесят дней в году, независимо от сезона, по утрам над столицей только тусклая серая хмарь. Да и поэты с художниками, что греха таить, сильно пообмельчали... Но вступить в подобную беседу с домом Стасу, конечно, и в голову не могло прийти. Да, признаться, и не до того ему было.

В первую минуту он не мог осознать, где находится, почему лежит одетый, да еще в пальто и не в своей стильно оформленной спальне, на широкой итальянской кровати, а на каком-то подозрительном топчане в непонятной, убогой и холодной комнате. Все тело мучительно затекло – и от жесткого неудобного ложа, и оттого, что, очевидно, во сне он подсознательно напрягал мышцы, чтобы не менять позу и не потревожить лишней раз раненое плечо. Теперь расплатой за это стала болезненная ломота, казалось, охватившая его всего, от ступней до макушки. Осторожно, стараясь не доставлять себе лишнего дискомфорта, Стас повернулся и принялся шевелить здоровой рукой и ногами, чтобы восстановить подвижность. Только через некоторое время к нему вернулась чувствительность, а вместе с ней и осознание того, где он находится и как сюда попал. Воспоминания о кошмарах вчерашнего дня со всей безжалостностью навалились на него и разогнали последние остатки забытья.

Очень медленно и аккуратно, стараясь не делать никаких лишних движений, Стас потихоньку поднялся. Страшно хотелось пить, и когда на глаза попала вчерашняя бутылка с остатками ядовито-желтой отравы, он тотчас схватил ее и залпом осушил. Сейчас на происхождение газировки было уже совершенно наплевать. Жаль только, что сладкая жидкость не принесла страдающему от жажды никакого облегчения.

– Доброе утро! – прозвучал из другого угла комнаты звонкий голосок.
– Как ты себя чувствуешь?

Стас взглянул в ту сторону и посмотрел на девочку. При дневном свете беспризорница выглядела менее жалко, скорее комично. В этих нелепых шапках, надетых одна на другую... Сколько их на ней, три или четыре? А

ведь он ухитрился за ночь забыть, как ее зовут. Кажется, Таня... Или Аня? Нет, все-таки Таня. Ничего не скажешь, любезно с его стороны – не помнить даже имени девочки, которая, что скрывать, спасла его от смерти. Если бы не она, он, конечно же, просто замерз бы на улице этой ночью. А она подобрала его, обогрела, привела к себе домой, уложила на свою кровать... Только сейчас он запоздало сообразил, что действительно занял топчан, явно служивший девочке постелью. А где же спала она, бедняжка? Стас присмотрелся и увидел, что Таня восседает на высокой стопке разломанных картонных коробок. Ему стало неловко.

– Я занял твою кровать, прости меня, ради бога, – забормотал Стас, делая попытку подняться. Но Таня остановила его:

– Сиди, сиди, ничего страшного. Я отлично поспала на картонках. Очень классная штука эти картонки. Главное – положить их побольше, тогда получается настоящий матрас. Я, когда тут поселилась, долго на картонках спала, пока кто-то вот этот топчан на помойку не выкинул. Тут такая хорошая помойка есть, через два двора, там столько всего полезного можно найти! Не каждый день, конечно...

– Как же ты его доволокла сюда? – Стас качнулся на топчане. – Он же тяжелый, весит наверняка чуть ли не больше тебя?

– Ой, и не говори! – Таня засмеялась так радостно, будто он сказал что-то очень остроумное. – Это просто ужас был. До сих пор как вспомню, так вздрогну...

Разговаривая со Стасом, она успела встать и теперь ходила по комнате и вовсю «хлопотала по хозяйству» – отодвинула в сторону от остывшего камина свои картонки, оторвала от сейфа огарок вчерашней свечки и спрятала его под стол, вынула оттуда свернутый полиэтиленовый пакет, с шуршанием раскрыла его и извлекла половинку круглой булочки.

– Есть хочешь? – деловито спросила девочка, откусывая большой кусок.

– Да так, даже не знаю... – замялся он.

– Да ешь, не беспокойся, – Таня протянула и ему кусок булки. – У меня их много, на двоих хватит. Этого добра рядом с Макдоналдсом всегда полно. Я их там почти каждый день собираю, какие поцелее, и в пакете храню, они тогда несколько дней не черствеют.

– Нет, спасибо, я не голоден, – торопливо отказался Стас. Есть, конечно, хотелось, но не до такой же степени, чтобы поглощать собранные на помойке объедки!

– Ну, как хочешь, – Таня пожала плечами и продолжала жевать.

Стас закрыл глаза и отвернулся, чтобы справиться с естественным

чувством брезгливости.

Надо было срочно что-то делать, но Стас понятия не имел, что именно. Связаться с кем-либо, хотя бы с Сергеем Головиным, он не мог, потому что, убегая в панике, оставил все мобильные телефоны дома. Впрочем, в этом была и своя положительная сторона, потому что по сотовому полицейские уже сумели бы установить его местоположение... Да, полиция наверняка продолжает его искать – а значит, в квартиру даже соваться нельзя, там наверняка засада. «К тому же в таком виде я и до дома не доберусь», – усмехнулся про себя Стас. В грязной и рваной одежде, без каких-либо документов, он все равно дойдет не дальше первого встреченного полицейского. В больницу тоже нельзя, нечем платить врачам – бумажник со всеми деньгами и кредитками также остался дома. Теоретически можно было бы попросить девчонку позвонить Сергею или кому-то еще – но у Стаса была отвратительная память на телефонные номера, и номера мобильного своего начальника службы безопасности, как и номеров друзей, он, как назло, наизусть не помнил. В памяти прочно сидели лишь номера офиса, но связываться с Сергеем через городской телефон Стас не решался, наверняка все линии в его компании прослушиваются полицией. Так что же делать? Может, собраться с силами, выйти на Тверскую, поймать машину и поехать к кому-нибудь? Но к кому? Даже если его не задержат по дороге, даже если найдется водитель, который согласится везти пассажира в таком виде и без денег, с оплатой на месте, то ехать Стасу все равно некуда. В офисе его наверняка дожидается полиция, а никого из друзей и близких нет в Москве, даже мамы, которая сейчас гостит у своей подруги в Италии. Разве что поехать к Олесе? Так не факт, что он застанет ее дома, в какое бы время суток ни приехал, а ключей от ее квартиры у Стаса с собой не было. Так что, как ни крути, ситуация получалась безвыходной...

Пока он размышлял, девочка окончила завтрак и снова обратилась к нему:

– Вот что, Стас, давай посмотрим твою рану, пока светло.

Нельзя сказать, что предложение вызвало у него прилив энтузиазма, но делать было нечего, он осознавал, что процедура необходима.

Ему снова пришлось стаскивать пальто, пиджак и рубашку, что показалось чуть ли не труднее, чем вчера. Плечо все еще очень сильно болело, и, осмотрев рану, Таня покачала головой.

– Не похоже, чтобы стало лучше... Даже наоборот. Надо срочно обработать рану, пока не поздно!.. Нужны лекарства, хотя бы бинт. Вот только где бы их взять?..

Задумавшись, Таня в полном молчании снова кое-как замотала его плечо лоскутом от рубашки, на котором уже не было живого места от пропитавшей его крови, и помогла Стасу одеться. Затем старательно вытерла руки обрывком газеты, бросила его в камин, отошла в угол комнаты, повернулась спиной к своему квартиранту, расстегнула куртку, повозилась где-то под своей одеждой и наконец торжественно извлекла помятую сторублевую бумажку.

– Это моя заначка на черный день, – пояснила девочка. – Немного, конечно, но хотя бы на бинт и йод хватит...

В первый момент Стасу даже стало смешно, настолько серьезный вид был у Тани, демонстрировавшей эту жалкую купюру. Но вскоре он понял, что потешаться тут совершенно не над чем. Эта девочка, которая впервые в жизни увидела его только вчерашним вечером, достала свои по-настоящему последние деньги и собирается потратить их на его лечение. Вот интересно, мог бы он, Стас, отдать все деньги со своих банковских счетов малознакомому человеку? Нет конечно. Даже близко знакомому не отдал бы. А эта нищенка, для которой сотня – огромная сумма, готова с ней расстаться, чтобы помочь ему. Стасу стало мучительно стыдно, даже кровь прилила к щекам – давно забытое ощущение, которого он не испытывал с далеких времен юности.

– Спасибо, Таня, я очень тронут твоей заботой, – прочувствованно сообщил он. – Но в такой жертве с твоей стороны нет необходимости. Спрячь свою заначку. Я сейчас пошарю по своим карманам, там наверняка найдется какая-нибудь...

Он хотел сказать «какая-нибудь мелочь», но вовремя спохватился, поняв, что его спасительница отнюдь не считает сто рублей мелочью.

– ...какие-нибудь деньги, – закончил он и приступил к поискам.

К его удивлению, содержимое карманов ухитрилось не растеряться во время вчерашней безумной беготни, скачек по крышам и лазания по пожарным лестницам. Кое-что удалось наскрести, но очень немного. Стас редко пользовался наличкой, предпочитая повсюду, где только можно, расплачиваться кредитками, и потому в пальто обнаружили лишь тысяча и полтинник. Кроме этой скромной суммы и совершенно бесполезных в сложившейся ситуации ключей от дома, в карманах пальто не нашлось ничего полезного. И как он не догадался, убегая, хоть что-то с собой взять? Ну, хоть кредитку! Но он так торопился, так испугался, что вообще ни о чем не думал...

Еще сотня и пара десятков завалились в кармане пиджака. Извлекая эту ничтожную, по его меркам, сумму, на свет божий, Стас кинул случайный

взгляд на Таню, и от ее выражения лица у него дрогнуло сердце. Бедная девочка, для нее-то это целое состояние...

– Вот возьми, – он протянул ей все деньги. – Купи, пожалуйста, в аптеке все, что нужно для перевязки и обработки раны. Еды побольше купи, воды питьевой обязательно...

– Ой, конечно! – Таня вся светилась и в то же время выглядела ошарашенной, точно не могла поверить во внезапно свалившееся на нее счастье. – Тут же целая куча денег! Столько всего можно закупить! И хлеба, и колбасы, и «Роллтона» много-много... Можно даже конфет!.. И печенья! А первым делом я пирожков горячих накуплю! И сосисок в тесте! А может, даже на блин с начинкой хватит...

– Бутылку водки еще возьми, – попросил Стас.

– Водки? – тут же нахмурилась девочка. – Ты будешь пить водку?

– Ну да. Нужно снять стресс, да и согреться хоть немного. Никак не могу привыкнуть к этому проклятому холоду.

– Не куплю водку, и не проси, – отрезала вдруг Таня. – Не хочу, чтобы ты пил! Это плохо и легче тебе от этого не будет!

Подобный ответ возмутил Стаса до глубины души. Не хватало еще, чтобы всякая козявка учила его жить!

– Ты что, будешь мне тут еще указывать, что мне делать, а что нет? – вскипел он.

Стас был уверен, что девчонка сейчас начнет шуметь, кричать на него и препираться. Но Таня среагировала совсем иначе.

– Не надо водки, пожалуйста! – воскликнула она, и Стас с удивлением отметил, что в ее голосе появились просительные, почти жалобные интонации. Ничего подобного он от нее еще не слышал.

– Да что такое-то? – не понимал Стас.

– Не надо, не пей! – продолжала умолять девочка. – Ты начнешь пить – и сопьешься... Я знаю, так со всеми бывает, кто попал в беду, я столько раз видела людей, оказавшихся на улице... И с тобой будет так же!

– Слушай, что за чушь ты несешь! – Стас повысил голос, собственный крик тут же отозвался усилением боли в плече, и лицо его перекопилось.

– Что ты меня сравниваешь с какими-то бомжами? – продолжал он уже тише. – Я не имею ничего общего с этими твоими... знакомыми. Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о моей ситуации! Да и не тебе об этом судить, ты еще слишком мала!

– А что с тобой случилось? – тут же задала вопрос девочка, в ее голосе теперь зазвучала язвительность. – Такого особенного, не как у других?

– Не твоего ума дело, – буркнул он.

– А раз так, – фыркнула Таня, – то я могу и не ходить за продуктами. И в аптеку тоже не пойду.

Отвернувшись от него, она вновь нырнула под стол, вытащила пакет с кусками булок и принялась жевать. В этом поступке виделась даже какая-то демонстративность. Похоже, девочка не на шутку обиделась.

Со стороны эта сцена могла бы показаться даже забавной, но Стасу было совсем не до веселья. Он вдруг осознал, что полностью зависит от маленькой нищенки – раненый, обессиленный, холодный и голодный, без связи с цивилизованным миром, средств к существованию и каких-либо надежд на спасение. Кроме Тани, ему некому помочь, а один он не в состоянии справиться с навалившимися на него несчастьями – как ни прискорбно это признавать. Потом, когда он встанет на ноги, он, конечно, найдет способ как-то связаться с Сергеем. Но до этого еще слишком далеко... Если такой момент вообще когда-нибудь наступит, если он, Стас, не сдохнет в этом бомжатнике от голода, холода и заражения крови... А сдыхать не хотелось. Очень не хотелось, даже несмотря на то что сил на борьбу за жизнь почти не было.

– Прости, Таня, я погорячился, – примирительно сказал Стас. – Я совсем не хотел тебя обидеть. Ты пойми, я сейчас в таком состоянии, сам не понимаю толком, что говорю... И водка мне нужна прежде всего затем, чтобы дезинфицировать рану. Иначе будет воспаление, и тогда мне уже ничего не поможет.

– Правда? Только за этим? – Это было удивительно, но девочка почти сразу же поверила ему. У Стаса даже мелькнула мысль, насколько она еще наивна, в сущности, совсем ребенок... Несмотря на тот образ жизни, который она ведет.

– Ты честно-честно не будешь пить? – настаивала Таня. – Честное слово?

– Если только совсем немного, – заверил Стас.

После этой клятвы Таня тут же сорвалась с места, отчего сразу можно было догадаться, что ей и самой не терпится поскорее отправиться за покупками и превратить нежданно упавшее с небес богатство в кучу яств.

– Я быстро-быстро схожу! – пообещала девочка. – Ты не скучай без меня, ладно?

– Если только совсем немного, – повторил Стас. Впервые за последнее время, за эти кошмарные сутки, ему захотелось улыбнуться.

Девочка убежала, плотно прикрыв за собой дверь комнаты, и он остался один. Было очень холодно, Стасу казалось, что он промерз насквозь, весь, от макушки до пяток превратился в кусок льда. При этом

идей, каким образом можно хоть как-то согреться, вообще не появлялось. Пытаясь решить эту задачу, Стас протянул здоровую руку к шее и снял длинный кашемировый шарф. Этот шарф с ярким зелено-белым орнаментом подарила ему Олеся – кажется, это был единственный презент с ее стороны за всю историю их отношений. Стасу этот аксессуар не слишком нравился, он находил его расцветку излишне броской, а стиль слишком уж молодежным, но Олеся настаивала на том, что такие шарфы – последний крик моды, показала, как его сейчас принято носить (сложив пополам и продев концы в образовавшуюся петлю) и Стас иногда надевал его, чтобы сделать ей приятно. И сейчас неожиданно настал момент вспомнить Олесю добрым словом и мысленно поблагодарить за ее подарок. После вчерашнего контакта с забором шарф несколько пострадал, из него был вырван целый клочок, к тому же он изрядно перепачкался, но это все казалось пустяками. Неловко действуя одной рукой, Стас замотал голову шарфом – к счастью, длины хватило. Усмехнувшись, он подумал, что похож сейчас на воина разбитой под Москвой армии, то ли немца в прошлом веке, то ли француза в позапрошлом. Но на внешний вид ему сейчас было наплевать, главное, что стало хотя бы немного теплее.

Посидев еще немного на топчане, Стас наконец собрался с силами и заставил себя подняться на ноги. Выходя из комнаты, так же, как и Таня, старательно закрыл рассохшуюся дверь (и каким только чудом она здесь сохранилась?) и двинулся в поход по особняку, исследуя его угрюмое замороженное нутро. Стаса шатало, под ногами хрустели осколки битого стекла и прочего мусора, от врывающихся в слепые глазницы окон порывов зимнего ветра сразу стало очень холодно.

Наконец он отыскал то, ради чего и отправился в свое нелегкое путешествие. В одной дальней комнате, скорее напоминавшей чулан, обнаружилось некое подобие туалета. Прямоугольная дыра в полу была накрыта листом фанеры, рядом лежали кусочки аккуратно порванной газеты и стояла литровая пластиковая бутылка, почти полная мутной ржавой воды.

Наличие в особняке туалетной комнаты, пусть даже такой, без намека на тепло и удобства, очень порадовало. Выходить из дома Стас боялся. Боялся полиции, боялся и своего вчерашнего преследователя. Он терялся в догадках, откуда взялся этот человек и кто мог заказать ему его, Станислава Шаповалова – но в том, что это профессиональный убийца, специально нанятый, чтобы убить его, Стас не сомневался ни на йоту. Как и в том, что тот – профессиональный киллер, а не случайный дилетант-отморозок. Об этом говорило все – его уверенность, наглость, с которой он достал

пистолет прямо посередине людной улицы, этот жуткий звериный взгляд... От одного воспоминания о взгляде убийцы Стас зябко поежился, а вдоль позвоночника скользнул холод, словно по спине провели куском льда. То, что Стас остался в живых в столкновении с таким противником, – лишь чистая случайность, необыкновенное везение, быть может, защита сильного ангела-хранителя. Но трудно поверить, что подобная удача может повториться два раза подряд. А профессиональный убийца, получивший заказ, но не сумевший выполнить его, вряд ли отступится от своих целей. И значит, будет искать свою жертву. Интересно, задумался Станислав, а знает ли киллер, что его, Стаса, ищет также и полиция? Да, он вполне может быть в курсе. Даже скорее всего – ведь он подловил Стаса именно в тот момент, когда тот удирал от ОМОНа через соседнюю крышу... У Стаса даже мелькнула мысль, что его преследователь может быть заодно с полицейскими, но он тут же отогнал ее. Это уже напоминало скорее второсортный боевик, чем реальную жизнь. Нет, конечно, киллер действовал отдельно от стражей правопорядка – но то, что Стаса должны арестовать, он знал. Получается, что это знал и тот, кто его нанял...

Всерьез беспокоило и плечо. Сама рана вроде бы выглядела неопасной, но в подобных антисанитарных (и это еще мягко сказано!) условиях риск заражения был более чем велик. Конечно, надо было бы показаться врачу, чем скорее, тем лучше. Но как это сделать? Платить врачам ему нечем. И даже если он и ухитрится каким-то образом добраться до больницы, то все равно тут же выдаст себя. Где-то он слышал, что медики обязаны сообщать в правоохранительные органы о любых жалобах на ранения, тем более огнестрельные. А это значит, что врачебную помощь ему, Стасу, может быть, и окажут, но на выходе из клиники его уже обязательно будет дожидаться полиция. Однако Сергей предупреждал, что попадать в полицию Стасу никак нельзя... Черт, хоть бы знать толком, что там случилось, откуда взялось это нелепое обвинение в убийстве Андрея?..

От всех этих невеселых дум голова у Стаса шла кругом. С большим трудом, еле передвигая ноги, он вернулся в Танину комнату и без сил повалился на топчан. И уже готов был впасть в забытие, но это не дала сделать вдруг промелькнувшая в сознании, точно вспышка молнии, мысль – а что, если киллер найдет его здесь? Убийца знает, что Стас ранен. Весьма вероятно, он знает и то, что идти его жертве некуда, что нет возможности обратиться в больницу или позвать кого-то на помощь. Раз так, то не очень уж сложно догадаться, что Стас спрятался где-то неподалеку. А учитывая, что в самом центре Москвы мест, где можно схорониться, не так уж много, легко предположить, что киллер начнет их

прочесывать и рано или поздно зайвится сюда. И тогда Стас уже ничего не сможет сделать, чтобы спасти свою жизнь. Свою и, возможно, маленькой нищей девочки Тани, которая пришла ему на помощь в столь трудную минуту...

Сама же Таня в этот момент, конечно, не думала о том, что ей может грозить какая-то опасность. Она возвращалась домой абсолютно счастливой, хотя и с огромным трудом волоча свои тяжеленные покупки – два больших, битком набитых едой пакета и пятилитровую бутылку воды. Все это было куплено в магазине «эконом-класса», куда девочка всегда ходила отовариваться, когда у нее появлялись деньги. Магазин располагался не так уж близко, за три квартала от особняка, но зато там были самые низкие цены в округе.

Она купила много пакетиков вкусной китайской лапши быстрого приготовления, хлеба, картошки (можно будет запечь в камине), колбасы, пару банок консервов и печенья, правда, совсем немного, но и то добрая тетенька-продавец сунула в пакет на пару штук больше, чем просила Таня и не взяла за них деньги. Еще девочке очень хотелось купить конфет, она долго думала об этом, но так и не решилась – дорого и одно баловство, все равно ими не наешься. Таня только полюбовалась на горки конфет в разноцветных обертках, на ребристые белые и розовые шары зефира, на аккуратные брусочки пастилы, вздохнула, отошла от прилавка и направилась в винный отдел.

Там пожилая усталая продавщица ни в какую не захотела продавать ей эту проклятую водку, ссылаясь на какой-то недавно изданный закон. Но на помощь девочке пришел один из покупателей, еще нестарый, но совершенно седой и весь покрытый морщинами дядька с беспокойным взглядом.

– Папка велел на опохмелку купить? – подмигнул он девочке.

– Да-да, – догадалась согласиться Таня.

– Ну, так уж и быть, давай деньги, возьму тебе чекушку, – предложил дядька. – Жаль ведь бедолагу, измаялся небось... Чего взять-то?

Девочка только пожала плечами:

– Что подешевле...

– Тогда я тебе «Путинку» возьму, – решил дядька. – Ее одну, говорят, не подделывают, боятся. Это мне один знакомый сказал. Знающий человек. Они с женой только «Путинку» и пьют. Интеллигентные люди, на «Аэропорте» живут...

Таня не очень-то поняла про «Путинку» и «Аэропорт», но поблагодарила доброго и, как оказалось, честного дяденьку – он вернул ей

всю сдачу до копейки, засунула бутылку поглубже в пакет и пустилась в обратный путь. Немного денег еще осталось, и она опять спрятала их подальше под одежду. Под курткой же Таня несла и пакет из аптеки, куда зашла в первую очередь, сразу, как вышла из дома. Молоденькая блондинка в накрахмаленном белоснежном халате смотрела на нее с презрением и брезгливостью, но продала и бинт, и вату, и йод, и перекись водорода. А на ее гримасы Тане было наплевать, она уже давно привыкла к такой реакции у многих встречных и научилась не обращать на нее внимания.

Так что все сложилось очень удачно. Довольная Таня свернула в переулок, немного передохнула, поставив на землю тяжеленные пакеты и канистру, снова взяла их в руки, двинулась дальше и вдруг – надо ж было такому случиться! – наткнулась почти у самого дома на своего злейшего врага Толяна, которого боялась как огня.

Вообще-то, дворников в их микрорайоне было несколько. И почти все – выходцы из Средней Азии, то ли таджики, то ли узбеки, то ли киргизы... Таня не слишком разбиралась в таких тонкостях. За свою еще совсем недолгую, но уже очень трудную жизнь она привыкла делить людей не по национальности, а по человеческим качествам. И поэтому хорошо относилась к гастарбайтерам, которые ее не трогали и часто даже не замечали. А некоторые из них и вовсе были с девочкой в приятельских отношениях, здоровались при встрече, перекидывались парой слов на ломаном русском языке. Таня даже жалела, когда очередной ее знакомый неожиданно отбывал на родину – дворники из Средней Азии почему-то очень часто менялись. Зато их единственный русский коллега никуда исчезать не собирался. Этот здоровенный детина, ростом явно за метр девяносто, отличался тупостью и удивительной, ничем не оправданной агрессивностью. Один вид Тани действовал на него как красная тряпка на быка. Едва встретив девочку, он тут же, вытаращив глаза и брызжа слюной, набрасывался на нее с руганью и кулаками. Счастье еще, что Таня бегала очень быстро и в большинстве случаев успевала вовремя унести ноги от вечно пьяного верзилы. Толян был ее кошмаром, ее настоящим мучением, и если бы не все остальные удобства жилья в полуразрушенном особняке, Таня только из-за него перебралась бы в другое место. Но здесь было так хорошо, что совсем не хотелось покидать дом – девочка знала, что другого такого она ни за что не найдет.

Так что оставалось только быть все время начеку. Но не всегда получалось. Сегодня, например. Таня уже почти подходила к своему забору, уже видела знакомый лаз, как вдруг кто-то резко схватил ее за воротник.

– Опять ты, убогая?! – ревел дворник. – Я тебе, сучке малолетней, сколько раз говорил, чтоб ты тут не шлялась?! Говорил же тебе, что если еще раз увижу – сдам в ментовку!

Он наклонился к ней, и Таня почувствовала, как резко и омерзительно несет от него перегаром.

– А где ты все это взяла? Украла небось, шлюшка! – завопил Толян, выхватывая у девочки из рук пакет и шаря в нем. – Ух ты! Да тут даже водочка имеется! Точно, у кого-то сперла... А ну, вали отсюда и чтоб я тебя больше не видел! Скажи спасибо, воровка, что я сегодня добрый, а то бы точно в ментовку сдал.

– Отдайте! Отдайте, это мое! Я не воровка! – закричала Таня и отчаянно вцепилась в его руку. Но дюжий Толян вырвал руку, а сам схватил девочку и дернул с такой силой, что капюшон ветхой куртки затрещал по швам. Потом отшвырнул Таню в сторону и угрожающе крикнул:

– А ну, катись отсюда, дворняжка, а то сейчас ментам сдам!

Он злобно посмотрел на нее, потом вспомнил о водке, подхватил пакеты и довольный, пошатываясь, пошел прочь.

А Таня лежала на затоптанном грязном асфальте и горько плакала.

Дождаясь возвращения Тани, Стас снова улегся на топчан, поплотнее завернулся в ее одеяло и снова то ли уснул, то ли впал в забытие. Очнулся он от шума – девочка влетела в комнату, как метеор, и тут же принялась что-то сбивчиво объяснять ему, захлебываясь слезами, но Стас ничего не мог понять – ее буквально всю трясло. Нелепые шапки комком слетели с ее головы, патлы сероватых волос рассыпались по плечам.

– Что случилось? Успокойся! – призывал он, но Таня продолжала отчаянно рыдать. Тогда он не без труда поднялся на ноги, подошел к ней, крепко обнял и стал поглаживать вздрагивающую спину и растрепанную голову, чтобы хоть как-то привести девочку в чувство. Наконец Таня пришла в себя и смогла более или менее связно объяснить, что с ней произошло.

– Не расстраивайся, – сказал Стас, хотя на душе у него заскребли кошки от подобной новости. Он с таким нетерпением ожидал возвращения девочки в надежде, что та принесет еду, воду и медикаменты – есть и особенно пить хотелось нестерпимо...

– Не расстраивайся, – повторил он с фальшивой бодростью в голосе. – Мы что-нибудь обязательно придумаем. Главное, что ты цела, жива, здорова и не в полиции, – сказав это, Стас сам ужаснулся эгоистичной радости, прозвучавшей в его словах. Как ни крути, а ведь и вправду его жизнь сейчас целиком зависела от этой плачущей девочки.

Наклонившись, он поднял с пола ее шапки, машинально пересчитал их (все-таки три, а не четыре) и подал ей:

– На, надень, холодно же...

И так как Таня все еще продолжала всхлипывать, попытался сам натянуть ей их на голову. Но, конечно, не справился одной рукой, одна шапка оказалась у девочки на лице, закрыв даже нос, вторая чуть не упала на пол... И это, как ни странно, отвлекло Таню от переживаний. Она еще раз шмыгнула носом, забрала у Стаса шапки и сама принялась надевать их. Когда последняя оказалась у нее на голове, девочка уже перестала плакать.

Немного успокоившись, Таня вспомнила, что потеряно действительно далеко не все. Во-первых, Толян забрал только пакеты с едой, а не воду – пятилитровая бутылка так и осталась на улице, и девочка тотчас ее принесла. Во-вторых, у нее оставалось еще немного денег, почти сто рублей. Ну и, к счастью, не пострадали спрятанные под курткой аптечные покупки, даже пузырьки с йодом и перекисью водорода не разбились. Выяснив это, Таня почти повеселела, тут же заставила Стаса раздеться, тщательно обработала рану и перевязала ее стерильным бинтом.

– Ну вот видишь, все не так страшно, – заверил ее Стас, когда процедуры наконец закончились. – Просто забудь об этом – да и все.

– Ну уж нет, – покачала головой Таня. – Как можно забыть о потере таких больших денег? Нет уж, я потеряла, я и отработаю.

Внезапно она сорвалась с места и выбежала прочь. Стас окликнул ее, думал даже догнать, но она уже исчезла в сумраке коридоров.

Глава шестая

За семь дней до Нового года

Внезапное исчезновение шефа загнало Сергея Головина в полнейший тупик. В эту ночь начальник службы безопасности фирмы «ОСК» почти не сомкнул глаз. Сначала он ждал, что Станислав скоро выйдет на связь с ним, но время шло, а шеф не появлялся. Тогда Сергей решил сам заняться поисками – но где и как искать пропавшего, он не имел даже представления.

Из рассказа Игоря, оставившего босса в квартире за считанные минуты до приезда омонцовцев, и отчета Виктора Головин понял, что шеф ушел тем самым запасным путем к отступлению, который он сам когда-то разработал и показал ему – через чердак, на крышу, оттуда на соседнюю и вниз по пожарной лестнице. Но вот куда он мог направиться дальше? И почему до сих пор не позвонил? Испугался, решил сам где-то спрятаться? И где же, хотелось бы знать? Почему сам не отвечает на звонки? Опасается, что может выдать себя? К сожалению, ответов на все эти вопросы у Сергея

пока не имелось.

Он начал поиски с того, что обзвонил всех, у кого предположительно мог найти пристанище Станислав, и даже лично объехал за вечер все возможные места его укрытия. Бесполезно. Почти никого из друзей Шаповалова не было в городе, все уже успели разъехаться и разлететься на каникулы по всему земному шару, а те, кто оставался в Москве, ничего путного сообщить не могли.

В числе прочих Сергей позвонил и Олесе – осторожно так, чтобы не пугать девчонку. Прикинулся лаптем, сказал, что не может дозвониться до шефа, видимо, у того сел телефон, а дело срочное, не терпит отлагательств. Случайно, не рядом ли с ней Станислав Михайлович, а если нет, может, она знает, где он? Олеся была так глупа, что проглотила весь этот бред и не поморщилась. После чего выдала Головину, что она понятия не имеет, где его бессовестный шеф, столь нагло сорвавший в последнюю минуту поездку, которой она так ждала, так ждала!.. Дела у него, видите ли! Даже позвонить не мог, только эсэмэску прислал! Так что она не только не знает, она и знать не хочет, где Стас! И пусть Сергей передаст своему шефу, что она, Олеся, очень, ну просто очень, на него, то есть Стаса, обиделась. Головин на полном серьезе пообещал передать все слово в слово и нажал кнопку отбоя. Олесю он тут же после разговора выбросил из головы, девчонка не стоила его внимания. А вот исчезновение Станислава Михайловича начинало тревожить.

Час был уже очень поздний, и Головин предположил, что босс, вероятно, нашел себе пристанище на ночь в какой-нибудь гостинице. Не солидной, конечно, где нужно регистрироваться по документам, на такой шаг он вряд ли бы отважился, зная, что его ищет полиция – а в каком-нибудь небольшом отельчике с сомнительной репутацией дома свиданий, где несколько купюр вполне могут оказаться равноценной заменой паспорту. Если в подобных заведениях у постояльцев вообще спрашивают паспорта... Однако он все-таки принял некоторые меры предосторожности и послал Виктора покрутиться у дома Шаповалова и у дома Олеси – вдруг шеф появится по одному из этих адресов.

Осуществив эти меры, Сергей решил временно взять тайм-аут в своих поисках и подождать утра. Авось завтра Станислав Михайлович сам выйдет на связь.

Однако толком уснуть в ту ночь Головину все равно не удалось – мысли о происшедшем за день не давали покоя и никак не хотели отпускать.

Да и утро не принесло с собой никаких перемен к лучшему, от шефа

по-прежнему не было ни слуху ни духу. Сергея так и тянуло съездить к Стасу домой и лично все там осмотреть, включая чердак и крышу, но он понимал, что делать этого не следует. Наверняка в квартире безвылазно дежурят полицейские, и осматривать ему, конечно, никто не даст. Так что вместо поездки на Тверскую Головин позвонил на Петровку, Юрию. Решив не лукавить со старым приятелем, Сергей рассказал ему все как есть, сообщил, что босс как сквозь землю провалился, и даже предположений не имеет, куда он мог деваться.

– Вот оно что... – В трубке было слышно, как Юра даже присвистнул от удивления. – Это все меняет. Я-то думал, что это ты его спрятал... А оно вон как обернулось. Ты же знаешь, что он ушел вообще без ничего, да?

– В каком смысле – без ничего? – не понял Сергей. – Голым, что ли, выскочил на улицу?

– Ну, голым не голым, а все в важное в квартире оставил. Паспорт, все остальные документы, включая билеты на самолет, бумажник, мобильники, три их у него, что ли, все бросил впопыхах. Ребята только ключей не нашли, ни от квартиры, ни от машины. Наверное, сел в свой «Роллс-Ройс», или на чем он там у тебя ездит, да и укатил куда подальше.

– Нет, это исключено, – возразил ошарашенный Головин. Сообщение Юрия его буквально ошеломило. – Он сам в России никогда за руль не садится. Только за границей. Никак не смог привыкнуть к нашей отечественной манере ездить, полностью игнорируя правила. Здесь его водитель всегда возил, но он в тот день и не приезжал за Шаповаловым, должен был часов в девять, что ли, его забрать, чтобы в аэропорт ехать. А у шефа и ключей-то от автомобиля не было.

– Даже так? – Юрий, похоже, был удивлен не меньше Сергея. – Ну, тогда совсем ничего не понятно. Ладно, я поспрашиваю... Его, как ты понимаешь, по всему городу с собаками ищут, ориентировки дали патрульным и все такое... Может, задержали где, без документов-то. В общем, будут новости – перезвоню. Все равно я сегодня на службе.

– Да уж, сделай милость, позвони, – попросил Головин.

И снова потянулись долгие часы неизвестности.

От безысходности он даже съездил в контору, где в субботний день, по большому счету, делать было особенно нечего. Все подробности о визите ОМОНа, нагрянувшего как снег на голову, чтобы арестовать Шаповалова, Сергей узнал еще вчера – и в форме четких конкретных отчетов своих подчиненных, и в форме эмоциональных рассказов сотрудников фирмы, находившихся под сильным впечатлением зрелища «маски-шоу». Все это отняло у Головина вчера немало времени, но пользы не принесло ровным

счетом никакой.

Наконец уже во втором часу позвонил Юрка.

– Как насчет того, чтобы пообедать вместе, братан? – поинтересовался он. – А то я что-то голоден сегодня.

– Не вопрос, – мгновенно откликнулся Сергей. – Выбирай любой кабак, накрою старому другу поляну по высшему разряду.

– Тогда давай через час на нашем месте, идет?

«Нашим местом» у приятелей звался небольшой уютный ресторан в одном из выходящих на Сретенку переулков – тихий и уютный, с хорошей кухней, где всегда было немного народа и имелись отдельные кабинеты, позволяющие уединиться и спокойно поговорить без ненужных свидетелей и бьющей по ушам громкой музыки.

Старые знакомые решили не отказывать себе ни в чем и заказали полный обед, разве что с минимумом спиртного – Юрию потом нужно было возвращаться на службу, даром что на дворе суббота, а Сергей и вовсе понятия не имел, что день грядущий ему готовит. И едва официант, приняв заказ, вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь, Головин тут же обернулся к товарищу:

– Ну, рассказывай, не томи! Что удалось узнать?

– Да, в общем-то, ничего хорошего, – не слишком охотно проговорил Юрий. – Шаповалова твоего пока не нашли. Нигде не объявлялся, ни один из задержанных вчера граждан без документов на него не похож. Города он тоже не покидал, ни на поезде, ни на самолете. Во всяком случае, под своим именем. В общем, затаился где-то, это к гадалке не ходи.

– Где? – Сергей только руками развел. – Я все варианты перебрал...

– Да мало ли где, – отмахнулся его собеседник, закуривая сигарету. – У девки, у друга на даче, в борделе, в конце концов... Пепельницу мне подвинь, пожалуйста.

– На, держи. – Головин исполнил его просьбу. – Может, оно, конечно, и так... Только я все возможные варианты перебрал, нигде его нет. И потом, ты говорил, что он без денег ушел?

– Про деньги я ничего не говорил, – покачал головой Юрий. – Я говорил про документы, кредитки и телефоны. Скорее всего, деньги у него есть. Я бы, во всяком случае, на его месте взял бы с собой побольше налички. И ты, я думаю, тоже.

– Я бы и телефоны с документами взял, – возразил Головин.

– А может, он опасается? Боится, что полиция по сигналу мобильного вычислит, где он находится? – предположил Юрий, стряхивая пепел.

– Да, это, в принципе, логично, – вынужден был согласиться Сергей. –

Но вот почему он до сих пор мне не позвонил?

– Ну, тут уж я тебе ничего сказать не могу...

В дверь постучали, и в кабинете появился официант, который нес на подносе закуски, хлеб и маленький запотевший графинчик водки. К числу несомненных достоинств этого заведения относилось и то, что обслуживали здесь довольно быстро.

– Ну что, за встречу? – Юрий затушил сигарету и поднял наполненную официантом стопку. – Хоть повидались, впервые за столько времени.

– И не говори, – кивнул Головин. – Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Хоть повод свидеться нашелся – и на том спасибо судьбе.

Они с удовольствием выпили залпом холодный и в то же время обжигающий напиток, закусили вполне приличной маринованной селедкой и принялись за салаты.

– Помнишь, я тебе рассказывал о перемене в ходе следствия? – начал Юрий, едва прожевав.

– Ну да, конечно, – кивнул Сергей. – Когда твои коллеги пришли к выводу, что Жданова все-таки убили. Кажется, это было около месяца назад. Но подробностей ты тогда не сообщил.

– А я их и сам не знал, – Юрий потянулся к хлебнице. – А теперь вот выяснил все до мелочей. В общем, если вкратце, то дело было так. Один из прорабов на стройке, Лыткин его фамилия, через некоторое время после гибели Жданова вдруг сообразил, что видел в тот день работягу, которого не встречал там ни до, ни после. Там ведь, на этом вашем объекте, одни гастарбайтеры трудятся, все как на подбор наши братья по разуму из бывшей союзной республики Таджикистан. А тот парень русский был, да еще здоровый такой, светлый, глаза голубые, в общем, на таджика никак не тянет. Лыткин, прораб этот, сразу на него внимание обратил, но тогда в голову не взял, думал, мало ли народу на стройке ошивается. А потом, когда Жданов хрен знает с какого этажа грохнулся, задумался – что-то уж больно подозрительно, что этот белокрысый парень показался только на один день, и именно на тот самый... Слушай, а винегрет ничего оказался, вполне приличный, зря ты себе не заказал.

– Ты давай не отвлекайся, – Головин отодвинул от себя пустую тарелку.

– Ну так вот. Выяснилось, что этот прораб Лыткин – по совместительству еще и художник. Вроде как даже в Строгановку поступал, но провалился, с горя пошел в строительный... В общем, он по памяти нарисовал портрет того белокрысого, отдал следователю. Следак

оказался мужик дотошный, надумал выяснить по всей стройке, кто брал такого на работу и когда...

– И выяснилось, что никто и никогда? – предположил Сергей.

– Именно! Как в воду глядишь.

Им принесли первое, Юрию – борщ, Головину – его любимый грибной, в супницах, из которых поднимался ароматный дымок. Приятели допили «под супчик» остатки водки и дружно взялись за ложки. Но если первый хлебал с большим аппетитом, то второй сегодня почти не замечал вкуса блюд, которые ел.

– И что же, этого белобрысого объявили в розыск? – заинтересовался Сергей.

– Не только объявили, но и нашли, – отвечал Юрий с набитым ртом. – Погодь, сейчас доем и продолжу, дальше будет самое интересное.

– Да ты уж не тяни, будь другом...

– Блин, ну что ты за человек, Серега, – притворно возмутился Юрий. – Сам ведь в кабаке пригласил, а пожрать толком не даешь!.. Ну так уж и быть, слушай. Где-то через неделю этого белобрысого взяли. Совершенно случайно задержали на улице. Документы оказались в порядке, но рожа его патрульным не понравилась, пригляделись – вроде похож на ориентировку... И тут начался настоящий цирк. Выяснилось, что этот белобрысый, бывший десантник, а ныне наркоман, зарабатывает на жизнь... Чем, как ты считаешь? Правильно, заказными убийствами. И об одном из них, он клялся, что это было первое и последнее, согласился рассказать следствию.

Слушая приятеля, Головин все больше и больше хмурился.

– Воля твоя, Юрка, странную какую-то историю ты мне тут излагаешь. Какими-то телевизионными сериалами попахивает. Или даже дамскими детективчиками в мягких обложках.

– Да ладно тебе, Серега, – отмахнулся тот. – В жизни и куда более неправдоподобные вещи случаются. Не мне тебе рассказывать... Ты лучше дальше слушай, мы наконец до твоего Шаповалова дошли.

– Шаповалова? А при чем тут Шаповалов? – удивленно поглядел Сергей.

– Выяснилось, что очень даже при чем. По словам этого киллера, его, кстати, зовут Антон Пономарев, именно Шаповалов и заказал ему Жданова.

– То есть как? – дернувшись, Головин качнул стол и пролил свой суп.

– Да вот так... Лично они, конечно, не встречались, только, как это обычно бывает, через посредника. Пономарев получил информацию о Жданове, его фото и подсказку, где и как лучше всего осуществить заказ.

Именно на стройке. А еще ему заплатили аванс. Перевели на его счет в Сбербанке... Сказать, откуда?

– Ну разумеется, что ж ты спрашиваешь!

– Со счета твоего шефа. Его личного счета, прошу заметить, в банке «Модус». Как тебе это нравится?

– Бред какой-то... – недоумевал Сергей. – Я не могу в это поверить!

– Может, звучит и бредово, но информация полностью подтвердилась.

– Юрий замолк, потому что в кабинете снова появился официант, который принес горячее.

– Но и это еще не все, – продолжил он, когда приятели опять остались одни. – Самое главное, что посредника тоже взяли. Тот сначала упорно молчал, но потом раскололся. И прямо указал на Шаповалова. Они связывались с твоим шефом по телефону. Разумеется, ребята сделали распечатку звонков с мобильного посредника – и действительно выяснилось, что ему несколько раз звонили с номера, который зарегистрирован на твоего шефа. Так что, как ты сам понимаешь, улики против Шаповалова просто убойные.

– Ну а мотив? – недоумевал Головин. – Твоим следакам не пришло в голову задуматься, что у Стаса нет никаких причин заказывать своего партнера, человека, с которым он столько лет проработал бок о бок? Ну, пусть не он сам, пусть его отец... Но зачем, зачем?..

– Видишь ли, в чем дело, Серега, – поднял глаза Юрий. – По Москве давно шел слух, что твой шеф хотел продать компанию и свалить из Москвы на родной его сердцу загнивающий Запад. А Жданов был категорически против продажи. Упирался рогом и вообще всем, чем только можно. Так что, согласишься, нет ничего удивительного в том, что следовательно склоняется к версии, будто Шаповалов решил избавиться от досадной помехи.

– Но ты-то сам веришь в это? – возмутился Сергей. – Ведь это все, что ты мне сейчас рассказал, полная ахиня от начала и до конца!

– Даже не знаю, что тебе сказать, братан, – честно признался Юрий. – Я этого твоего Стаса знать не знаю, он мне никто, ни брат, ни сват. А у следака все вроде получается вполне гладко... Соответствует вся эта гладкость действительности или нет – это уж решать не мне, а тебе. Ты говоришь, сбежал твой Стас, прячется от тебя? Вот то-то и оно... Был бы он чист – разве стал бы от тебя ныкать? Мне кажется, что-то тут не так...

Сергей взялся за голову, чуть не угодив при этом локтем в тарелку. Потер ладонями лицо, потом виски. Не нравилась ему, ох, как не нравилась вся эта история!.. Разум подсказывал, что Юрка во многом, может быть,

прав, улики против Стаса действительно собрались бронебойные. Но сердце отказывалось соглашаться с доводами рассудка. Ну не может, никак не может Станислав Михайлович быть замешанным в этом деле! Юра верно сказал: что-то тут не то, не так!.. Вот только бы понять что...

– А если это подстава? – предположил вдруг Головин. – Если кто-то устроил все это специально?

– Черт его знает, – произнес после паузы Юрка, который явно сочувствовал старому товарищу. – Теоретически да, может быть и такое. Но на это я могу сказать тебе только одно. Если все то, что завертелось вокруг твоего шефа, действительно подстава, как говоришь, то это чья-то частная инициатива. Политика тут ни при чем, там совсем другие методы используются. А чья-то интрига... Да, вполне может быть.

– Спасибо тебе за помощь, Юрка. – Сергей крепко сжал лежащую на столе ладонь друга и благодарно взглянул на него. – Ты меня очень выручаешь.

– Дык всегда пожалуйста, – усмехнулся тот. – Ты же знаешь, для нашего брата дружба – первое дело...

Возвращался Головин с этого обеда с очень неприятным осадком в душе. Теперь он четко представлял себе, в чем и на каких основаниях полиция обвиняет его шефа – но ясности эта информация, увы, не внесла никакой. Сергей почти не сомневался, что Станислав Михайлович абсолютно ни в чем не виноват, представить такого человека в роли вдохновителя заказного убийства было практически невозможно. Да, но откуда же тогда взялись показания киллера и посредника, деньги со счета, телефонные звонки? Ответы на эти вопросы мог дать только сам Стас – который как сквозь землю провалился. Поиски шефа, к которым Сергей уже подключил кое-кого из самых надежных ребят, так ничего и не дали.

Не зная, что предпринять, и мучаясь от вынужденного бездействия, Головин расхаживал взад-вперед по своей квартире, пытаясь хоть как-то привести мысли в порядок, но получалось плохо, в голове царили полный разброд и шатание. Счастье еще, что он был дома один, жена с сыном укатили к кому-то в гости на весь субботний день, и никто не мешал его размышлениям. Заварив себе чаю покрепче, он сел за письменный стол, сдвинул вбок компьютерную клавиатуру, положил перед собой лист вынутой из принтера бумаги, взял ручку и, усмехнувшись, подумал о том, что сейчас напоминает Штирлица из культового фильма. Еще немного – и начнет ежиков из спичек выкладывать... Однако до ежиков дело не дошло. Вместо этого Головин разделил лист пополам вертикальной чертой и стал записывать с одной стороны факты, а с другой – их возможное объяснение.

И хотя записи в левой половине листа преимущественно состояли из вопросительных знаков, после такой систематизации хаос в мыслях постепенно начал преобразовываться во что-то более или менее четкое. Во всяком случае, Сергей вдруг задался вопросом, о котором, по-хорошему, должен был задуматься сразу – кому выгодно?

Что приобретает Стас от смерти Жданова? И вообще, приобретает ли что-то, кроме забот и немалых хлопот, связанных с внезапной кончиной не только партнера, но и такого ценного специалиста, на котором практически держался весь процесс строительства? Пока непонятно, есть ли в этой истории какие-то плюсы для Шаповалова. Теоретически они могут быть – в том случае, если наследники Андрея Вячеславовича так и не обнаружатся. При таком раскладе, весьма возможно, что Стасу отойдут все акции компании, ранее принадлежавшие Жданову. А это немалый, прямо скажем, солидный куш. За такую прибыль очень многие, даже самые что ни на есть положительные с виду люди могут пойти на убийство. Тем более что, как напомнил сегодня Юрка, Стас давно собирался продать фирму, а Андрей здорово в этом ему мешал...

И все-таки сознание Головина упорно отвергало даже предположение, что его молодой босс, сын Михал Анатолича, может быть заказчиком убийства. Верить в это не хотелось, а раз так – предстояло поискать ответ на следующий вопрос. Если это подстава – то кто мог ее организовать? В чьих интересах было упрятать Стаса за решетку по обвинению в убийстве? Кто мог настолько его ненавидеть? Эту ситуацию необходимо было очень тщательно обмозговать со всех сторон, поискать заинтересованных лиц, как следует поразмыслить на предмет выявления врагов шефа как явных, так и скрытых. А это ох какая непростая задача...

Над Москвой уже давно сгустился синий декабрьский вечер, когда Головину вновь позвонил Юрий.

– Слышь, братан, тут такое дело, – проговорил он, и по голосу чувствовалось, что Юрка сильно озадачен. – Долго думал, говорить тебе это или нет...

– Конечно, говорить, Юрка, – воскликнул Сергей. – Какие в нашем деле могут быть недомолвки! Что еще случилось? Появились новые улики против Шаповалова? Поверь, мне необходимо знать всю правду...

– Да подожди ты, – перебил старый приятель. – Ты меня неправильно понял. Речь совсем не о том. Я не хотел тебе говорить не потому, что что-то скрываю от тебя, а потому, что толком не понял, имеет эта информация какое-то отношение к нашему делу или нет. Девяносто против десяти, что нет, так, пустышка. Но все-таки...

– Юрка, да хватит ходить вокруг да около! – не выдержал Головин. – Давай излагай, что там у тебя!

– Всего лишь маленький инцидент, происшедший вчера на Тверской. Около половины пятого вечера в отделение полиции поступил сигнал о каких-то беспорядках на улице. Судя по показаниям свидетелей, там произошла разборка. Кто-то убежал, кто-то за кем-то гнался, вроде даже стреляли... Патрульные выехали на вызов, но опоздали, никого не нашли. Однако народ опросили, в том числе и пенсионера, который продает газеты и журналы в киоске печати. Так вот, дедок сообщил, что практически у него на глазах один человек стрелял в другого из пистолета с глушителем. И тот, в кого стреляли, был ранен, но убежал.

– Похоже, этот твой дедок начитался на работе детективчиков, которыми сам же и торгует, – хмыкнул Головин. – Но даже если эта разборка и была на самом деле, я все равно не понимаю, какое отношение она может иметь к истории с моим шефом? Зачем ты вообще мне об этом рассказываешь?

– Да я бы и не стал рассказывать, – чуть замешкавшись, отвечал Юрий, – если бы не описание одного из этих людей. Того, в которого стреляли. Высокий темноволосый мужчина средних лет, в дорогом пальто, на шее – шарф с ярко-зеленым орнаментом, на левой щеке – крупная заметная родинка. Тебе никого этот портрет не напоминает?

– Напоминает, – вынужден был согласиться Сергей. – Очень похоже на Станислава Михайловича. У него тоже родинка на левой щеке... И зеленый шарф. Так где, ты говоришь, этот киоск?

– На Тверской, через три дома от дома твоего шефа. Не многовато ли совпадений?

– Слушай, я что-то ничего не понимаю, – Сергей поднес руку ко лбу, пылавшему точно при температуре сорок. – Но кто же мог в него стрелять? Полицейский?

– В том-то и дело, что нет. Просто парень из толпы. И пистолет, как уверяет дедок, кстати, он бывший комитетчик, был с глушителем. Вот дотошный старикан, доложу я тебе! Представляешь, он даже гильзу на тротуаре отыскал. И не только гильзу, но и пулю. Она, видимо, навывлет прошла. Так что не похоже это на разборку в результате заурядной уличной ссоры. Да и не было там никакой ссоры. Просто подошел один человек к другому на Тверской и выстрелил в него из пистолета. Вот такие дела, братан...

Сергей покачал головой и набрал Виктора.

– Когда дежурил у дома Шаповалова, заметил что-нибудь подозрительное? – спросил он, дождавшись ответа.

– Да нет, вроде тихо... Хотя... Пстойте, вроде была какая-то мелкая заваруха. То ли кошелек у кого-то вытащили, то ли еще что... Я как раз по следу Станислава Михайловича шел... Вы думаете, это связано? От шефа нет известий?..

– Не твое дело, – ответил Сергей на оба вопроса разом. – Будь готов действовать. – И повесил трубку.

Глава седьмая

За семь дней до Нового года

После того как Таня убежала из дома, Стас первым делом открыл канистру с водой и хотел напиться прямо из горлышка, но осуществить это, действуя одной рукой, оказалось крайне проблематично. Тогда он осмотрел комнату, заглянул, подражая Тане, под стол и обнаружил там картонную коробку с разными хозяйственными мелочами, среди которых отыскалось и несколько пластиковых стаканчиков. Выбрав тот, который казался почище, Стас мысленно понадеялся, что Таня, будучи девочкой аккуратной, моет посуду, прежде чем ее использовать, и стал наливать в него воду. Это тоже было нелегко, наверное, треть стакана пролилась на стол, о чем Стас очень сильно пожалел. Кто знает, когда девочка сможет пополнить запасы в следующий раз? Интересно, а сколько стоит эта вода? И остальные продукты, которыми Таня питается? Он вдруг сообразил, что вообще не представляет себе их цены. Сам Стас крайне редко покупал еду и всякую бытовую мелочовку, разве что спиртное или иногда фрукты и сладости. Обычно он ел в ресторанах, а все, что хранилось дома в кухонных шкафах и в холодильнике, закупалось домработницей. Так что теперь Стас даже предположить не мог, сколько стоит вода, которую он сейчас с такой жадностью выпил. Десять рублей? Сто? Пятьсот?

Напившись, он снова лег, завернулся в одеяло и попытался было задремать, но сон упорно не желал возвращаться. Жажду Стас утолил, но теперь ее место заняло чувство голода, ведь он уже почти сутки ничего не ел. Массу неприятных ощущений доставляло и раненое плечо. Чтобы немного успокоить его, требовалось найти подходящую позу, зафиксироваться в ней и не шевелиться – тогда становилось полегче. Но стоило чуть-чуть двинуться, дернуть рукой или хотя бы корпусом, как плечо снова точно обжигало огнем.

Чтобы отвлечься от боли, Стас попытался на чем-то сосредоточиться и стал думать о Тане. С каким пафосом она произнесла это свое «Отработаю!» Смешная... Где она может работать, эта пигалица? Разве что

милостыню просить где-нибудь у ворот церкви. Сам Стас принципиально никогда не подавал нищим, будучи уверенным, что на самом деле эти жалкие убогие попрошайки – не что иное, как развитая мафиозная структура, члены которой зарабатывают чуть ли не больше, чем квалифицированные сотрудники в его строительной компании. Оказывается, есть среди нищих и «настоящие», такие, как Таня, которым реально негде и не на что жить. И приходится стоять с протянутой рукой в любую погоду где-нибудь на продуваемом всеми ветрами углу, клянчить у прохожих мелочь, а потом наверняка еще отдавать половину собранного, если не больше, какому-нибудь здоровому бугаю, косящему под инвалида-десантника, который их «крышует»... Стас вроде бы и представлял себе эту картину – и одновременно у него никак в голове не укладывалось, что нечто подобное может существовать не в кино, а на самом деле. Слишком далека от таких сторон жизни была его собственная, до вчерашнего дня столь благополучная судьба.

Станислав Шаповалов относился к той категории людей, которых называют счастливыми. Ему действительно очень повезло в жизни (да, бывает и такое). Отец Стаса, Михаил Анатольевич Шаповалов, был сыном артиллерийского генерала, героя Великой Отечественной войны. При таком отце Михаилу ничего не стоило получить хорошее образование и сделать блестящую карьеру, а практический ум и отличные способности сильно помогли преуспеть. Он окончил экономический факультет МГУ, быстро продвигался сначала по комсомольской, а потом по партийной линии и к тридцати пяти годам занимал уже довольно солидную должность в Комитете градостроительства. Как раз в этом возрасте Михаил женился. Его жена Лидия происходила из знаменитой творческой семьи, в ее роду было несколько известных артистов, художников и писателей. Первый ее брак с красавцем-мужчиной, яркой и талантливой, но скандальной и быстро закатившейся эстрадной звездой оказался неудачным, после него Лида почти десять лет приходила в себя и залечивала душевные раны, пока не отважилась вновь надеть обручальное кольцо на свой тонкий, аристократически изящный пальчик. Необходимости вить гнездо и обустроить быт у «молодых», создавших семью на четвертом десятке лет, уже не было – имелись и четырехкомнатная квартира в центре Москвы, и собственные автомобили у каждого, и две роскошные дачи в ближнем Подмосковье, правда, пока еще родительские. Нетрудно представить, что ребенок, появившийся на свет в такой семье, с первых дней своего существования вел жизнь, достойную наследника престола. У него было все, что только можно было пожелать, от дорогих игрушек до регулярного,

минимум два раза в год, отдыха на море. Отец стремился воспитать из Стаськи настоящего мужчину, который не уронит честь героической фамилии деда, и потому настаивал, чтобы сын с детства занимался спортом, учился принимать решения и отвечать за свои поступки. Что касается Лидии, начитавшейся модных в те годы книг по педагогике, то ей хотелось вырастить сына гармоничной, разносторонне развитой и образованной личностью, поэтому мальчика уже с трех лет начали обучать музыке, танцам, рисованию и иностранным языкам. И если танцы и рисование у Стаса, что называется, не пошли, то музыку он полюбил всей душой и, в отличие от многих своих сверстников, сам, без всяких понуканий, с удовольствием садился за рояль или брал в руки гитару в перерывах между занятиями в секции борьбы и приготовлением уроков. Учился Стас, разумеется, в одной из лучших московских школ, с преподаванием ряда предметов на английском языке. Благодаря спецшколе и регулярным занятиям с репетиторами к моменту получения аттестата он уже свободно владел английским языком и мог вполне сносно объясняться и читать по-французски и по-немецки.

Так получилось, что окончание Станиславом школы пришлось как раз на начало перестройки. Весь мир с интересом наблюдал за изменениями в политике Советской страны, на Западе вошло в моду все, связанное с Россией, и Михаил Шаповалов, будучи человеком весьма неглупым и практичным, быстро сообразил, какую можно извлечь из этого пользу. Не имея недостатка ни в деньгах, ни в связях, он сумел добиться того, чтобы его единственный сын отправился учиться за границу, да не куда-нибудь, а в Великобританию, в знаменитый на весь мир Оксфордский университет. О подобном не могли мечтать даже избранные одноклассники Станислава, несмотря на то что принадлежали к столичной элите. А Стасу, в личности которого удачно сочетались способности, целеустремленность и сила воли, удалось пройти все вступительные испытания с более чем хорошими результатами. Держа в руках конверт с официальным письмом, сообщавшим, что Stanislav Sharovalov зачислен на отделение инженерных наук, юноша не мог поверить своему счастью. Шутка ли – учиться в университете, который оканчивали английские короли и премьер-министры, в том числе и знаменитая «Железная леди» Маргарет Тэтчер!

Отправляясь в Англию, Стас немного волновался, что может не справиться с учебной нагрузкой или не прижиться в такой далекой и манящей, но все-таки чужой ему стране. Однако все тревоги оказались напрасными. С первых дней, да что там, с первых минут своего пребывания в Великобритании, едва сойдя с самолетного трапа, Стас понял, что Европа –

это его. Именно здесь, а не в Москве, его настоящий дом, потому что, как говорят англичане, дом там, где сердце. А сердце Станислава сразу же, безоговорочно и навсегда, было отдано западному менталитету.

Конечно, дело было не в пресловутом материальном благополучии, том изобилии товаров, которому так завидовали на его нищей и голодной родине. Стас, как уже говорилось, рос в очень обеспеченной семье, проблемы дефицита, очередей и пустых прилавков его не касались, он всегда был не только одет и накормлен, но еще и накормлен вкусно, со всякими изысками, а одет по моде, в фирменные качественные вещи. Не сытая жизнь привлекла его – а то, какую свободу поведения и общения эта сытая жизнь обеспечивала. Здесь никто ни на кого не давил, не заставлял носить пионерский галстук, просиживать часы на утомительных комсомольских собраниях, конспектировать тома классиков марксизма-ленинизма и материалы съездов партии, которые были похожи один на другой, как штампованные комсомольские значки. Никакого идеологического вранья, полная свобода говорить, читать, думать, смотреть и слушать то, что хочется, что нравится, что ты сам считаешь нужным. А главный плюс – возможность работать на самого себя, зарабатывать деньги, которые обеспечат тебе нормальное существование, и не скрывать этого, а гордиться. На его родине до последнего времени такое было невозможно.

Впрочем, как раз в то время, когда Стас учился в Оксфордском университете, ситуация в России начала меняться. Стали появляться первые негосударственные учреждения, сначала кооперативы, потом акционерные общества. И во главе одного из них стал Михаил Шаповалов. Человеку, который всю жизнь занимался строительством, не составило большого труда создать компанию, которая работала бы по частным заказам.

На деле у «Объединенной Строительной Компании» было два полноправных владельца – Михаил Шаповалов и Андрей Жданов, его младший коллега. Но знали об этом далеко не все, поскольку, по взаимной договоренности, Михаил взял на себя всю, если можно так выразиться, публичную часть работы – общался с клиентами, заключал договора, брал кредиты и все такое прочее, то есть все время был на виду. Андрей же предпочитал оставаться в его тени и занимался практической стороной общего дела, то есть строительством. Дела у «ОСК» шли хорошо, компания росла и набирала обороты. Когда минули смутные девяностые, фирма благодаря связям Михаила перешла на новый высокий уровень и строила уже не пригородные коттеджи для новых русских, а работала в Москве по государственному заказам. К рубежу тысячелетий «ОСК» стала одной из

самых заметных в своей области компаний. При этом многие считали ее исключительно «строительной компанией Шаповалова», и обоих владельцев это вполне устраивало.

Стаса, конечно, очень радовали успехи отца. В том числе и потому, что благодаря им он сумел осуществить свою мечту и остаться жить в Европе. К моменту окончания университета отец приобрел ему небольшой бизнес в Швейцарии, где Стас и поселился. Жизнь его складывалась очень благополучно, настолько благополучно, что ее не испортила даже неудачная попытка создать семью. Во время одного из визитов на родину Стас познакомился с длинноногой блондинкой Аней и имел неосторожность влюбиться в нее настолько, что позволил затащить себя в ЗАГС. В России она казалась ему самой очаровательной девушкой на свете, умной, эрудированной, необыкновенно любознательной и одаренной в самых разных областях. Однако сразу после переезда в Швейцарию с Аней произошла удивительная метаморфоза. Из нежной, преданной и заботливой влюбленной она вдруг превратилась в капризное, взбалмошное и совершенно эгоистичное существо, которое, как оказалось, обладало только одним-единственным умением – тратить деньги, но зато делало это действительно очень талантливо, можно сказать, виртуозно. Стоит ли удивляться, что Стаса хватило не более чем на полгода такой вот, с позволения сказать, семейной идиллии. В качестве отступного пришлось купить супруге, теперь, к счастью, уже бывшей, домик на берегу Женевского озера, но Стас так рад был отвязаться от Ани, что не счел эту плату слишком большой.

Жизнь Станислава резко изменилась лет пять назад, когда отец вдруг срочно вызвал его в Россию.

– У меня, Стаська, не самые хорошие новости, – сообщил он. – Мотор барахлит, врачи говорят – долго не протяну. Так что бросай-ка ты свои заграницы да возвращайся в Россию-матушку. Буду тебе свое дело потихоньку передавать.

Подобный поворот событий совсем не входил в планы Стаса. Он попытался было отказаться, но у отца на все его возражения нашлись контраргументы. Бизнес твой европейский не столь велик, чтобы о нем беспокоиться, хочешь – продавай, хочешь – толкового директора поставь, у меня есть пара ребят на примете. В строительстве не много понимаешь – ничего, насобачишься. Пока я еще небо копчу, буду рядом, подскажу, объясню как и что. А не станет меня – опять же, Андрей остается, он дело знает, при нем не пропадешь. Спорить со старшими в семье Шаповаловых не было принято. Стас вернулся в Москву и несколько лет проработал под

началом отца, постигая с его помощью сложное искусство управления строительной компанией. После жизни и ведения бизнеса на Западе привыкать к российской действительности было очень тяжело, многого Стас не мог ни понять, ни принять. И потому был уверен, что после смерти отца сразу же вернется в Европу, продав компанию или оставив ее на попечение Андрея Жданова.

В своих прогнозах Михаил Анатольевич не ошибся – через два года после возвращения сына в Москву его действительно не стало. Но, как ни странно это было самому Стасу, он почему-то не спешил покинуть Россию. То ли это была инерция, то ли уже успел привыкнуть... К тому же Андрей был категорически против продажи компании. Каждый раз, когда об этом заходил разговор, он очень убедительно доказывал, почему этого не стоит делать, тем более в настоящий период. Стас пытался возражать, даже ссорился с ним несколько раз, но изменить ничего не мог. И они продолжали работать, в общем и целом сохраняя ту политику фирмы, которая велась при его отце. В частности, «ОСК» активно сотрудничала с крупным московским банком «Модус», основным кредитором. Банк принадлежал некоей Раисе Ветровой, давней знакомой Михаила Шаповалова, а может быть, и его любовнице – Стаса такие подробности не интересовали. Раиса одно время слегка кокетничала и с ним, но так как Стас годился ей в сыновья, то, разумеется, не принял ее поведение всерьез.

Потом внезапно погиб Андрей, и все стало с ног на голову. Сначала его смерть сочли несчастным случаем, затем вдруг объявили, что это было убийство. А далее и вовсе в этом убийстве обвинили Стаса. Причины подобной нелепости так и остались для него загадкой. Впрочем, размышлять о таких серьезных вещах у Стаса сейчас не было сил. Слишком отвлекали другие, куда более злободневные моменты. Все сильнее и сильнее хотелось есть, да и холод, который, казалось, так и просачивался сквозь прорехи в старом одеяле, продолжал забирать. Больше всего зябли ноги, поскольку были обуты в весьма щегольские, но тонкие, без всякого утепления ботинки. Выбегая вчера из дома, Стас обулся в первую попавшуюся на глаза пару, ему, конечно, и в голову не могло прийти, что в этой обуви придется часами сидеть в неотопливаемом помещении... Чтобы окончательно не заоченеть, он поднялся и затопал ногами, но так как каждое подобное движение тут же болезненно отдавалось в раненом плече, то от такого способа согревания пришлось отказаться. Не зная, что еще предпринять, Стас начал ходить туда-сюда по комнате, точно зверь по клетке. Сунулся было для разнообразия в соседнее помещение, но оттуда тут же ударило таким сквозняком, что он торопливо

ретиrowался и как можно плотнее закрыл разоxшуюся дверь.

От нечего делать он стал глядеть в окно. Оно выходило в переулок, но на улице уже сгущались ранние зимние сумерки, и можно было не опасаться, что кто-то сумеет разглядеть сквозь такое грязное стекло человека, находящегося внутри выселенного и полуразвалившегося особняка. Да и народу в переулке было не так уж много. Люди, конечно, проходили мимо, и автомобили проезжали, но далеко не сплошным потоком, как на Тверской, куда, как знал Стас, выходил переулок. Шум главной столичной улицы все время доносился до особняка – и по контрасту с этим переулок, чей дом приютил Станислава со всей возможной гостеприимностью развалин, казался особенно тихим.

Стоя у окна, Стас снова подумал о нелепости своего нынешнего положения. Он находится в центре Москвы, в каких-нибудь десяти-пятнадцати минутах ходьбы от собственного дома – и не может сделать ни шагу из своего укрытия. Разве мог он еще вчера утром представить себе, что будет испытывать посередине мегаполиса такие первобытные желания, как стремление согреться и поесть? А ведь вокруг полно магазинов, набитых продуктами, ресторанов с хорошей кухней, теплых уютных кофеен... В конце концов, даже ларьков и киосков, торгующих всякой уличной снедью: чебуреками, блинами, пирожками... Стас судорожно сглотнул слюну. Сейчас он был уже согласен на фастфуд, которого не ел даже в студенческие времена. А теперь готов был отдать недельную прибыль своей «Объединенной Строительной Компании» за какую-нибудь шаурму или сосиску в тесте. И стакан чая. Или лучше кофе. Хотя можно и чая, лишь бы был горячий. И с медом...

На миг у него мелькнула даже мысль порыться в Таниных запасах объедков из Макдоналдса, но Стас отказался от этой затеи. Больше из брезгливости, которую все еще не мог преодолеть, чем из соображений, что взять их без спросу будет очень некрасиво по отношению к девочке, которая добывала и бережно хранила эти несчастные булочки для себя. Хотя и поэтому, конечно, тоже.

Стас не знал, сколько часов провел вот так, то топчась по комнате, то вновь возвращаясь на матрас и заворачиваясь в одеяло в тщетной попытке согреться. Время, которое вчера летело как сумасшедшее, сегодня остановилось. При этом который теперь час Стас мог только догадываться. Его наручные часы остались дома.

В какой-то момент, нарезая круги по комнате, Стас подошел к камину и в задумчивости остановился перед ним. А что, если наплевать на злобного дворника и разжечь огонь? Хотя бы немного согреться...

Возможно, он так бы и сделал – холод вконец измучил его. Но тут послышались торопливые легкие шаги и в комнату вбежала Таня. В руках у нее был небольшой белый пакет – из тех, которые продавщицы называют «маечка» и дают бесплатно как приложение к покупке.

– Ух, и замерзла же я! – как-то даже весело сообщила она. Стас невольно отметил, что девочка, похоже, уже успела забыть о неприятностях, произошедших с ней днем.

– Так давай затопим камин! – тут же предложил он.

– Не, – покачала головой Таня. – Еще рано. Я ж тебе говорила, что если Толян увидит дым, то мне конец. Не хватало еще второй раз сегодня с ним столкнуться!.. Затопим после восьми, в это время он всегда уже пьяный, на улицу не выходит. Вечером из дворников тут только Сабырбек и Бектур работают, их можно не бояться...

Таня тоже села на матрас и завернулась в одеяло.

– Здорово, еще теплое!

И тут же переключилась на другую тему:

– Как ты тут без меня? – заботливо спросила она.

– Да хреново, честно сказать, – признался Стас. – Жрать хочу, как зверь, и заоченел весь, особенно ноги.

– А газет в ботинки напихать не догадался? – Она кивнула в угол за камином, где лежала целая куча газет.

– Газет? – удивился Стас. – Зачем?

– Для тепла! – снисходительно пояснила девочка. – Бумага очень хорошо держит тепло. А еще лучше, обмотать ноги упаковкой от техники какой-нибудь, она очень теплая. Но это страшный дефицит. Мне только однажды попала, я ее носила, пока она уже совсем в клочья не изорвалась...

– Какой же это дефицит? – снова изумился Стас. – Мне кажется, люди сейчас постоянно покупают технику: новые телевизоры, мониторы, компьютеры...

– Покупают, может, и часто, – возразила Таня, – да найти упаковку нелегко. Ее сразу же разбирают из помоек... Ладно, хватит болтать, я уже согрелась. Давай лучше перекусим.

К восторгу Стаса, девочка извлекла из принесенного пакета дешевый батон хлеба и – о, чудо! – кусок колбасы. Колбаса, правда, при ближайшем рассмотрении оказалась ливерной, но в настоящий момент это уже не имело никакого значения. Стас набросился на нее, как голодный лев на молодую сочную лань. Ему казалось, что он никогда не ел ничего вкуснее этой колбасы. Он только потом понял, что сожрал ее практически один,

Тане досталось лишь пара маленьких кусочков.

– Как же вкусно! – восклицал он, жуя. – Никогда не думал, что ливерная колбаса такая вкусная!

– Да ничего она не вкусная, – рассудительно отвечала Таня. – Просто нам очень хочется есть, вот и кажется, что вкусно. Вкусно – это пирожки, которые тут неподалеку в церковной лавке пекут... Вот это просто объедение! Я, когда у меня деньги есть, всегда их покупаю. Ты с чем пирожки любишь?

– Не знаю, – пожал плечами Стас. Колбаса как-то на удивление быстро закончилась, и он доедал теперь свою половину батона. – С мясом, наверное.

– Я тоже с мясом, – согласилась Таня. – И с грибами. И с картошкой. И с капустой. И с яблоками...

Она тяжело вздохнула, но тут же бодро добавила:

– Ладно, ничего, проживем и без пирожков! Скоро уже можно будет камин затопить, мы тогда воды вскипятим и разведем «Роллтон» – это тоже будет вкусно, потому что горячее...

– А что такое «Роллтон»? – не понял Стас.

– Ты что, правда не знаешь? Лапша такая быстрорастворимая.

– Бомж-пакеты, что ли? – хмыкнул он. – Вот уж не думал, что когда-нибудь до такого доживу...

Таня в первую минуту обиженно вскинулась, но сдержалась.

– Я тоже когда-то не думала... – тихо проговорила она. – А теперь дожила. И выжила – благодаря им.

Стасу тут же стало неудобно за свои слова.

– Извини, я не хотел тебя обидеть, – пробормотал он.

– Да ничего, – махнула рукой девочка. Она, похоже, была незлопамятным и очень отходчивым человеком.

Таня не переставала удивлять Стаса. По его представлениям, беспризорница должна была быть прокуренным, злобным, драчливым, вечно матерящимся и распущенным существом – а эта девочка с ее правильной красивой речью и какими-то несовременными манерами напрочь ломала все его стереотипы. Если бы не одежда, не эти кошмарные шапочки, она бы выглядела как обычный ребенок из благополучной интеллигентной семьи.

– Скажи, Таня, – осторожно поинтересовался Стас, – А почему ты живешь здесь? Да, я помню, ты говорила вчера, что потеряла родителей... Но ведь государство заботится о детях-сиротах. Есть же детские дома, социальные службы, какие-то благотворительные фонды... В конце концов,

ты могла бы просто прийти в ближайшее полицейское отделение и...

– Что-то ты сам не очень-то рвешься идти в полицию, – с усмешкой перебила Таня.

– Ну, я... – замялся Стас. – Я совсем другое дело.

– И я другое. Я ведь именно из детдома-то и сбежала.

– Тебе там было плохо? – спросил он и запоздало понял, что сморозил глупость. Уж конечно, если б было хорошо, она не сидела бы сейчас в холодных развалинах старого особняка...

И девочка ничего не ответила ему, только вздохнула.

Наконец настало время разжигать камин. Таня принесла ворох какого-то мусора, сложила все это кучкой, сунула внутрь скомканную газету и подожгла. Мусор задымился, наполняя комнату чадом и запахом гари, Стас тотчас закашлялся, глаза у него заслезились, но он готов был смириться со всем этим дискомфортом ради того, чтобы хоть немного согреться. И через некоторое время его мечта сбылась. В камине весело заплясал огонь, и продрогшему Стасу показалось, что в комнате стало жарко, хотя вряд ли температура поднялась выше тринадцати или четырнадцати градусов.

Тем временем Таня налила в черный от копоти чайник немного воды и поставила его на лежащие в камине кирпичи, которые, судя по всему, служили ей в качестве плиты. Потом извлекла из пакета все те же макдоналдсовские булочки, надела одну на прутик и сунула в камин. От аромата поджаренного хлеба у Стаса тут же закружилась голова.

– Хочешь булочку? – покосилась на него Таня. – Возьми в пакете и пожарь себе.

Колебался Стас недолго. Выбрал из ее запасов булку поцелее, старательно обкромсал ножом все подозрительные места, надел, подражая девочке, хлеб на прутик и тоже поднес к пламени. Но что-то пошло не так, мякиш на его прутике тут же обуглился.

– Ну что ж ты делаешь, зачем же суешь в самый огонь? – ахнула наблюдавшая за ним девочка. – Так же все сгорит. Держи повыше над пламенем, вот так... Ты что же, никогда не жарил хлеб на костре?

– Никогда, – сознался Стас.

– Даже в детстве? Ты что, в лагерь не ездил?

– Нет.

О том, что отдыхал в детстве только на море, в лучших пансионатах и гостиницах, он говорить не стал. Понимал, что ни к чему. Но к Тане, похоже, пришло настроение поболтать, и она продолжала свои расспросы.

– Стас, а у тебя есть семья? Жена, дети?

– Детей нет, – не слишком охотно отвечал он. – Жена когда-то была, но

мы расстались.

– А почему?

Он пожал плечами – как объяснить это ребенку?

– Видишь ли, она совсем не интересовалась мной, моей жизнью, моей личностью...

– Понимаю, – кивнула Таня. – Ей от тебя нужны только твои деньги, да? На, возьми, я тебе еще булочку пожарила.

– А с чего ты взяла, что у меня есть деньги? – забрав булочку, Стас разыграл недоумение, но девочка ему не поверила:

– Ну что я, совсем дура? – возмутилась она. – Это же по всему видно. Твое пальто, костюм, ботинки...

– Ну да, в общем, ты права, – не стал отпираться Стас, с наслаждением жуя горячую булочку. – И насчет денег, и насчет жены...

Он был уверен, что девочка сейчас начнет расспрашивать его, кто он и чем занимается, однако она спросила совсем другое. Аккуратно сняв с кирпичей закипевший чайник, который держала за ручку через рукав куртки, девочка налила воды в две пластиковые плоские тарелки с лапшой, снова закрыла их крышками и поинтересовалась:

– И что же, с тех пор ты совсем один?

– Нет, почему же... – пожал плечами Стас. – Я не один. У меня есть подруга, восходящая звезда эстрады. Олеся захотела стать певицей, и я стал ее раскручивать.

– Конечно, она очень красивая, – это прозвучало скорее как утверждение, а не как вопрос.

– Да, Олеся очень эффектная, – согласился он. – На нее многие обращают внимание.

– А что она за человек? – не унималась Таня. – Она не такая, как твоя бывшая жена? Она любит тебя, а ты ее? Она интересуется тобой, твоей жизнью?

Этот шквал вопросов поставил его в тупик. Стас задумался.

– Нет, – сказал он, помолчав. – Она такая же, как моя бывшая жена. Они даже внешне похожи почему-то... Только Олеся моложе.

– И что ж тогда? – хмыкнула Таня. – Стоило менять шило на мыло? По-моему, лучше быть одному, чем с такой женщиной. Я думаю, дешевле обойдется. Во всех смыслах.

– Видишь ли, девочка, – начал он, затрудняясь подобрать нужные слова. – Мужчине трудно быть одному. Ты просто еще слишком мала, чтобы понимать такие вещи...

Но Таня только фыркнула в ответ:

– Когда вы, взрослые, так говорите, это значит, что вам просто больше нечего сказать! Все я прекрасно понимаю. Знаешь, сколько всяких разных парочек я тут, в особняке, видела-перевидела, пока тепло было... Ладно, давай лапшу есть, уже готово.

Настоявшаяся в кипятке лапша с курицей (так, во всяком случае, было указано на крышке) показалась Стасу воистину пищей богов. Он, обжигаясь, хлебал ее пластиковой ложкой и жалел только об одном – что порция так мала и закончилась столь быстро.

Потом Таня вновь заставила его раздеться, пока тепло, осмотрела и промыла рану и радостно сообщила, что, как ей кажется, стало чуточку лучше. А после перевязки Стаса неудержимо потянуло в сон. Он скрючился на куче картонок, которая показалось ему вполне сносным ложем, завернулся в пальто, нашел удобную позу, в которой раненое плечо почти не беспокоило его, и буквально провалился в вязкую, непроглядную тьму. Ушел на дно, как водолаз в свинцовых ботинках. Наверное, поэтому и сон у него был тяжелым, поистине свинцовым.

Глава восьмая

За семь дней до Нового года

В то время, когда Стас Шаповалов уже давно спал в развалинах особняка, неловко скрючившись на куче разломанных картонных коробок, совсем неподалеку от него, в недавно открывшемся рядом с Тверской ночном клубе «Twilight» только начиналось веселье. Олеся прикатила сюда на своем джипчике «Сузуки» как раз вовремя, чтобы поспеть на мужской стриптиз. После красочного шоу, как всегда, вызвавшего бешеный восторг у порядком уже разогретой публики, Олеся выскочила на танцпол, где оторвалась по полной. За свой столик она вернулась уже не одна, а в компании только что обретенного кавалера – затянутого в черную кожу смазливового крашеного блондина с серьгой в правом ухе, который представился ей как Тони. Опрокинув с ним по паре коктейлей, Олеся, в которой уже плескалось немало выпитого с утра спиртного, окончательно расслабилась и наконец-то сумела настолько забыться, что почти перестала горевать о сорвавшейся поездке. Но все-таки пожаловалась Тони:

– Прикинь, у меня со вчера настроение такое говенное...

– Чего так? – Парень, который тоже был далеко не трезв, а может, слегка и под кайфом, не без труда сфокусировал на ней свой взгляд.

– Да папик мой меня кинул...

– Бросил, что ли? Во мудило! Такую телку... – горячо возмутился собеседник.

– Да не, не бросил, типун тебе на язык! Тьфу-тьфу-тьфу! – Олеся

испуганно застучала по ничем не прикрытой деревянной столешнице. – Он меня вроде это... Ну, типа как любит. Денег, во всяком случае, не жалеет. Квартирку мне снял, машинку купил. Даже денег дал, чтобы я диск записала. Я ж певица, прикинь! – не удержалась от хвастовства девушка.

– Да ладно? – качнул головой Тони, и брюлик в его сережке сверкнул в полумраке.

– Честное слово, не вру. Будешь хорошо себя вести – подарю тебе диск, вроде у меня в бардачке еще завалялась парочка, – кокетничала Олеся.

– Буду вести, – охотно согласился парень и, тотчас решив исполнить свое обещание, сгреб девицу в охапку. Олеся хихикала и делала вид, что вырывается, однако не слишком старалась. Закончилась возня долгим поцелуем.

– Папик обещал меня на праздники с собой в Европу взять, – как ни в чем не бывало продолжила свой рассказ Олеся после вынужденной паузы. – Я, как умная Маша с мытой шеей, шмоток понакупила, чемоданчики сложила, сажу, жду. А он, вместо того чтоб приехать за мной и в «Шарик» везти, эсэмэсочку прислал – прости, мол, все отменяется. Прикинь, какая засада?

– Козел! – эмоционально согласился Тони.

Столик, за которым сидела парочка, находился под самым динамиком, разговаривая, парню и девушке приходилось чуть ли не кричать в полный голос, но ни его, ни ее это не смущало. Привыкли уже, да и какой смысл ходить в клуб, если не послушать там музыку?

Выпив еще по коктейлю, новые знакомые окончательно расслабились.

– Попляшем еще? – предложила Олеся.

– Да ну, надоело уже, – махнул рукой Тони. – Что-то тухло тут... Может, двинем в другое место?

– А может, сразу к тебе? – без церемоний предложила девушка.

– Ко мне нельзя, – тут же опечалился парень. – У меня предки дома. Жмоты они у меня. Который уж год прошу, чтоб хату мне купили – жмутся. Говорят, от армии тебя отмазали, тачку подарили, универ оплачиваем – так и будет с тебя.

– Тогда рванем ко мне, какие проблемы? – засмеялась Олеся.

Тони поднял на нее удивленный мутноватый взгляд:

– А как же твой папик?

– А чего папик? Я ж отдельно от него живу, у меня квартирка своя.

– Ну, а вдруг он нагрянет?

– Не, просто так не нагрянет. Он никогда без звонка не приезжает.

Воспитанный, – пьяно хихикала Леська. – Да его, похоже, и в городе нет. Мобильный не отвечает, дома никого – я вчера дважды за вечер, как дура, моталась, проверяла. Видно, улетел все-таки без меня, сволочь такая... Вот я и бухаю с горя второй день, даже ревела вчера...

– Ладно, не кисни, – снова обнял ее Тони. – Раз его нет – так нам только лучше.

– Это верно, – согласилась она. – При нем хрен расслабишься. Я, когда с ним, такую пай-девочку из себя строю, аж самой смешно...

Слегка покачиваясь, парочка выбралась на улицу. После темного, освещенного лишь отдельными цветными софитами, и душного, полного табачного дыма помещения ночного клуба с его грохочущей музыкой им показалось, что в выходящем на Тверскую переулке почти светло, свежо и на удивление тихо. Леська направилась было к своему джипчику, но Тони остановил ее.

– Ты чего, за руль сесть собралась? Сдурела, что ли? Ты же едва на ногах стоишь!

– Да ладно тебе, – хихикала Олеська. – Я часто так езжу...

– Ясен пень, я тоже не ангел... И тоже не как стекло. Но давай все-таки на моей тачке поедем.

– Да запросто, – не стала спорить девушка. – Мне только лучше, руль крутить не надо.

У Тони тоже оказался джип, подержанный «Форд». Леся с удовольствием нырнула в его кожаное нутро, устроилась на сиденье и, прильнув к водителю, сунула руку под его куртку и принялась гладить его по груди. Ей очень нравилось, что Тони такой худой, Леся всегда предпочитала мужчин астенического сложения, тоненьких, почти женственных, как герои аниме – она обожала хентай, всегда возбуждавший ее гораздо сильнее всей остальной порнухи. Стас ее «кинематографических пристрастий» не понимал, смеялся над ними. И сложения был чисто атлетического: мышцы развитые, выдающиеся... Оно, может, и неплохо, тем более для папика его возраста, но Олесе такое не нравилось. Впрочем, она хорошо понимала, что выбирать не приходится. Хочешь хорошо устроиться – пользуйся тем, что имеешь.

К этой мысли Леську с самого детства приучила мама, всю жизнь проработавшая в отделе парфюмерии и косметики одного из московских универмагов. Зарплата ее, даже когда она стала заведующей, была не так уж и велика, во всяком случае, и в сравнение не шла с теми деньгами, которые привозил отец, периодически ездивший на заработки за Полярный круг. При этом, однако, вся та жизнь, которую вели Петунины, была почти

целиком заслугой не главы семьи, а его жены. Тогда, на закате социализма, важно было не столько иметь деньги, сколько уметь обменять их на разные житейские блага. Прийти в магазин и купить что-то более или менее приличное было почти невозможно, необходимо было все доставать, используя личные связи. А заводить связи по принципу «ты мне – я тебе» Олесина мама была большая мастерица. В ее руках постоянно оказывались французские духи, наборы фирменной косметики, хороший шампунь, импортное мыло, бывшее в то время большим дефицитом, и прочее тому подобное – а все это, как нетрудно понять, пользовалось огромным спросом. Соответственно, у заведующей парфюмерным отделом имелись взаимовыгодные знакомые во всех сферах – от аптек до автосервиса и от булочной-кондитерской до театральных касс. И потому маленькая Леська, единственный ребенок в семье, с малолетства привыкла жить в изобилии. Одних кукол Барби у нее было шесть штук, не считая их мужей и деток. В то время Петунины были так хорошо устроены в жизни (еще одно мамино выражение), что без всяких затруднений пережили перестройку, почти не заметив кризиса, инфляции и прочих напастей, которые обрушились на страну в начале девяностых.

Но потом все резко изменилось. Отец занялся бизнесом и сумел даже приподняться на первой волне, торгуя бельем и колготками, но впоследствии не справился с делом, разорился и стал спиваться. А мама вдруг оказалась не у дел, поскольку парфюмерия и косметика перестали быть дефицитом, за какие-то несколько лет этого добра в стране появилось видимо-невидимо, на любой вкус и кошелек. Впрочем, сдаваться предприимчивая женщина не собиралась. Быстро разведясь с мужем, который сделался для нее балластом, она скооперировалась с несколькими знакомыми рукодельницами и открыла на Вернисаже палатку, где продавалась сувенирная вышивка, и это помогло матери и дочери остаться на плаву. Со временем число торговых точек увеличилось, и хотя спрос на товар сильно упал, но все же Петунины продолжали сводить концы с концами. Во всяком случае, все школьные годы Олеся была одета не хуже других, – а этот момент и для матери, и для дочери считался главным критерием в вопросе состоявшейся или несостоявшейся жизни.

На радость маме, девочка росла очень хорошенькой. Наряжая ее и расчесывая белокурые волосики, женщина не уставала повторять дочке, как важно всегда быть красивой, следить за собой и как можно больше времени и внимания уделять своей внешности.

– Что хорошего – всю жизнь горбатиться, как я, пытаюсь заколотить копейку? – внушала мать. – Нет уж, пусть мужчины на тебя работают. Ты у

меня красавица, ты найдешь себе нормального мужчину, не такого непутевого, как твой никчемный отец, и будешь жить припеваючи.

То, что этот «никчемный» отец почти двадцать лет ездил работать на Крайний Север, в малопригодные для жизни условия Заполярья, чтобы содержать семью, к тому времени уже благополучно забылось.

Так что Олеся, можно сказать, с молоком матери впитала свой основной жизненный принцип: я красива, я – подарок для любого мужчины, поэтому они должны платить за удовольствие обладать мной. И платить как можно дороже.

Уже в школе она начала встречаться только с теми мальчиками, которые могли делать ей подарки, водить в клубы и оплачивать прочие развлечения, причем степень близости, которую допускала в отношениях Олеся, была прямо пропорциональна щедрости очередного кавалера. Так, например, с невинностью она рассталась в четырнадцать лет, осчастливив тем самым сына владельца армянского ресторана, толстого и прыщавого десятиклассника, подарившего первое в ее жизни золотое украшение. А первый год учебы в институте (Олеся выбрала для себя специальность «дизайнер интерьерера» – и престижно, и сильно заморачиваться не надо) ей оплачивал уже постоянный любовник, бизнесмен, владелец сети залов игровых автоматов. На него у Олеси были большие планы, она уже всерьез подумывала, как бы женить его на себе – но тут политика государства в отношении игорного бизнеса изменилась, казино и прочие развлекательные центры подобного толка стали закрываться, и Леське пришлось бросить своего папика.

Несколько лет она находилась, что называется, в свободном плавании, переходя от одного мужчины к другому и ни с одним не задерживаясь надолго. Окончила наконец свой институт, учеба в котором хоть и была халявной, не бей лежачего, но все равно надоела ей хуже горькой редьки. Настало время всерьез задуматься о своей дальнейшей судьбе. Нужно было срочно как-то устраиваться, но не работать же идти, в самом деле? На мать уже не было никакой надежды, последние годы ее дела шли хуже и хуже. Олеся поняла, что ей нужно как можно скорее выйти замуж. Пока не поздно. Сейчас ей двадцать два, она, можно сказать, в самом соку. Но пройдет еще каких-то два, максимум, три года – и все, кранты. На светлом будущем можно уже ставить крест. Она, Олеся, выйдет в тираж, а женихов-олигархов и их перспективных сынков расхватывают уже дышащие ей в затылок двадцатилетние акулки.

Придя к такому мудрому решению, Олеся всерьез озадачилась вопросом замужества и занялась поиском жениха. Начала, как советовали

женские журналы – ее настольная глянцевая «Библия» – ходить по местам скопления возможных кандидатов: модным фитнес-центрам, бутикам, интересным для мужчин, престижным выставкам, дорогим кабакам. И вскоре заприметила в одном из небольших уютных ресторанов, славящихся своей хорошей кухней, подходящий объект. Это был мужчина лет сорока, в отличной спортивной форме, высокий, представительный, с темными, чуть тронутыми сединой волосами, выразительными карими глазами и сексапильной родинкой на щеке. «Мерседес» S-класса с личным водителем, стильная одежда, вся, как на подбор, неброская, но известных марок, со вкусом подобранные и очень недешевые аксессуары, спокойная уверенная манера держаться – все выдавало в нем человека весьма состоятельного. Сначала Леся даже решила, что он иностранец, но потом прислушалась к речи – нет, русский, говорит свободно и без всякого акцента. Этот человек часто обедал и ужинал здесь один или с другими мужчинами, друзьями или деловыми партнерами, и лишь изредка – с женщинами, так что первое время Олеся подозревала, что он голубой. Ей было странно, что такого со всех сторон достойного папика еще никто не прибрал к рукам. Может, тут какой-то подвох? Однако, как говорят англичане, чтобы узнать вкус пудинга, надо его попробовать (эту поговорку она позже узнала именно от него, от Стаса). Как-то раз, оказавшись с ним за соседним столиком, она подслушала, что интересующий ее мужчина говорит с другом о музыке. Судя по всему, он любил музыку, неплохо в ней разбирался, и это было Олеся очень на руку. В детстве, когда их семья еще жила вполне благополучно, Леська занималась с преподавателями фортепиано и вокала. Потом музыку пришлось забросить, но петь она любила до сих пор и считала, что делает это неплохо.

Решив не тянуть и сразу взять быка за рога, Олеся дождалась следующей встречи с тем мужчиной, когда он вновь оказался один, и сама под села к нему за столик.

– Добрый вечер, – проговорила она, улыбаясь как можно более очаровательно. – Мы так часто встречаемся с вами в этом ресторане, что, по-моему, уже пора познакомиться. Меня зовут Олеся, а вас?

– А меня – Станислав, – отвечал мужчина. – Но я предпочитаю, чтобы меня называли Стасом.

Идея поговорить о музыке действительно сработала. Олеся ловко затронула нужную тему, завязалась беседа. Стараясь пробудить к себе настоящий интерес, а не просто желание разок провести вместе ночь, девушка вела себя в полном соответствии с руководствами из женских журналов. Никаких игривых авансов, никаких намеков на продолжение

знакомства или даже совместное проведение вечера. В какой-то момент, когда разговор стал угасать, Олеся как бы случайно кинула взгляд на часы и извинилась: «Прошу прощения, мне нужно ехать. Было очень приятно поболтать с вами». И ведь подействовало! Нет, не дураки, явно не дураки эти психологи, пишущие статьи в глянце! Когда они встретились в следующий раз, Стас уже сам подсел к ней, предварительно вежливо уточнив, можно ли это сделать.

Олеся торжествовала – знакомство завязалось! Все вышло так, как она хотела. Вскоре милое, ни к чему не обязывающее общение перешло уже в более близкие отношения. Потом Леся намекнула, что у нее проблемы с жильем, и Стас тут же, не колеблясь, снял ей милую хатку на Соколе. На день рождения Олеся получила в подарок джипчик, летом они вместе съездили на две недели отдохнуть на Бали, а осенью девушка осуществила свою давнюю мечту – записала собственный диск с песнями, которые Стас же купил для нее у нескольких способных, но не слишком раскрученных авторов. На обложке диска значилось, что и слова, и музыка тоже принадлежат ей – Леська считала, что так гораздо круче. Теперь дело было за малым – дать послушать диск специалистам, найти продюсера и начать пробиваться на эстраду и телевидение. Олеся не сомневалась, что достигнет и этой цели, Стас наверняка ей поможет, недаром, знакомя ее с кем-либо, он теперь обязательно представляет свою подругу как начинающую певицу.

Словом, Олеся была довольна... Ну, почти довольна. Конечно, ей хотелось гораздо большего, в частности, перейти из разряда любовниц в категорию «жена». Для начала поселиться в шикарных хоромы Стаса, затем сыграть свадьбу, да повеселее, чтобы вся Москва вздрогнула! Свадебное путешествие провести в Париже, в Америке или, на худой конец, в Италии. А потом можно будет поторопить мужа с переездом за границу. Хватит торчать в этом совке, осточертело уже, пора начинать жить, как люди.

То, что Стас долгое время прожил в Европе, до мозга костей пропитался западным духом и собирался вернуться туда при первой возможности, вызывало у Олеси двойственные чувства. С одной стороны, ей это, конечно, очень нравилось, так как открывало самые радужные перспективы... А с другой стороны – ну, как он не захочет взять ее с собой? При таких отношениях, которые установились между ними, подобное вполне возможно. И тогда она останется у разбитого корыта, лишится такого классного папика. То, что Стас классный, Леська отлично понимала, хотя бы когда сравнивала его с любовниками своих подруг. Те ей

завидовали – нестарый еще, красивый, вежливый, щедрый, некапризный, неревнивый, нетребовательный, без всяких закидонов и извращений (о том, какие странные, а порой и омерзительные причуды бывают у богатых людей в быту и особенно в сексе, она знала не только понаслышке). Леся соглашалась с ними: да, все это так... Но в глубине души понимала, что Стас ей совсем не нравится, более того, раздражает ее. И внешне он далек от того типа мужчин, который она предпочитает, и эти его вечные душевно-интеллектуальные разговоры уже порядком достали... Ни в клуб с ним смотаться, ни обсудить то, что Олесе интересно. Пару раз она предложила ему сходить в кино на те фильмы, которые сама хотела увидеть, так он только скривился: «Как можно смотреть такую чушь!» Вот ей и приходится зевать, таскаясь с ним на выбранные им фильмы, спектакли, концерты и выставки. Общаясь со Стасом, Олеся каждый раз чувствовала себя актрисой, которая выходит на сцену и из раза в раз отыгрывает роль, которая ей совершенно не близка и даже почти непонятна. В каком-то смысле их связь даже тяготила ее, но все равно девушка огорчилась не на шутку, когда вчера вечером Стас как в воду канул. Обнаружив в мобильнике эсэмэску (она ее не слышала, принимала ванну), Олеся сразу перезвонила любовнику, но в трубке весь вечер слышались лишь длинные гудки. Поразмыслив, она села в машину и смоталась к его дому на Тверской, но только «полюбовалась» на темные окна – ключей от своей квартиры ей Стас не давал.

С горя Олеся зарулила к жившей неподалеку, в районе «Маяковки», подружке Ленке, которую недавно бросил любовник. Они хорошо посидели, выпили martini, от души поругали мужиков – и своих, и всех остальных за компанию. На обратном пути Леська снова проехала через Тверскую, благо крюк пришлось делать небольшой. Было уже хорошо за полночь, третий час, наверное, но окна квартиры Стаса оставались по-прежнему темны. «Ну и черт с ним!» – заключила Леська и решила, что отомстит любовнику за такое обращение с ней. Что сегодня же с успехом и начала претворять в жизнь.

До ее дома на улице Алабяна они с Тони добрались без приключений. К счастью, даже менты не остановили, хотя, если бы поймали, была бы полная задница – ведь Тони, который вел машину, тоже был изрядно поддатым. Но вроде обошлось. Уже в лифте они с Тони стали обниматься, целоваться и тискаться и так завели друг друга, что едва добрались до квартиры, чуть не трахнулись прямо на лестничной клетке. Олеся с трудом высвободилась из его объятий и открыла наконец дверь.

– Проходи. – Она щелкнула выключателем в прихожей.

Кое-как пристроив верхнюю одежду на вешалку, они торопливо разулись и поспешили в комнату... где и замерли на пороге. Потому что, включив свет, Олеся с удивлением и ужасом обнаружила вдруг, что квартира не пуста. В отодвинутом в самый угол кресле сидел плечистый человек, одетый в темную куртку и низко, ниже бровей, надвинутую на лицо вязаную шапку. С одного взгляда Олеся поразило выражение его лица – столько было в нем холодной жестокости. И взгляд на грани безумия. Не человек, а машина для убийства.

– Это, что, твой?.. – почему-то шепотом произнес Тони.

Ответить Леся не успела. Человек в кресле, не вставая и почти не меняя позы, поднял руку в черной кожаной перчатке, и только сейчас девушка заметила в ней пистолет с длинным стволом. Как в кино, в боевиках – оружие с глушителем. И прежде чем Олеся успела сообразить, что такое творится, непрошенный гость выстрелил в Тони. Тот даже не вскрикнул, сразу тяжело, мешком, осел на пол. А человек в кресле выстрелил вновь, на этот раз в голову парня. При этом на его лице не дрогнул ни один мускул. Было такое чувство, что он даже не смотрит куда стреляет. И после этого повернулся к омертвевшей от страха девушке.

– Где он? – прозвучал короткий вопрос. Олеся машинально отметила, что голос у убийцы неприятно-резкий и слишком высокий, никак не сочетающийся с ростом и мощной комплекцией.

От ужаса она онемела и не могла вымолвить ни слова. Убийца встал, шагнул к ней. У Олеси тут же подкосились колени, она кулем рухнула на пол, прямо к его ногам и глядела на страшного человека теперь уже снизу вверх. Встать она уже не посмела.

– Где он? – повторил убийца.

– Кто?.. – наконец смогла выдавить из себя девушка. Ее не покидало ощущение, что весь этот ужас происходит не с ней, не на самом деле... Это просто страшный сон. Сейчас она проснется – и все пройдет. Не будет этого возвышающегося над ней кошмарного мужчины в надвинутой на глаза шапке, не будет скорчившегося рядом с ней на полу длинного худого тела Тони, не будет этого маленького пятнышка крови на его лбу...

– Твой хахаль, – уточнил убийца.

– Я... Я не знаю. Правда, не знаю! – завопила она, увидев, что его рука с пистолетом снова взметнулась.

– Врешь, – с каким-то даже отвращением проговорил убийца.

Снова раздался тихий щелчок, и вдруг левое колено Олеси ожгла такая сильная боль, что девушка взвыла, как раненое животное.

– Ну, честное слово, чем хотите поклянусь! – застонала Леся,

скрючившись. – Он мне ничего не сказал. Только прислал вчера эсэмэску, что наша поездка отменяется... И все... Ей-богу, все! С тех пор я его не видела и не слышала... Ну что мне сделать, чтобы вы поверили?

От невыносимой боли ей казалось, что вся комната поплыла куда-то, утопая в красном тумане. Было такое чувство, что глаза заливают кровью. Весь мир сжался в комок и превратился в огненный сгусток боли.

Голова откинулась назад, и Олеся уже не видела движений убийцы. В какой-то момент она вновь ощутила, что в тело точно вонзился раскаленный штырь, на этот раз в грудь – и после этого она уже навсегда провалилась в черную непроглядную пропасть.

Глава девятая

За шесть дней до Нового года

Должно быть, кто-то там наверху все-таки был благосклонен к Стасу, потому что уже вторую ночь, проведенную им в развалинах особняка, посылал ему крепкий глубокий сон – тяжелый и не слишком приятный, но зато без мучительных снов и без пробуждений. Когда Стас открыл глаза, за окном, как и вчера, было уже светло. И снова, как и вчера, он в первое мгновение не мог сообразить, где находится. А когда вспомнил, то не мог удержаться от тяжелого вздоха, тотчас отозвавшегося болью в плече. Дождавшись, когда она немного отпустит, Стас осторожно поднялся, сел и огляделся. В комнате он был один, девочка куда-то исчезла.

Какое-то время Стас сидел, прислонившись спиной к стене, снова и снова размышляя, что же ему все-таки делать дальше. Как связаться с Сергеем? Где взять денег? Как найти врача? Что предпринять, чтобы доказать свою невиновность и вернуться к нормальному, привычному образу жизни? Сколько ему еще торчать здесь, в этих развалинах?

Так и не найдя ответа ни на один из этих мучительных вопросов, он встал с кучи картонок, заменявших ему постель, сдвинул их в угол, подражая Тане, и, собравшись с силами, отправился в туалет, где решил даже умыться ржавой водой из стоявшей там бутылки. Этот поступок был равносильным подвигу, зато потом, когда Стас вернулся в комнату и плотно закрыл за собой дверь, ему показалось, что там тепло, как в его собственной квартире. Ну, почти.

От нечего делать Стас, как и вчера, подошел к закопченному окну и долго стоял, наблюдая открывавшийся за ним скучный пейзаж – темный от влаги асфальт, лишь кое-где, по краям, припорошенный снегом, угол дома на другой стороне переулочка с окнами плотно закрытыми жалюзи (там, судя по вывеске, располагался какой-то офис), машины, проносящиеся по мостовой, не слишком многочисленные прохожие. Жизнь продолжалась,

будто ничего и не произошло... «А что, собственно, произошло? – спросил он сам себя. – Кому есть дело до того, что какого-то бизнесмена подставили, обвинили в убийстве, которого он не совершал? Что его заказали наемному убийце? Что он, раненый, голодный и холодный, прячется здесь, как загнанный зверь, и боится даже нос высунуть на улицу?»

Впрочем, разве сам он когда-нибудь обращал внимание на трагедии, которые ежедневно происходят вокруг него? Скольких людей только что не на его глазах разорили, выбросили из бизнеса, практически вычеркнули из жизни! А он жил, работал, веселился. И нечего теперь обижаться, что никому нет дела до его проблем... Хотя это и не так. Кое-кто все-таки проникся его бедой – приютил, обогрел, накормил, оказал необходимую медицинскую помощь. И кто? Маленькая и одновременно не по годам взрослая девочка. Бездомная нищенка, которой самой бы кто-нибудь помог...

После мыслей о Тане Стас почему-то подумал вдруг об Олесе. Как же ей хотелось провести с ним католическое Рождество в Европе!.. Интересно, она сильно огорчилась из-за того, что поездка сорвалась? Разумеется, сильно. И, конечно, дуется на него, Стаса, за то, что он исчез, ничего толком не объяснив. Наверняка катается теперь с подружками по кабакам и клубам и жалуется им на свою тяжелую жизнь. А вот заволноваться, не случилось ли с ним чего-то нехорошего, и начать его искать ей и в голову не придет...

Один из идущих по тротуару мужчин, невысокий коренастый парень в синей с серебряными вставками куртке, нес перевязанную веревками елку, и Стас подумал о том, что до Нового года осталось всего шесть дней. Неужели за это время ничего не решится и придется провести новогоднюю ночь здесь? От этой мысли его буквально передернуло.

Стас отошел от окна, осмотрелся и только сейчас увидел на столе «записку», которую Таня написала угольком прямо на столешнице: «Ушла на заработки, вернусь вечером». Рядом, на куске газеты лежала абсолютно целая макдоналдсовская булочка. Обнаружив ее, Стас был тронут до глубины души. Ведь раздобыла ж девочка как-то эту булку и не съела сама, сберегла для него... Да еще и заботливо положила на стол, чтобы он позавтракал, когда проснется.

Стасу тотчас захотелось оплатить маленькой хозяйке добром за добро, тоже сделать что-нибудь полезное для нее. Жуя уже порядком зачерствевшую булочку, он стал оглядывать комнату и сообразил, что вчера они сожгли последний запас дров. А раз так – нужно раздобыть еще. Вчера

перед сном Таня что-то говорила об этом, но он засыпал и не совсем понял, а сейчас догадался. Он подумал, что надо выйти во двор особняка, где, как он хорошо помнил, росли какие-то деревья, и собрать или наломать веток. Вот только делать это днем, пока еще светло, Стас так и не решился. Конечно, дворик обнесен сплошным забором, и с улицы его, Стаса, никто не увидит... Но вдруг кому-нибудь, тому же дворнику, как его, Толян зовут, кажется, придет в голову заглянуть за ограду? Нет уж, лучше дождаться темноты.

И потянулся долгий, мучительно скучный день. Не зная, как убить время, Стас несколько раз делал вылазки из комнаты и слонялся по первому этажу до тех пор, пока не изучил его вдоль и поперек, после чего поднялся на второй и продолжил свою экскурсию. Имелся в особняке и третий этаж, но туда вела уже не мраморная, а деревянная лестница, выглядевшая настолько ветхой, что воспользоваться ею Стас не отважился.

Как ни странно, но ходить оказалось даже лучше, чем лежать или сидеть – и не так страдаешь от холода, и от боли в плече немного отвлекает. Сейчас, при дневном освещении, особняк уже не казался таким запутанным лабиринтом, как позавчера вечером, при первом знакомстве с ним. Хотя, конечно, всяких закоулков здесь более чем хватало. Кругом царили запустение и разруха – стекла разбиты, стены обшарпаны, потолки грязные, полы истоптаны и завалены мусором. А ведь наверняка когда-то здесь все сверкало, под высоченным потолком переливались хрустальные люстры, сверкал дубовый паркет, остатки которого еще угадывались под ногами, стены были оклеены какими-нибудь узорчатыми обоями или даже обиты тканью... Разглядывая полуразрушенные, но сохранившие остатки бывшего величия интерьеры, Стас пытался представить, как все это выглядело раньше и как могло бы выглядеть, если привести особняк в порядок.

«Интересно, а кому принадлежит этот дом? – думал он. – Почему его бросили на произвол судьбы, почему не реставрируют? Как такое вообще могло получиться? Место отличнейшее, тихое и самый центр, земля здесь стоит очень дорого... Как только моя нелепая ситуация хоть как-то прояснится, надо будет обязательно разобраться с этим вопросом. Постараться, если получится, купить особняк и восстановить его. Думаю, тогда его у меня просто с руками оторвут. Да и сам бы я не отказался здесь поселиться – после реставрации, разумеется».

Наконец начало смеркаться. Все еще опасаясь быть замеченным кем-нибудь, Стас все-таки решился выйти во двор. Сначала он осмотрел дорожку от лаза в заборе до крыльца и порадовался тому, насколько тут все

истоптано. Лежал бы снег – наверняка остались бы его, Стаса, следы, да и капли крови были бы хорошо заметны на белом фоне. А в такой грязи, к счастью, ничего не углядишь...

Обойдя особняк, он вскоре нашел то, что искал – высокое дерево, росшее у стены дома. Если бы Стас разбирался в деревьях, то сразу бы понял по сохранившимся еще каким-то чудом на ветках несколькими листьям, что это вяз. Но его, до мозга костей городского жителя, природа не интересовала даже на таком уровне. Задумываться о том, что именно за дерево перед ним, он не стал, гораздо важнее было другое. Очевидно, накануне был сильный ветер, который сломал и бросил на землю две большие ветки, и эта находка очень порадовала Стаса, весьма смутно представлявшего, как он сумел бы одной рукой, без всяких вспомогательных средств, обломать сучья с дерева. Но ему повезло, ветки уже лежали на земле, оставалось лишь поднять их и отнести в комнату. Что Стас и сделал, предварительно разломав будущие дрова на более мелкие части. Это оказалось не такой уж легкой задачей, ветки были еще живые, гибкие, они отчаянно сопротивлялись – но он с грехом пополам сумел их одолеть.

Когда вернулась уставшая и замерзшая Таня, Стас с гордостью продемонстрировал ей свои трофеи, которые уже сложил в камин. Но, к его великому огорчению, девочка только рассмеялась:

– Стас, ну ты что? Разве можно топить сырыми дровами? Они не будут гореть, а даже если они и загорятся, то станут так дымить – мало не покажется. Этак мы с тобой угорим, просто задохнемся в дыму.

– А что же делать? – растерялся он.

– Да просушить их сначала! Прежде, чем положить дрова в камин, я их всегда сначала складываю рядом, чтобы подсохли.

Стас с досадой отвел глаза. Ему было неловко и обидно: опять эта девчонка его отчитывает, а он и слова не может сказать в ответ, потому что понимает – она права. Он совершенно не подготовлен к нецивилизованной жизни, не способен сделать даже такой простой вещи, как растопить камин.

Заметив его замешательство и растерянность, Таня сразу смягчилась.

– Да ладно, не расстраивайся! Было бы из-за чего. Сейчас мы эти ветки вынем, положим вот тут, с краешку... Они когда высохнут, то очень хорошо нам сгодятся.

– А сегодня чем мы будем топить? – поинтересовался он, помогая вынимать ветки. – Ты говорила, у нас все кончилось.

– Поищем что-нибудь тут, в доме, – оптимистично отвечала Таня. – Думаю, найдем, если как следует поискать. Все хорошие деревяшки я тут

уже стопила, но мусора еще полно.

Чтобы исправить свою ошибку, Стас был готов отправиться на поиски топлива прямо сейчас, но Таня его остановила:

– Нет уж, давай сперва поедим, а то я голодная, как волк!

Спорить с ней Стас даже и не думал – у самого давно подвело живот от голода.

Таня раскрыла пакет, с которым пришла, и принялась накрывать на стол, попутно рассказывая Стасу, что сегодня у нее был на редкость удачный день, она отлично заработала. Ей подавали много, и мелочи, и десяток, дважды даже по полтиннику, и к тому же одна добрая тетя подарила большое красное яблоко. Так что кроме обновленного запаса вечных булочек, сосисок в тесте, хлеба и колбасы у них на обед сегодня был и фруктовый десерт. Таня аккуратно разрежала яблоко своим тупым ножом, протянула половину Стасу, и он проглотил ее в один миг, хотя всегда был уверен, что не любит яблоки, предпочитает виноград, апельсины и манго. Он имел неосторожность сказать об этом вслух, и тут же с опозданием понял, что допустил ошибку.

– Вот скажи, – тут же прицепилась к его словам Таня, – ты считаешь справедливым, что одним людям даже яблоко кажется праздником, а другие едят только дорогие деликатесы?

– Тот, кто ест дорогие деликатесы, сам заработал себе на них, – не слишком уверенно возразил Стас. И поспешно добавил: – Я, во всяком случае, заработал.

– Не так уж мало людей на свете работают! – тут же парировала девочка. – И еще неизвестно, чья работа тяжелее. Думаешь, легко каждый день, в любую погоду, стоять на улице и просить подаяния? Зная, что тебя каждую минуту могут обругать, ударить, унижить, обидеть. Или того хуже...

– Нет, конечно, не легко, – тотчас согласился Стас. – Я охотно готов признать, что твоя работа намного труднее моей. Просто как-то так повелось, что моя приносит чуть больше денег...

Ему не очень хотелось продолжать этот разговор, и Стас поспешил сменить тему:

– Может, пойдём поищем дров для камина? Очень уж хочется погреться.

– Пошли! – сразу же откликнулась Таня.

Без особой охоты покинув свою «теплую» комнату, они отправились в путешествие по особняку, уже погруженному в полумрак.

– Нам на второй этаж надо, – поясняла дорогой девочка. – На первом я

давно уже все собрала, к сожалению...

– Разве? А вот этот стул почему не годится? – Стас кивнул на валяющийся в углу деревянный стул без сидения, который заприметил еще сегодня днем, потому что наткнулся на него. – Он тоже сырой или с ним еще что-то не так?

– Нет, что ты, он бы очень даже сгодился! – отвечала Таня. – Но целиком его в камин не сунешь, а разломать у меня никак не получается, сколько я ни пробовала... Он такой крепкий, скреплен прямо намертво!

– Да уж, раньше вещи делали на века, – согласился с ней Стас. – Не то что сейчас...

– А сейчас это никому не выгодно, – авторитетно объяснила Таня. – Ведь чем быстрее вещи будут ломаться, тем чаще их будут покупать.

Стас ничего не ответил, только хмыкнул про себя. Все-таки она удивительный ребенок, эта девочка в трех дурацких шапках! Многие ли дети ее возраста задумываются на подобные темы? А эта размышляет, выводы делает, да еще и преподносит их с такой важностью...

– Подожди! – остановил он Таню. – Думаю, вместе мы с тобой сумеем справиться с этим стулом. Держи-ка его вот так, а я попробую разломать.

Разумеется, Стас оказался прав. Вредный стул, упорно не желавший поддаваться тоненькой девочке, перед сильным мужчиной вынужден был капитулировать. Действуя здоровой рукой и ногами, Стас через некоторое время превратил упряма в кучу деревяшек. Таня сгребла их в охапку и прижала к себе с таким довольным видом, точно держала в руках цветы, а не обломки старой мебели.

– Вот здорово! Этого нам сегодня на весь вечер хватит, если использовать поэкономнее.

– А зачем нам экономить? Давай еще таких стульев наломаем, наверняка они тут есть, – бодро отвечал Стас. Смешно признаться, но в глубине души он был даже немного горд собой – наконец-то и он сумел сделать что-то полезное.

Действительно, на первом этаже отыскалось еще три подобных «скелета» деревянных стульев и крепкий ящик от довоенного письменного стола. Сломать его оказалось чуть потруднее, но окрыленный успехом Стас справился и с этой задачей.

В результате сбоку от камина выросла гора дров высотой чуть ли не по пояс Тане. Девочку это привело в восторг.

– Ух ты! – восклицала она. – У меня никогда не было такого запаса!

Потом она повернулась к Стасу и заботливо спросила:

– Ты не устал? Рана не разболелась?

На самом деле Стас уже давно чувствовал себя неважно. Плечо ныло, голова кружилась, тянуло прилечь – но он счел, что признаваться в этом было бы не по-мужски.

– Я в порядке! – нарочито бодро ответил он. – А что?

– Да вот я думаю... – вдруг смутившись, начала Таня. – Может, ты еще и воды мне поможешь принести?

– А это далеко? – нахмурился Стас. Мысль о том, что придется выйти за пределы особняка, все еще пугала его. Умом Стас отлично понимал, что опасения его нелепы и даже глупы – кто бы ни взялся его искать в этом районе, будь то полиция или киллер, они, конечно же, обнаружат его и в развалинах. Но вопреки здравому смыслу, находясь в комнате, он ощущал себя почти в безопасности, а высунуть нос из дома было страшно.

– Нет, рядом, – успокоила его Таня. – В соседнем доме. Там, во дворе, такое место есть, где из стены кран торчит, оттуда дворники воду берут. И я тоже беру, с тех пор как вентиль нашла. Вода там, конечно, ржавая, пить ее нельзя. Но умываться или помыть что-нибудь можно.

– А там светло, в этом дворе? – колебался Стас.

– Не, не очень, – заверила его девочка. – Можно сказать, даже темно. Фонарей там мало, лампочки только у подъездов, но нам же с тобой к подъездам не надо. Мы тихонечко, вдоль стены пойдем, никто твое пальто не увидит...

И снова Стас усмехнулся про себя. Глупенькая девочка, она думает, что он стесняется своего грязного и рваного пальто! Если б она знала, что его страшит на самом деле... Но рассказывать об этом Стас ей не собирался. А Таня, видимо, судила о нем по себе, догадался он. Наверное, когда она только начинала свою бездомную жизнь, то тоже стыдилась лохмотьев, которые вынуждена была носить. И, судя по всему, произошло это с ней не так давно. Несмотря на ее богатый опыт (не жизни даже, а скорее выживания) совсем не похоже, что Таня уж очень много времени провела на улице. Наверняка она была воспитана в хорошей, интеллигентной семье, которой лишилась не так давно. Надо будет как-нибудь при случае расспросить ее об этом.

Словом, Стас решил и отправился с ней за водой, что очень обрадовало девочку. Они взяли с собой три пустые пятилитровые канистры, которых в углу комнаты был целый склад, и вышли из особняка. Сдвинув доску в заборе, Таня нырнула в открывшийся ход, внимательно оглянувшись и тихонько позвала:

– Давай скорее, пока никого нет!

Стас последовал ее примеру и тоже осторожно полез в отверстие. Ему

это далось куда труднее, чем девочке, ведь он был значительно выше и шире, чем она. К тому же, протискиваясь наружу, Стас неосторожно задел раненое плечо, и это причинило ему такую сильную боль, что даже голова закружилась. Пришлось некоторое время постоять, привалившись спиной к забору, пока боль наконец не стала понемногу утихать. Но, на их счастье, вечерний переулок оставался безлюден, даже машины проезжали редко. Стараясь двигаться вдоль забора и держаться в тени, они направились к соседнему дому. У Стаса было какое-то странное чувство – он продолжал бояться и в любую минуту ждал какой-то неприятной неожиданности, но в то же время осознавал всю нелепость и даже комичность ситуации. Точно взрослый дядька впал в детство и играет то ли в шпионов, то ли в казаки-разбойники. Он давно уже не вспоминал, как назывались игры, которыми они забавлялись в детстве, эта информация давно выветрилась из его памяти за ненужностью.

Набрать воды удалось без приключений. Ни у трубы, торчавшей из стены дома на высоте примерно тридцати сантиметров над асфальтом, ни на обратном пути они почти никого не встретили. Почти – потому что лишь раз по противоположной стороне переулочка протопала хохочущая на всю округу компания подростков, да у самого дома попались идущие навстречу два гастарбайтера, которые оживленно переговаривались между собой на родном языке, – но ни те, ни другие не обратили на мужчину с замотанной шарфом головой и девочку в нелепых шапках никакого внимания.

Кроме воды поход увенчался еще одним очень полезным приобретением. Наблюдательная Таня заметила, что в маленькой нише, в которой пряталась труба, кто-то оставил некогда белые матерчатые рабочие перчатки. Девочка радостно отдала свою находку Стасу, и тот без всяких колебаний принял щедрый дар и натянул на руки. Это, конечно, было чистой воды самовнушение, но сразу показалось, что от перчаток рукам стало намного теплее.

– До чего же удобно вдвоем! – довольно щебетала на обратном пути Таня. – Столько всего за один раз можно унести... Раньше мне то и дело туда-сюда мотаться приходилось.

В этот раз проникновение через забор уже показалось проще, даже несмотря на две бутылки с водой, которые Стас нес в здоровой руке. Он просто передал их сначала Тане и только потом втиснулся в отверстие. А когда они оказались в комнате за закрытой дверью и девочка зажгла огарок свечи из своих запасов, Стасу на миг показалось, что он вернулся домой. Наверное, потому, что отпустило чувство тревоги, опасения, что его вот-вот кто-то увидит.

– Стас, я вот что хотела тебя спросить, – заговорила Таня, растапливая камин. – Я, когда тебя перевязывала, заметила, что ты крестик носишь. Ты верующий, да?

Этот вопрос неожиданно поставил его в тупик. Стас пожал плечами, вернее, одним плечом, тем, которое не болело.

– Верующий? – задумчиво переспросил он. – Да, наверное, нет... Крест ношу, но скорее потому, что так принято. А вот есть ли что-то такое над нами или нет, я так для себя и не решил...

Был большой соблазн продолжить свою мысль, развить идею, что добрый и справедливый Бог, если бы таковой существовал, вряд ли допустил бы, чтоб люди жили в таких условиях, в каких сейчас вынуждены существовать они. Но Стас сдержался и замолк.

– Чудные вы все-таки, взрослые... – хихикнула меж тем Таня и помахала перед камином газетой, от чего пламя запылало сильнее. – Делаете массу вещей, которые никому ни за чем не нужны, и делать их вам совершенно не хочется. Но делаете – только потому, что так надо. Разве в Бога верят, потому что надо? Верят по зову сердца...

Таня вздохнула, налила в чайник воды и поставила его на огонь.

– А ты, стало быть, веришь по зову сердца? И в храм ходишь, да? – спросил Стас, а про себя подумал, что бедной девочке ничего больше-то и не остается. Только верить и утешаться тем, что когда-нибудь и ее страдания будут вознаграждены. Хоть на том свете, но будут.

– А при чем тут храмы? – отвечала девочка, не отрывая взгляда от потихоньку разгорающегося огня. Камин, как всегда, коптил, дым шел Тане прямо в лицо, но она даже не отворачивалась, только щурилась иногда – видимо, привыкла. – Для того чтобы быть ближе к Богу, храмы не нужны. Бог должен быть в душе. Знаешь, мне кажется, что церковь – это место, куда богатые и сытые люди ходят, как в супермаркет. Заплатить денег и купить себе за это исполнение желаний или спасение души... А батюшки этим пользуются. У них у каждого на шее золотой крест весит чуть ли не больше, чем я... А ни добра, ни сострадания в сердце нет. Я, когда из детдома сбежала, сначала пыталась у церковей милостыню просить. Так никто из попов, проходя мимо, не остановился, не поговорил со мной, не спросил ни о чем. В лучшем случае кинут какую-нибудь мелочь, в худшем – вообще делают вид, будто не замечают. В храм меня ни разу не пустили, все время гнали старухи... Как паршивую собаку! А в праздник нищие, которые у этой церкви всегда сидят, на меня с кулаками набросились, чтобы я с их места убралась. И батюшка это видел. Думаешь, он за меня вступился? Так что храмы эти твои – они только для богатеев. И бандитов,

которые натворят в жизни своей всяких дел и делишек, а потом начинают их замаливать: церкви реставрировать, деньги жертвовать на благотворительность, свечи ставить... Вроде как чем свеча толще, тем больше ему грехов простится...

По словам девочки, таким уверенным и складным, чувствовалось, что говорит она не просто от обиды, она явно много думала об этом и рассуждает, как умудренный опытом человек. Такую не собьешь. И все-таки Стас попытался переубедить ее.

– Ну не надо всех-то в одну кучу валить, – возразил он. – Поверь мне, богатые люди тоже бывают очень разные. Не буду спорить, таких, о которых ты говоришь, немало. Но есть ведь и другие! Среди моих знакомых достаточно людей, которые занимаются благотворительностью...

Но Таня только фыркнула в ответ:

– Как же вы, взрослые, любите это слово – благотворительность! С такой гордостью его произносите. Почему-то вам кажется, что, если вы один раз перечислили деньги на счет детского дома, это обеспечит вам прямую дорогу в рай без пересадки. А о том, что в жизни детей эти деньги ничего не изменят, вы не думаете и думать не хотите... Какое вам дело до того, что на ваши деньги купят не игрушки или одежду ребятам, а какую-нибудь мебель для кабинета директора или новую машину для его жены?

Стас хотел что-то сказать, но девочка не дала ему и рта раскрыть.

– Нет, постой, я сейчас кое-что тебе расскажу. Знаешь, однажды, когда я только оказалась на улице, я услышала, что на Новом Арбате будет благотворительный вечер. Я тогда была еще очень глупая и почему-то решила, что там будут бесплатно кормить таких, как я, – бездомных и голодных. Пришла туда, но охрана, конечно, и близко не дала подойти! Надо мной посмеялись и прогнали, спасибо, что не побили... Я стояла у входа, смотрела, как подъезжают шикарные автомобили, из них выходят господа в смокингах или как это там у вас называется... И дамы в мехах и вечерних туалетах, все увешанные здоровенными бриллиантами. Я стояла и представляла себе, как они едят бутерброды и пирожные, пьют шампанское в роскошно оформленном зале... Тогда я еще верила, что эти богатые люди хотят кому-то помочь, что они принесли с собой деньги, которые отдадут нуждающимся. Но когда вечеринка закончилась, я услышала, как двое из этих господ разговаривают друг с другом и гордятся тем, что сумели «на халяву пропиариться». Они, оказывается, пришли «в кадре помелькать» и «пузырьков хлебнуть». А дамы их громко обсуждали, что канаве хоть и дрянь оказались, но не отказываться же, если все равно даром?! И им, бедным, теперь лишний час на фитнесе потеть... Я

попросила у них милостыню, но они даже не посмотрели в мою сторону, только гримасу брезгливую состроили, точно прошли мимо помойки. Мне так обидно стало, что я им в спину чем-то с газона запулила и убежала. А меня в этот вечер накормили на Арбате какие-то пьяные панки...

Она сняла с огня закипевший чайник и привычно залила водой лапшу – на этот раз ее было аж по две порции на нос, настоящий пир.

– Знаешь, Таня, ты все-таки не права, – не соглашался Стас. – Не все состоятельные люди такие. Многие из нас... из них серьезно занимаются благотворительностью. Жертвуют средства на лечение больных детей, на детские дома... Я тебе могу точно сказать, что моя фирма постоянно перечисляет куда-то какие-то деньги...

– Вот именно – «куда-то», «какие-то»... – отмахнулась девочка. – Ты даже сам не знаешь, куда эти деньги идут. Для вас всех самое главное – поставить галочку! За пяточок в рай въехать. Засветиться в списках участников какого-нибудь очередного благотворительного бала, где вы выпиваете ящики шампанского, едите икру и крабов... А потом тешите свое самолюбие и гордитесь, что ваши деньги пошли на благотворительность. И, по-твоему, это значит «творить добро»?

– А разве нет?

– Ну, конечно нет! Добро – это накормить голодного. Это – каждый день помогать одинокому человеку, живущему по соседству. Это – дать денег на лечение больного ребенка. Конкретного ребенка, которому именно ты заглянешь в глаза. Именно этого ребенка, понимаешь! А не переводить деньги на «благотворительность» вообще. Все равно разворуют, – горячилась девочка.

– Знаешь, я как-то никогда об этом не задумывался... Просто считал, что делаю доброе дело, – произнес после паузы Стас.

– Я смотрю, ты о многом «никогда не задумывался», – передразнила его Таня. – Ладно, давай ужинать, лапша уже готова.

Поели молча. Таня задумалась, сосредоточенно уставившись куда-то в угол. Стасу тоже было о чем поразмышлять. Так они и сидели, погружившись в свои невеселые раздумья, слушая завывание ветра в трубе полуразрушенного камина и глядя на уродливые тени, которые бродили по стенам от догоравшего в очаге пламени.

Так же, почти в полном молчании, прошла и ставшая уже традиционной вечерняя перевязка. После этого девочка привычно помогла Стасу одеться и заявила:

– Спокойной ночи! Не будем больше ни о чем говорить, я устала и хочу спать...

Быстро улеглась на свой матрас и засопела, а Стас все никак не мог сомкнуть глаз. А ведь она во многом права, эта малышка. Он действительно всю жизнь прожил только для себя и ни разу не помог кому-то из тех, кто по-настоящему нуждался. Он столько раз лично присутствовал на благотворительных мероприятиях, где фотографировался и давал интервью для светской хроники, говорил о добре и бескорыстной помощи, а сам, выходя из очередного отеля или ресторана и садясь в свой роскошный автомобиль, видел бездомных, сидящих у дороги, но ни разу даже единого рубля им не бросил. А теперь и вовсе докатился до того, что сидит на шее у нищей сиротки... Благотворитель, нечего сказать...

По углам комнаты сгущался сумрак, камин давно погас, но по потолку еще скользили быстрые неясные тени. Казалось, что кто-то с улицы скребется в их единственное окно – непонятно с угрозой или просто просится в тепло, пусть и такое слабое, поближе к людям...

Стас по-прежнему не знал, что ему делать дальше. Как связаться с кем-то, как просить помощи? У кого?

Ладно, пока есть возможность, надо отсидеться здесь. Пусть хоть немного подживет рана и тогда... Хотя что будет «тогда», Стас не очень-то себе представлял.

Наконец тот, кто был там, Наверху, вспомнил о нем, и Стас забылся смутным и беспокойным сном.

Глава десятая

За шесть дней до Нового года

Счастливо вздохнув, Раиса откинулась на спинку удобного сиденья «Бентли» и искоса посмотрела на сидящего рядом Ильдара. Сейчас она чувствовала себя совершенно довольной жизнью. Они только что отлично поужинали в одном из самых модных ресторанов Москвы и теперь ехали к ней домой, чтобы продолжить чудесный вечер и как следует насладиться друг другом. Можно было, конечно, поужинать и дома, но Рае всегда нравилось возить с собой Ильку по всевозможным людным местам, популярным кабакам и шумным тусовкам, она просто балдела от того, с какой завистью и ненавистью бабы самого разного возраста, от молоденьких сосок-содержанок до старух в бриллиантах, смотрят им вслед и перешептываются у них за спиной. А уж когда их совместная с Ильдаром фотография попадала в светскую хронику, это и вовсе становилось для Раисы настоящим праздником. Да, она не стеснялась выставить напоказ своего молодого любовника, более того, даже хвасталась им. И было чем – не каждой удастся отхватить себе такого красавчика. Тем более что ему всего двадцать четыре года, а ей... Ну да неважно, сколько ей лет. Это

никого не касается. Слава богу, она, Раиса, не кинозвезда и не эстрадная примадонна, и точная дата ее рождения широкой публике неизвестна. Кстати о примадонне. До вчерашнего дня Рая всерьез подумывала о том, не сделать ли Ильку официальным мужем, но после свадьбы Пугачевой с Галкиным это, конечно, будет уже не то... Все скажут, что она, Рая, подражает Алле. Хотя, с другой стороны – и черт с ними, пусть говорят, хоть обговорятся. Зато она еще крепче привяжет к себе Ильдара. И заодно решит некоторые чисто прозаические вопросы...

Меж тем тот, кому были посвящены все ее мысли, глядел в окно, и его чувственные пухлые губы капризно кривились. Рая тотчас это заметила и прильнула к любовнику.

– О чем ты думаешь? – проворковала она, лаская его шелковистые кудри. Ильдару всегда хотелось стричься покороче, он считал, что с длинными волосами у него недостаточно мужественный вид, но Раиса настаивала на том, чтобы он носил вот такие вот локоны до плеч. «Зайка, меня с ними за голубого принимают!» – жаловался Ильдар. «Ничего, в наше время это – комплимент, – отшучивалась Раиса. – Сейчас все голубые – красавчики. И наоборот. Чуть ли не все красавчики – голубые. Ты у меня единственное на всю Москву исключение».

– Да вот, думаю, какого черта мы с тобой в праздник в Рашке торчим, – ответил на заданный вопрос Илька. – Так достала уже эта грязь, этот совок, этот быдлятник... Почему мы никуда с тобой не поехали?

– Ну я ж тебе уже сколько раз говорила, котик, – потерпи немного, – она с удовольствием чмокнула его в упругую щеку и, как всегда, удивилась тому, какая нежная у него кожа. Просто как у девушки! – У зайки пока дела в Москве. Которые, между прочим, тебя тоже касаются...

– Это ты про мою фирму, да? – заинтересовался Илька.

– Конечно, про нее, милый.

– И когда же ты мне ее подаришь?

– Теперь уже совсем скоро. Дело почти сделано. А как только все оформим, мы с тобой сразу поедem, куда ты только захочешь. Думаю, я смогу вырваться недели на две.

– Скорей бы уже, – Ильдар привычным кокетливым жестом поправил волосы. – Так надоело вечно ждать...

– Что поделаешь, милый, – со вздохом отвечала Раиса. – В этой жизни ничего не дается само, всегда приходится потрудиться, чтобы заработать то, что хочешь.

Юноша снова отвернулся к окну, но на этот раз – чтобы скрыть раздражение. Как же его выбешивала эта появившаяся у нее последнее

время манера говорить с ним этаким назидательно-сюсюкающим тоном, точно с малым дитем. Сейчас, блин, она ему будет объяснять, что и как достается в жизни. Откроет Америку. Точно он этого не знает. Точно ему не приходится из кожи вон лезть, ублажая эту старуху в койке, да и не только в койке... Хотя, конечно, надо признать, платит она ему за это щедро, ничего не жалеет, исполняет малейшую его прихоть. Но и требует взамен ого-го сколько... Не каждый выдержит.

Раиса, разумеется, даже не подозревала о том, что за мысли роятся в голове у ее молодого любовника. Она снова задумалась о том деле, которое недавно затеяла ради него. И пока все шло вполне успешно.

Все началось чуть больше года назад, прошлой осенью. До того момента у нее в фаворитах перебивало несколько десятков молодых красавчиков, которыми Раиса совсем не дорожила, относилась к ним, как к покупкам в бутике – выбрала самое лучшее, заплатила, попользовалась и выбросила. Ее такой стиль отношений вполне устраивал, ее любовников – тоже. Однако с появлением в ее жизни Ильки все резко изменилось. Едва увидев его впервые, это произошло на Неделе высокой моды в Москве, она сразу подумала: «Я хочу это иметь!» Не взять попользоваться, а именно иметь. Заполучить в свою безраздельную собственность.

Конечно, она легко нашла способ познакомиться с ним, конечно, он был только рад, когда узнал, кто она такая, и, конечно, уже ту же ночь они провели вместе. Следом за этой ночью была еще одна, и еще... А дальше Рая одновременно с удивлением, испугом и восторгом поняла, что потеряла голову. Этот красивый мальчик с невозможно синими глазами и прекрасным, как у античных статуй Аполлона, телом, буквально сводил ее с ума и заставлял забыть обо всем на свете. Рая вдруг осознала, что влюбилась, как не влюблялась уже очень давно, со времен бурной молодости... И хитрый Илька тотчас это почувствовал. Как-то раз, отдыхая после бурного секса на круглой кровати в стилизованной под старину спальне с расписным потолком, он, будто бы случайно, обронил, что одна знакомая обещала подарить ему джип. И тут же услышал в ответ, что получит любой джип, какой пожелает, но при условии, что число этих его знакомых будет сведено к единице – то есть к одной Раисе. Юноша согласился, а Рая отметила про себя, что впервые за долгие годы жизни дала слабину и отныне попала к нему в кабалу. Как ни трудно это признать, но она готова на все для Ильдара, только бы удержать его при себе. Это угнетало ее: неприятно чувствовать себя зависимой... А с другой стороны – дарило настоящую радость. Ведь это очень приятно – делать щедрые подарки тому, кто тебе так дорог, и получать за это столь ярко и

темпераментно выраженную благодарность... В такие минуты Раиса чувствовала себя королевой, дарующей свою милость прекрасному юному рыцарю.

Со времен покупки джипа аппетиты ее любовника постепенно выросли. Помимо модной одежды, фирменных аксессуаров и прочей «мелочовки», которая требовалась ему постоянно, Илька получил в подарок небольшую яхту и квартиру-студию в пентхаусе. Но и этого ему показалось мало. Прошлой весной, сидя в шезлонге, в тени кокосовой пальмы на Фиджи, куда они сбежали на недельку от московской слякоти и суеты, Ильдар вдруг заявил:

– Знаешь, зайка, я тут подумал... Хорошо бы мне каким-нибудь делом заняться. А то скучно что-то. Может, даже зарабатывать начну...

Рая чуть не поперхнулась коктейлем. Что это ему вдруг в голову пришло? Вот уже полгода она оплачивала все его счета, включая рестораны и ночные клубы, телефон, Интернет и бензин. С чего это он вдруг решил зарабатывать?

– А чего бы тебе хотелось, котик? – поинтересовалась она.

– Не знаю. – Он пожал в меру мускулистыми обнаженными плечами. – Еще не определился.

– Хочешь быть моделью? – Она с удовольствием окинула взглядом его загорелое тело, прикрытое лишь узкой полоской плавок. Последнее время у молодых мужчин гораздо популярнее были длинные свободные шорты, но Рае эта мода не нравилась, она считала такую купальную одежду недостаточно сексуальной и настаивала, чтобы Илька носил только обтягивающие плавки. – Или сниматься в кино? Я легко могу это устроить.

Раиса сделала такое предложение неспроста, она постоянно наблюдала в своем кругу общения, как состоятельные люди превращают своих дружков и подружек в звезд кино, эстрады, литературы или модельного бизнеса. Последние годы это стало чем-то вроде модной игры. «Зажги звезду». Прямо телешоу можно устраивать с таким названием. Или конкурс для состоятельных людей – кто быстрее и лучше раскрутит своего протеже. Рая усмехнулась своим мыслям – надо будет продать идею на телевидение. У нее там есть знакомые. Как, впрочем, и везде. Воспитанная при советской системе, в которой все и всегда держалось на связях, блате и принципе «ты мне – я тебе», Раиса отлично понимала, как важно иметь во всех возможных сферах своих людей. Глупая молодежь недооценивает важность этого фактора и часто от этого проигрывает.

Однако Ильдар, который, оказывается, не собирался становиться звездой, прервал ход ее мыслей.

– Нет, – тряхнул кудрями ее любовник. – Эстрада, кино, модельный бизнес – это мне неинтересно. Это сейчас все делают. Я хочу заняться каким-нибудь другим бизнесом. Хочу, чтобы у меня была своя фирма. Желательно, собственная крупная компания.

– Своя компания? – переспросила Раиса. – Гм... И чем же ты хочешь заниматься? Торговлей или производством?

– Пожалуй, строительством, – на ходу придумал Ильдар. – А что? Помоему, круто... Ты как считаешь?

Раиса тогда не ответила, сочла его слова просто блажью, минутной прихотью, которая тотчас пройдет и забудется. Но, к ее величайшему удивлению, идея обзавестись собственной строительной фирмой не выветрилась тотчас из красивой головы ее любовника, а напротив, очень даже прочно там прижилась. То в шутку, то всерьез Ильдар постоянно возвращался к этой теме, развивал ее, настаивал на своем горячем желании заняться строительством. И когда он принялся намекать на то, что может поискать себе новую подругу, которая будет более внимательна к его просьбам, Рая перепугалась не на шутку. А что если он и правда уйдет? Конечно, Илька блефует, найти любовницу, которая вот так, одним движением руки, подарит ему фирму, будет не так просто... И все равно, если он бросит ее, Раису, променяет на другую, она этого просто не переживет. Нет, все, что угодно, только чтобы он оставался при ней! Только чтобы любоваться им, слышать его нежный шепот, наслаждаться страстными ласками, вдыхать аромат его волос... Ради этого можно все отдать – а не просто подарить ему какую-то там строительную компанию.

И Раиса, которая уже давно была готова кинуть к стройным ногам любовника весь мир, всерьез задумалась, как можно исполнить желание ее котика. Проще всего было, конечно, открыть с нуля небольшую фирмочку, записать на его имя – пусть мальчик потешит свое самолюбие, попробует потолкаться, поискать свое место в бизнесе, который уже тысячу лет как поделен. Естественно, ничего у него не получится, он попереживает да и бросит это занятие. Раю такой расклад вполне бы устроил – да вот только Ильдар был на него категорически не согласен. Он вдруг уперся, закапризничал и принялся настаивать на том, что новорожденная фирма, которой еще придется пробиваться на рынок, его совершенно не устраивает. Ему нужна непременно крупная компания, с длительной историей и хорошей репутацией, чтобы не ему пришлось бегать за заказчиками, а заказчики сами приходили бы к нему.

– Да где ж я тебе такую возьму? – разводила руками Раиса.

– А ты подумай, – сексуально шептал ей на ухо Илька, в то время как

его нежные опытные руки ласкали ее тело. – Ты же у меня умница... Я знаю... Ты все можешь...

Видимо, могла Раиса не все – устоять против таких просьб точно не могла. И тогда ей пришла в голову одна идея...

А почему бы не прибратъ к рукам уже готовую, давно и успешно существующую компанию? Тем более что таковая как раз имеется в поле зрения и зовется «ОСК». После смерти Миши Шаповалова его пятьдесят процентов акций унаследовал сын, другие пятьдесят процентов так и остались у Андрея Жданова. Всего два владельца – и если устранить обоих, то вполне можно будет сделать так, что оставшаяся без хозяев «Объединенная Строительная Компания» отойдет к банку, который всегда был главным ее кредитором, то есть к «Модусу»...

Раиса навела справки и узнала, что у Жданова вообще нет наследников, и если он вдруг неожиданно умрет (а все мы под Богом ходим, и пути его, как известно, неисповедимы), то претендовать на его долю акций будет абсолютно некому. С шаповаловским сыночком дело обстояло сложнее. Он, по счастью, тоже не обзавелся ни женой, ни детьми, но тут сильно мешала его мамаша, бывшая Мишина супруга, эта снобка Лидия, корчащая из себя утонченную аристократку, Рая всегда терпеть ее не могла. Вот и теперь Лидия торчала у нее на пути, как застрявшая кость в горле. Устранить обоих владельцев фирмы еще как-то было можно, например, они могли бы вместе поехать куда-то и попасть в аварию. Но вот Лидия в эту схему никак не вписывалась. В случае смерти сына именно она получала его долю, а если погибал еще и Андрей – то Мишиной вдове и вовсе доставалась вся компания. Такого подарка ей Рая, разумеется, делать не собиралась. Но и убирать с дороги Лидию тоже было нельзя. Три смерти – это уже очень подозрительно. Если только постепенно, с интервалом в несколько лет... Скажем, сначала умирает Лидка, а года через три гибнут в ДТП оба владельца «Объединенной Строительной Компании». Этот вариант выглядел неплохо, но, увы, тоже не подходил. Не было никакой гарантии, что Илька согласится, как гласит пословица, ждать обещанного три года.

И тогда Рая подумала – а надо ли убирать сразу столько народу? Почему бы не ограничиться одним, свалив при этом вину на другого? Во-первых, хлопот меньше, а во-вторых, при таком раскладе она одним выстрелом убьет сразу двух зайцев... Даже троих, включая Лидию. Если Жданов умрет, а Мишиного сына обвинят в его убийстве, то хорошие адвокаты вполне могут сделать так, что Лидке ничего не достанется. И фирма полностью отойдет к ее, Раисину, банку. В крайнем случае можно

будет как-то договориться с Мишиной вдовой, дать ей какого-то отступного... Она все равно ничего не понимает в бизнесе, и облапошить ее будет не слишком сложно.

Эта идея Раисе очень понравилась. Настолько понравилась, что она всерьез занялась разработкой своего плана. Не спешила, старательно продумывала каждую мелочь, понимая, что права на ошибку не имеет. Второго шанса у нее, как у сапера из известной поговорки, не будет.

Сначала она придумала способ убийства. Вроде бы несчастный случай на стройке... Но именно «вроде бы» – чтоб как бы случайно торчал наружу кусочек белой нитки, которыми этот несчастный случай шит. Как бы случайно найдется на стройке человек, который как бы случайно обратит внимание на убийцу. Как бы случайно этого убийцу поймают, а он как бы случайно признается во всем и как бы случайно укажет на заказчика – Станислава Шаповалова.

Да, пожалуй, план был хорош. Еще раз тщательно все обдумав и отшлифовав мысленно все детали, Рая стала готовиться к его реализации.

Самым сложным оказались, конечно, поиски подходящих людей. Но недаром Раиса Ветрова владела одним из самых солидных московских банков. Для человека с такими деньгами и такими связями нерешаемых задач нет. Для начала она отыскала мнимого киллера Антона Пономарева, бывшего спецназовца, ныне крепко подсевшего на наркотики. Впрочем, мнимым киллером Антон был только в ее схеме, на самом деле он в поисках быстрого заработка действительно совершил заказное убийство, и полиция уже вышла на его след, но не успела арестовать. Пономарева «подарил» Рае знакомый чин в Следственном комитете городской прокуратуры, один из представителей нужных людей, которых Раиса давно подкармливала на всякий случай. Антон очень быстро, почти сразу, согласился на ее условия. Ему все равно грозила очень серьезная статья, а тут обещали скостить срок «за помощь следствию» и, главное, позаботиться о семье – у Пономарева были престарелые родители, жена и маленький сынишка.

Куда проще вышло с исполнителем роли посредника, который напрямую должен был указать на Станислава Шаповалова. Его прикормленный следователь назначил из числа своих стукачей – все равно этому человеку ничего не грозило, так как предъявить ему было вообще нечего. Одни разговоры, доказать ничего нельзя. Третьей фигурой в ее игре стал сообщник на стройке, из числа прорабов. Этот парень, Лыткин, оказался еще и художником, и его хобби позволило Раисе добавить к разработанному плану несколько новых интересных штрихов. Все было

готово – пора приступать к исполнению задуманного.

Все сложилось на удивление удачно, Раиса даже удивилась, как легко, без сучка и без задоринки удалось убрать Андрея Жданова. В назначенное время Лыткин, прораб с душой художника, позвонил своему шефу и сообщил ему о некоей несуществующей проблеме на площадке. Раиса, которая к тому времени уже изучила характер Жданова как свои пять пальцев, не сомневалась, что этот трудоголик сразу же примчится на зов, несмотря на позднее время. Так и вышло. Андрей приехал, несмотря на то что время уже было позднее, чтобы разобраться во всем лично. Встретился с прорабом, поднялся наверх... А дальше за дело уже взялся Пономарев, которому не составило труда столкнуться с высоты человека, который был вдвое старше его и вдвое легче. Вскоре, как и было задумано, тело бизнесмена обнаружил сторож, вызвал полицию – и все завертелось.

Немного тревожило то, что следствие вели не прикормленные Раисой «прокурорские», а другие, совершенно посторонние следаки, ее человек лишь наблюдал за ними. Во всей этой полицейской кухне, разделении на районы и специализации, она так и не сумела толком разобраться и слегка беспокоилась – но вроде все обошлось. Следак, занимавшийся делом Жданова, по очереди заглотнул все подготовленные Раей наживки – и показания прораба о виденном в день убийства странном рабочем, и нарисованный по памяти его портрет, и добровольное признание «случайно» задержанного Пономарева, и удивительное согласие посредника сотрудничать с правоохранительными органами, в результате чего было названо имя Станислава Шаповалова. Раиса знала и то, что Стас и Андрей постоянно ссорились из-за упорного нежелания последнего продавать фирму, и это, с ее точки зрения, выглядело вполне убедительным мотивом. Тем более при таких уликах.

Кроме нанятых для «инсценировки» людей у Раи имелось в рукаве еще два крупных козыря. Первым были деньги, которые ей, владелице банка, не составило никакого труда перевести со счета Шаповалова на счет киллера. Ну а вторым, буквально подаренным ей судьбой, оказался мобильный телефон Стаса, который тот случайно (в этот раз по-настоящему случайно!) забыл у нее в кабинете, когда приезжал в «Модус». Рая тут же сделала с его трубки пару долгих звонков на нужные номера. А когда, спустя несколько часов, Стас, спохватившись, прислал в банк своего охранника на поиски утерянного сотового, то телефон ему благополучно вернули.

Словом, все шло ну просто как по маслу. Первое время после устранения Андрея Раиса еще очень волновалась, постоянно прокручивала

в голове все детали, опасаясь, не допустила ли где-нибудь ошибки. Но позже, когда начали срабатывать следующие вехи ее плана, она понемногу расслабилась и почти успокоилась. И позавчера, когда человек из прокуратуры позвонил ей и сообщил, что суд выдал постановление на арест Шаповалова, Раиса вздохнула с облегчением. Ее цель была достигнута, теперь оставались лишь мелкие технические моменты. Но за них она уже не тревожилась. После того как ей удалось повернуть столь масштабное дело, прибрать к рукам осиротевшую компанию ей почти ничего не будет стоить, в этом она не сомневалась.

Раиса тотчас же позвонила любовнику и потребовала вечером приехать к ней. Жили они с Илькой до сих пор врозь, и Рая все никак не могла решить, устраивает ее это или нет. С одной стороны, так хотелось, чтобы он все время, каждую минуту был рядом... А с другой – очень пугало то, что проживание под одной крышей не пойдет на пользу их отношениям. Раиса хорошо помнила, как во времена супружества ей действовал на нервы совместный быт. К тому же ее беспокоило, что, существуя в одной квартире, она будет вынуждена показываться Ильке не с лучшей стороны – неодетая, непричесанная, без спасительной косметики. Как ни прячься, этого все равно не избежать, даже если проводить ночи в разных спальнях. Конечно, он знал, сколько ей лет, но постоянно демонстрировать ему, что она уже не молода, не было никакого желания. Поэтому Раиса не спешила селить Ильдара у себя. И в тот вечер встретила его во всеоружии – велела прислуге подготовить все для романтического ужина, а сама отдохнула, приняла ванну, уложила волосы, нанесла на лицо свежий макияж, надела лиловый пеньюар, который так шел ей при неярком освещении.

Илька, увидев горящие свечи и накрытый на двоих стол, с красовавшейся посередине бутылкой шампанского «Вдова Клико» в старинном серебряном ведре со льдом, задал именно тот вопрос, которого Раиса от него и ожидала:

– Мы что-то празднуем?

– Да, – торжественно отвечала она.

– Что именно? – удивился юноша. – Вроде никаких важных дат на сегодня не приходится. Или я что-то забыл?

– Нет-нет, ты ничего не забыл, – заверила его Рая. – Но, думаю, еще одна важная дата в нашей жизни скоро появится... Ну что же ты стоишь? Садись, открывай шампанское. Умираю – хочу шампанского!

Заинтригованный Ильдар пожал плечами, но спрашивать ничего не стал.

– Кстати, котик, ты что-нибудь слышал про «Объединенную Строительную Компанию»? – как бы невзначай поинтересовалась она, пока он разливал по бокалам искрящийся золотистый напиток.

– Ну конечно же, кто про нее не слышал? – взглянул на нее Ильдар. – Это же одна из самых известных строительных фирм в Москве и области. А почему ты спрашиваешь?

– Да потому что эта фирма вот-вот станет моей... – притворно-равнодушно отвечала Раиса. – И я подумаю, что делать с ней дальше... Помнится, ты говорил когда-то, что хочешь иметь собственную строительную компанию?..

– Зайка... – он так и застыл с бокалом в руках. – Зайка, ты, видимо, шутишь?

– Нисколько не шучу, – заверила она, раскрывая ему объятия.

Ох, какая же это была дивная ночь! Многие их ночи были хороши, но ни одна из них и в сравнение не могла идти с той, что случилась позавчера...

Разомлевшая в объятиях Ильдара Рая поддалась на уговоры любовника и рассказала ему во всех подробностях, каким образом ей удалось (а уже почти удалось!) заполучить для него одну из крупнейших строительных компаний столицы. Первое время, когда дело только затевалось, Раиса решила, что не будет посвящать в свои планы Ильку, но в ту ночь не выдержала, поделилась с ним всем – очень уж хотелось похвастаться...

Два дня Рая была точно в угаре. Она праздновала победу, наслаждалась жизнью на полную катушку и ни на минуту не отпускала от себя любовника. Теперь, после ужина в ресторане, где она в очередной раз продемонстрировала Илькину красоту и сексапильность, автомобиль мчал их домой, в их уютное гнездышко... Рая снова прижалась к любовнику и замурлыкала в предвкушении грядущих ласк.

– Так что там, с моей строительной компанией? – поинтересовался, обнимая ее, Илька. – Когда я уже смогу вступить во владение ею?

– Ой, котик, ну давай не будем сейчас об этом... – капризно протянула Рая. – У меня нет настроения...

– А у меня есть, – не сдавался Ильдар, начиная расстегивать на ней шубку. – Я хочу все знать прямо сейчас.

Раиса еще немного поломалась для виду, но он продолжал настаивать. И в конце концов Раиса капитулировала, набрала номер своего сотрудника прокуратуры. Был воскресный вечер, к тому же поздний – явно не самое подходящее время для деловых звонков, но такие мелочи Раю никогда не

смущали.

– Это я, – почти пропела она в трубку. – Ну как там наше дело продви... Что-о?! То есть как это – сбежал?..

Глава одиннадцатая

За пять дней до Нового года

На следующее утро Стас проснулся, видимо, рано, потому что Таня еще спала на своем топчане, свернувшись в клубочек и укрывшись до самых шапок рваным одеялом. Некоторое время Стас лежал, глядя на девочку, и никак не мог вспомнить, сколько дней он находится в этом заброшенном особняке. Три? Или уже четыре? Какое сегодня может быть число? Какой день недели? Такое чувство, что он провел здесь уже целую вечность... Неужели он обречен прятаться здесь всю жизнь? Нет, это совершенно невозможно, надо что-то делать... Может, все-таки пойти в полицию? Там, конечно, его встретят с распростертыми объятиями, мол, сам явился, голубчик. Пожалуйте в камеру, нары по вас давно соскучились... На нары Стасу совсем не хотелось, в ситуации выбора между тюрьмой и бомжеванием он однозначно предпочитал последнее. Однако больше всего угнетало то, что Стас даже предположить не мог, с какой стати его вдруг стали подозревать в убийстве Андрея. Если это всего лишь ошибка следователя, то такую проблему можно решить – проконсультироваться с юристами, нанять хороших адвокатов и доказать свою невиновность. Но очень может быть, что обвинение – совсем не случайность, а чья-то хитрая игра. И тогда, не имея понятия, кто за этим стоит, рассуждать о чем-то бесполезно. Ведь совершенно неизвестно, какой величины фигура устроила эту облаву, на каком уровне его, Стаса, хотят подставить... Сейчас, когда в строительном бизнесе столицы, где раньше царил супруг экс-мэра Москвы, все меняется и идет передел власти, совершенно не знаешь, с какой стороны ожидать удара. Не исключено, что в интригу против Стаса замешана политика – а раз так, то никакие самые опытные юристы ничем ему не помогут...

Стас вздохнул и перевел взгляд на окно, за которым вяло брезжил унылый декабрьский рассвет. Чтобы не мучиться над вопросами, ответов на которые все равно не имелось, он стал думать о более простых и актуальных вещах – о том, что плечо все еще болит, и он так привык к этой боли, что уже почти сроднился с нею, о том, что в комнате опять невыносимо холодно, о том, что живот снова подвело от голода, и о том, что утро за окном выглядит не просто мрачным и каким-то совершенно безысходным. Словно никогда уже больше не будет ни тепла, ни солнца, ни радости, а только одна серая безнадежная хмарь... Интересно, подумалось

Стасу, а показался бы ему нынешний рассвет таким же хмурым и неприветливым, если бы он проснулся дома, в своей удобной спальне, рядом с загорелой и соблазнительно-горячей Олесей? Неужели отныне каждое его утро будет таким же тревожным и пугающим? Он снова перевел взгляд на спящую Таню, и в голове пронеслась мысль: а с какими мыслями и чувствами просыпается эта бедная девочка? Он-то взрослый сильный мужик – и то скис. А она живет, не зная никакой другой жизни. И ничего – держится.

Словно подтверждая его мысли, Таня зашевелилась, отбросила свое рваное одеяло и села.

– Доброе утро! – бодро сказала она, заметив, что Стас смотрит на нее.

– Доброе, – неопределенно буркнул он. Да уж, добрее некуда, что и говорить...

Поднявшись с матраса, Таня занялась утренними хлопотами. От ее вчерашнего раздраженного настроения не осталось и следа, девочка снова выглядела оживленной, бодрой и даже, пожалуй, довольной. Сбегала умыться, вернулась раздумываясь, нырнула под стол, порылась в коробке, где хранила свои запасы, и вынула оставшийся со вчерашнего обеда кусок ливерной колбасы.

– А мне сегодня можно на работу не ходить, – весело поделилась Таня, нарезая колбасу своим тупым ножом. – Вчера много заработала и еды много купила, нам на целый день хватит. Я только днем в магазин сбегая, куплю нам сосисок в тесте к обеду. Ну и заодно погреюсь там немного...

– Рад за тебя, – проворчал Стас. Сейчас у него не было никакого желания разговаривать.

Они позавтракали – поели бутербродов с неизменными черствыми макдоналдсовскими булочками, а вместо утреннего кофе выпили остатки кипяченой воды из чайника. Поев, Стас снова сел на свои картонки, прислонился спиной к стене и уставился в угол. Мысли его шли по кругу и за время пребывания здесь уже успели отшлифоваться. Снова и снова он перебирал все возможные варианты, сомневался, правильно ли он поступил, сбежав от полиции. Наверное, это был самый противозаконный поступок за всю его биографию. Нет, все-таки хорошо, что он ушел... Хотя, конечно, побег очень здорово осложнил его жизнь, загнав в тупик, выхода из которого теперь не наблюдалось.

И все-таки даже больше, чем беспочвенное обвинение в убийстве и арест, которого удалось избежать (пока избежать!), Стаса тревожил киллер. Слишком сильными были впечатления от столкновения с ним. Сомнительно, что убийца откажется от своей цели, не тот случай. Стас до

сих пор чувствовал волну мрачной энергии, исходившей от этого типа. Однако не стоило забывать, что этот человек – всего лишь исполнитель. А значит, есть и заказчик, который, раз уж приказал убрать мешающего ему Станислава Шаповалова, то будет настаивать на этом. Но кто он, этот загадочный враг, ненавидящий его настолько, что готов заплатить за его смерть? Сколько Стас ни бился над этим вопросом, ему ничего не приходило в голову.

И, как ни гнал он от себя эту мысль, снова и снова думалось, что киллер продолжает искать его и может найти в любую минуту. Стоило вспомнить об этом, как внутри все леденело. Звериный ужас, с которым Стас уходил от погони по Тверской, никак не оставлял его. Когда они вчера вечером ходили за водой, страх так и не отпустил ни на секунду. Все время казалось, что сейчас из-за угла покажется слегка сутулая зловещая фигура, поднимет руку, и снова грянет выстрел. На этот раз уже смертельный.

– О чем ты думаешь? – спросила вдруг Таня, которая уже давно внимательно наблюдала за ним. – Похоже, о чем-то очень плохом?

– Ну почему обязательно о плохом, – возразил Стас, а про себя подумал: «Вот ведь какая глазастая, все замечает...» – Так просто, сижу, перебираю в мыслях всякое-разное...

– Вот только не ври! – покачала головой девочка. – Я же вижу, что о плохом. У тебя такое лицо... Ладно, хватит грустить. Лучше пошли – я тебе кое-что покажу.

С этими словами она взяла его за здоровую руку и потянула вслед за собой к двери. Стас отправился с ней не без любопытства. Пребывание в особняке действовало ему на нервы не только полным отсутствием элементарных удобств, но и своей невероятной скукой. А тут все-таки хоть какое-то развлечение. Интересно, что она собралась ему показать?

Они вышли в холл, поднялись по мраморной лестнице на второй этаж и направились к той, что вела на третий. Эта лестница и находилась в самом плачевном состоянии – без перил, дерево кое-где угрожающе потрескалось, некоторые ступеньки отсутствовали, а остальные выглядели так, что подниматься по ним не было никакого желания. Однако девочка без всяких колебаний подошла к лестнице и бесстрашно поставила ногу на нижнюю ступень.

– погоди! – забеспокоился Стас. – Куда это ты собралась? Лестница может обвалиться.

– Конечно, может! – Таня отвечала так спокойно, точно в этом не было ничего особенного. – Однажды уже обвалилась, видишь, ступенек нет. Тут главное – наступать не на середину, а ближе к стене, тогда все будет в

порядке. Идем, не бойся. Поверь, то, что я хочу тебе показать, действительно стоит того.

Несмотря на ее уговоры Стас все-таки медлил. Мало ему раненого плеча, не хватало еще и навернуться с лестницы и переломать оставшиеся конечности... Однако девочка уже шагала вверх и тянула его за собой, приговаривая: «Пошли, не трусь!» И он в конце концов сдался, все-таки двинулся за ней. Лестница угрожающе скрипела и шаталась при каждом шаге, Стасу было настолько не по себе, что так и подмывало закрыть глаза. Но Таня уверенно лезла вверх, и ему не оставалось ничего иного, кроме как следовать ее примеру.

Наконец рискованный подъем закончился и они оказались на третьем этаже. Профессиональный «строительский» глаз Стаса тотчас отметил, что потолки тут несколько ниже, чем внизу.

– Это что, чердак? – поинтересовался он.

– Скорее мезонин, – отвечала девочка, к месту и без ошибки употребив слово, скорее всего, даже неизвестное большинству ее сверстников. – Чердак еще выше, с него на крышу можно вылезти. А нам туда.

Стас повернулся в ту сторону, сделал шаг вперед и испуганно отшатнулся – справа в полу, заваленном разнокалиберными кусками осыпавшейся лепнины, зияла огромная дыра. Насквозь, до второго этажа. Точнее, даже до первого, потому что прямо под ними находился холл перед входом в особняк.

– Слушай, тут же пол может провалиться! – заволновался Стас.

– Не провалится! – беспечно заверила его девочка. – Я здесь сколько раз ходила...

– Да, но ты легкая, – пробормотал Стас, опасливо глядя на дыру.

Все же он перевел взгляд туда, куда направлялась Таня, к противоположной от дыры стене, и увидел старинный рояль. Без сомнений, когда-то это был дорогой и поистине роскошный инструмент, об этом говорило все – сдержанное благородство очертаний, выверенность пропорций, остатки инкрустаций разноцветными кусочками дерева на округлых боках, чудом сохранившаяся ножка для педалей в форме изящно изогнутой лиры. Однако нынешнее состояние рояля было под стать всему, что его окружало – он был грязен, верхняя крышка отсутствовала, инкрустированные бока покорежены.

– Правда, красивый? – благоговейно спросила Таня. – Жаль только, что он почти на четверть немой.

– В каком смысле? – не понял Стас.

– Не все клавиши звучат, – с грустью в голосе пояснила девочка. –

Вернее, неисправные тоже звучат, но как! Если попробовать играть на нижних нотах, то просто с ума сойдешь. Такая какофония получается, такие отвратительные звуки, будто какие-то железки грохочут. Хоть уши затыкай! До чего же жаль такой замечательный инструмент! Но я уже наловчилась играть только на работающих клавишах. Хочешь послушать?

– А ты играть-то умеешь? – улыбнулся Стас.

Вместо ответа Таня подошла к роялю, стащила свои грязные рваные перчатки, с которыми почти не расставалась, и коснулась клавиш.

Первые же такты поразили Стаса чистотой и наполненностью звучания. Он знал толк в музыке, любил и понимал ее. Этому с первых лет жизни учила его мама, сама прекрасная пианистка. С маминой подачи Стас с удовольствием ходил в музыкальную школу, окончил ее с отличием, и хотя великого музыканта из него не вышло (впрочем, он и не претендовал на эту роль), но привязанность сохранилась на всю жизнь. В кругу друзей Станислав Шаповалов слыл завзятым меломаном и крупнейшим экспертом в вопросах музыки. За свою жизнь Стас собрал обширную коллекцию записей самых различных направлений, и не было для него лучшего отдыха, чем включить музыкальный центр, приглушить в комнате свет и, закрыв глаза, наслаждаться той или иной мелодией. Во время пребывания здесь, в особняке, он от нечего делать постоянно развлекал себя тем, что «прослушивал» про себя любимую музыку, пытаясь воспроизвести ее по памяти.

Словом, Стас мог лучше, чем большинство среднестатистических людей, оценить качество музыки, и качество звучания инструмента, и качество исполнения. И надо сказать, что и то и другое его приятно поразило. Рояль, конечно, был давно расстроен, но, как они вчера говорили с Таней, раньше вещи действительно делали на века. Даже простояв неизвестно сколько лет в таких ужасных условиях, инструмент все равно звучал... ну, пусть не прекрасно, но так, что его можно было слушать. И даже не без удовольствия. Последнее, впрочем, во многом было заслугой Тани. Девочка уверенно и бегло играла какую-то незнакомую Стасу, очевидно, современную, но довольно приятную мелодию. Нельзя было не отметить, что у Тани явно имелись и способности, и неплохая школа. Вслушиваясь в ее игру, Стас по привычке закрыл глаза, и на миг у него даже создало впечатление, что он перенесся из этого разрушенного промерзшего особняка прямиком в концертный зал, на выступление какого-нибудь профессионального исполнителя.

Когда последние аккорды растаяли в воздухе, Стасу даже захотелось поплодировать юной исполнительнице, но так как левая рука действовала

еще очень плохо, исполнить задуманное не получилось. Впрочем, он вышел из положения, захлопал здоровой рукой по бедру и дважды повторил: «Браво! Браво!»

Сияющая улыбкой Таня обернулась к нему и шутливо раскланялась. Выглядело это, учитывая ее облик, весьма комично, и Стас не удержался от смеха, но девочка нисколько не обиделась. Таня видела, что он оценил ее игру, и ей это было очень приятно.

– Замечательно! – совершенно искренне произнес он. – Где ты так хорошо научилась играть?

– В музыкальной школе, – отвечала довольная Таня. – Я с четырех лет там училась. У меня, кстати, абсолютный слух. И учителя меня очень хвалили. Тебе правда понравилось?

– Да, очень, – Стас ничуть не кривил душой. – Скажи, пожалуйста, а что такое ты играла?

– Эту музыку написал мой педагог, он учится на композиторском отделении в консерватории. Он ее назвал, как пьесу Шекспира, «Сон в летнюю ночь». Я так люблю эту мелодию... Правда, она очень красивая?

– Да, – согласился Стас. – Хорошая музыка, и ты прекрасно ее играла. У тебя действительно талант! Поверь, я знаю, что говорю, я в этом разбираюсь. Еще немного поучиться – и ты могла бы выступать перед публикой, побеждать в конкурсах...

– Как бы не так! – тут же погрустнела девочка. – У моих родителей никогда не хватило бы денег на это...

– Денег? – Стас действительно не понял, что она говорит. – А при чем тут деньги?

Таня искоса взглянула на него:

– Ты что, с Луны свалился? Даже за то, чтобы просто принять участие в конкурсе, нужно заплатить. А уж призовые места и вовсе все раскупаются...

– Но, наверное, не всегда же так? – не слишком уверенно возразил Стас. – На Западе, я точно знаю, все бывает по-другому.

– На Западе – может быть, а у нас только так. Побеждают на конкурсах дети или любовницы богатых людей, сплошные бездарности, а потом, выступая на сцене, только делают вид «под фанеру», что играют и поют – потому что ничего не умеют, – уперлась девочка.

Таня опять заговорила «по-взрослому». Оставалось только гадать – наслушалась ли она разговоров старших или жизненные невзгоды и испытания заставили ее так повзрослеть и набраться горького опыта. Скорее всего – и то и другое.

– Поверь мне, Таня, и в России дело обстоит иначе, – попытался возражать Стас. – Помнишь, я рассказывал тебе про свою девушку, Олесю, будущую певицу? Она неплохо поет и могла бы выступать без всякой «фанеры»...

– А могла бы она сама стать певицей? Без твоих денег?

Таня в упор посмотрела на Стаса, и он не выдержал ее взгляда, отвел глаза.

– Нет, – честно признался он. – Без моей помощи ей ни за что не пробиться.

– Вот о том я и говорю, – хмыкнула девочка. И снова резко, как ей было свойственно, переключилась на другую тему.

– А хочешь послушать, как звучат неисправные клавиши? – совсем по-детски, с озорным огоньком в глазах спросила она.

– Ну, давай, – не без опаски согласился Стас.

Таня ударила по клавишам, и ему тут же захотелось заткнуть уши. Это действительно впечатляло. Грохот и скрежет, похожий на горный обвал, напомнил атональную музыку Кшиштофа Пендерецкого, его «Стабат матэр».

– Хватит, прошу тебя! – взмолился вскоре Стас. – А то у меня голова не выдержит и лопнет!

Таня засмеялась и убрала руки с клавиш. Потом снова дотронулась до них – но уже в той части, которая не угрожала барабанным перепонкам. Она заиграла вальс Грибоедова – милую и приятную мелодию, знакомую каждому ученику музыкальной школы. Знал ее, разумеется, и Стас. Он подошел поближе и здоровой правой рукой стал подыгрывать девочке. Таня взглянула на него, и ее лицо так и осветилось улыбкой. Впервые за все это время Стас заметил, насколько Таня, оказывается, миловидна. Даже несмотря на эти ужасные шапки. Вырастет – будет настоящей красавицей.

И долго еще, пока совсем не озябли, мужчина и девочка так и играли в три руки – в развалинах особняка, в продуваемом всеми ветрами мезонине. Они были уверены, что их никто не слышит, и, конечно, даже не подозревали, что дом и его друг, старый вяз, затаив дыхание, наслаждаются их музыкой. Давненько не слышали они ничего подобного...

Еще долго Стас и Таня находились под впечатлением волшебства, пережитого в мезонине. Когда они наконец спустились вниз, Таня немного отогрелась в комнате и сбегала в магазин, чтобы принести еды – купила четыре сосиски в тесте. Девочка догадалась завернуть их в такой плотный слой газеты, что доставила обед еще даже теплым. И съедены эти сосиски оказались быстрее, чем успели остыть.

А после еды Таня и Стас сидели в комнате, с нетерпением ожидали наступления вечера, когда можно будет затопить камин, и коротали время за беседой. Девочка рассказывала свою историю – трагичную и настолько нелепую, что сознание Стаса просто отказывалось поверить в то, что подобное может произойти на самом деле. Не в фильме, не в романе, а в современной жизни, прямо в центре Москвы.

Семья Кузнецовых была одной из тех интеллигентных московских семей, которые, как ни удивительно, до сих пор еще сохранились в столице. Только теперь это редкий, можно сказать, вымирающий вид. Выселенные из старого центра, с Арбата и Покровских ворот, Сретенки и Якиманки, Таганки и Никитской, они так и не сумели прижиться в окраинных районах-новостройках, поникли и потускнели, поглощенные безликой толпой людей, считающих себя москвичами, но не чувствующих, не понимающих и не знающих свой город... Во всяком случае, именно так относились к новым столичным жителям полуразваленный особняк и большой вяз, которые очень любили обсудить между собой эту тему, повспоминать ушедших людей и поосуждать нынешних. Что греха таить, не любили старики современное поколение москвичей. А вот Танина семья им, безусловно, очень бы понравилась – если б только когда-нибудь довелось познакомиться. Но не довелось. И, увы, уже никогда не доведется.

Еще каких-то полтора-два года назад Кузнецовых было четверо. Бабушка заведовала библиотекой в исследовательском институте, мама и папа были в том же институте научными сотрудниками и, кроме того, подрабатывали чтением лекций, написанием популярных статей и редактированием книг, потому что на зарплату ученого, пусть даже кандидата наук, в наши дни не то что прожить – концы с концами нелегко свести. Так что семья Тани была совсем не богатой – зато счастливой и дружной. И девочка понимала это с первых дней жизни. Пусть у них не было машины и дачи, они не ездили отдыхать за границу и не носили фирменной одежды, пусть шоколадные конфеты и копченая колбаса покупались только по праздникам, а старенький компьютер один служил всей семье и не «тянул» многих красочных современных игр. Зато в доме имелось старинное пианино, звучанием которого восхищались даже опытные настройщики. Зато стеллажи, подпиравшие высокие потолки во всех комнатах, включая прихожую, были битком набиты чудесными книгами. Зато почти каждые выходные мама, папа и Таня всей семьей отправлялись за город – зимой с лыжами, а летом на купание и пикники. У Кузнецовых было много друзей и знакомых, все, как на подбор, замечательные и интереснейшие люди, и оттого в их доме всегда было

шумно и весело, кипели горячие споры, звучала хорошая музыка, и пахло вкуснейшими пирожками, печь которые Танина бабушка была большой мастерицей...

Жили Кузнецовы почти в самом центре, недалеко от живописного пруда, который по старой московской привычке до сих пор именовался не одним прудом, а «прудами». Их дом, небольшой и некрасивый, постройки еще двадцатых годов прошлого века, давно уже обветшал, и потому жильцы с тревогой ожидали, как сложится их дальнейшая судьба. Разговоры о том, что дом вот-вот будут сносить, начались еще до рождения Тани – но она уже успела появиться на свет и даже подрасти, а дом все стоял. Но все-таки гром грянул. Почти два года назад, позапрошлой весной, жильцам объявили, что их дом выкупает крупная строительная компания. Разумеется, заинтересовал бизнесменов не сам дом, который не было смысла реставрировать, никакой ценности, ни материальной, ни культурной он собой не представлял, а земля, где он находился. Дом планировалось снести, а на его месте построить новое современное здание. Дело оставалось за малым – освободить дом, расселив жильцов.

Взамен обжитых семейных гнезд строительная фирма предложила им вполне приличные квартиры в Южном Бутове. И многие согласились на такой вариант, так как сочли, что лучше жить в современном муравейнике на «экологически чистой» окраине и добираться до метро на маршрутке, чем оставаться в ветхом здании в загазованном центре. Но нашлись и такие жильцы, кто наотрез отказался переезжать, для кого расставание с видом из окна на старый московский пруд было невыносимо. В их числе оказались и Кузнецовы, обитатели девятой квартиры, а также их соседи из десятой, Медынцевы, молодожены с маленьким сыном. И те, и другие никак не хотели покидать район, в котором родились и выросли, где жили когда-то их родители, бабушки и дедушки, а до них – прабабушки и прадедушки. Люди выросли здесь корнями, они знали и могли рассказать историю не то что каждого строения – каждого дерева и камня в округе. Это был их воздух, их жизнь, их единственно возможная форма существования. Переезд на окраину обернулся бы для них настоящей драмой, они зачехли бы там, как чахнет растение, пересаженное в непривычную, чуждую ему почву.

Первое время представители фирмы вели переговоры с упрямыми жильцами, пытаясь втолковать им, что селить их в том же районе никто не будет, слишком дорого. Потом, осознав, что это не помогает, начали им угрожать. А когда и это не подействовало, им объявили настоящую войну. В доме постоянно отключали воду и свет, но взрослые Кузнецовы не

обращали внимания и на это. «Ничего, это скоро кончится! – оптимистично заверяла бабушка, зажигая расставленные по всей квартире свечи в старинных подсвечниках. – Они поймут, что мы упрямее, и сдадутся». Однако сдаваться представители строительной компании не собирались. Когда пришла осень и настали холода, они не стали включать в доме отопление, и это привело к ужасной трагедии. Костик, маленький сын Медынцевых из десятой квартиры, внезапно заболел. Молодые неопытные родители решили, что у мальчика самая обычная простуда, стали лечить его традиционными средствами и слишком поздно вызвали врача, который установил, что у ребенка ложный круп. Костика срочно отправили в больницу – но спасти уже не успели.

О том, что творилось тогда в семье их соседей, Таня до сих пор вспоминала с ужасом. Лена, мама умершего Костика, которой было всего двадцать три года, на глазах поседела от горя. А Виктор, ее муж, бывший спецназовец, почему-то решил, что в смерти ребенка виновата жена, которая не сразу вызвала к Костику врача. Изо дня в день он орал на Лену, доводя ее до истерики, и кончился весь этот ужас тем, что однажды ночью несчастная молодая женщина выпила целую горсть снотворных и успокоительных лекарств. Ее похоронили рядом с сыном, на могиле которого еще не успела просохнуть земля. А потерявший жену и сына Виктор куда-то исчез, по слухам, его отправили в сумасшедший дом. Таня тогда очень остро переживала все случившееся – ведь до этого в ее уютной и благополучной жизни не происходило ничего подобного. Тогда девочка еще не знала старой русской поговорки «Беда не приходит одна». А меж тем у дверей Кузнецовых уже стояла своя беда, не менее страшная.

Однажды, это случилось в начале апреля, ночью их дом «случайно» загорелся. По официальной версии, пожар устроили бомжи, поселившиеся в расселенных квартирах, но в это объяснение никто из местных не верил, все считали, что поджог устроили специально, по заказу строительной фирмы. Быть может, новые хозяева дома и не хотели жертв, они собирались лишь поугагать строптивых жильцов. Но, так или иначе, огонь разгорелся неожиданно быстро, вспыхнули перекрытия, и к тому моменту, когда пожарные прибыли и справились с пламенем, несколько человек уже погибло, задохнулось в дыму. Среди них были и родители Тани. Из семьи Кузнецовых спасли только бабушку, ее отвезли в больницу, но там ей стало плохо, и она умерла на другой же день. Так Таня за одни сутки сделалась круглой сиротой. Сама она осталась в живых буквально чудом, лишь потому, что в тот день ей разрешили переночевать у подружки. Утром девочка вернулась домой к пепелищу. Квартира выгорела дотла. Книги,

пианино, мебель, многочисленные, милые сердцу, безделушки, так украшавшие их уютный дом, документы, скромные денежные сбережения, Танины игрушки и школьные тетради – все погибло в огне.

– И я осталась одна, – взволнованно закончила свою историю Таня. – Меня определили в детский дом, но я не захотела там жить и сбежала... У меня вообще ничего, представляешь, вообще ничего не осталось из наших вещей! Ни одной тряпочки, ни одной бумажки... И знаешь, чего мне жалко больше всего?

– Пианино? – предположил Стас.

– Нет, – покачала головой девочка. – Хотя пианино тоже, конечно, очень жаль. И книг... И картины, которая в гостиной висела, такой красивый пейзаж... И бабушкиного старинного туалетного столика с зеркалом... Но больше всего мне жаль наш семейный альбом с фотографиями. Ведь когда у человека есть такой альбом – значит, у него есть семья. Даже если все его родные уже умерли...

Тут она не выдержала и разрыдалась, Стас обнял ее и неумело попытался успокоить. Он гладил ее по голове, по этим ужасным шапкам, по спине и плечам, пытался шептать какие-то утешающие слова. Ему очень хотелось сказать, что у нее вся жизнь еще впереди, что у нее еще обязательно будет и семья, и альбом с фотографиями... Но произнести это все вслух он почему-то не решался. И вдруг девочка перестала всхлипывать и затихла. Видимо, воспоминание о душевном потрясении отняло у нее все силы, потому что она внезапно заснула прямо у него на коленях. Стас неловко держал ее, смотрел на измученное детское лицо, и сердце его нестерпимо сжималось. «Какой же я на самом деле эгоист и слабак, думал он, – сию минуту и корчу из себя жертву... Здоровый, взрослый мужик, а она, такая маленькая и уже столько всего перенесла, но все еще держится. Вот она по-настоящему очень сильная, несмотря на всю свою слабость...»

Голова Тани откинулась назад, и со лба съехали натянутые друг на друга замурзанные шапочки. Стас с изумлением глядел на нее. До этого момента даже и лица-то девочки как следует не разглядывал – до того как увидел сегодня ее улыбку, когда Таня играла на рояле. Они ведь вечно общались в полумраке, который не мог рассеять ни свет от камина, ни тем более огонь единственной свечки. А сейчас, при дневном свете, да еще когда эти дурацкие шапки почти совсем свалились, он снова подумал, что Таня будет самой настоящей красавицей: милое, словно фарфоровое, личико, несмотря на перепачканные щеки и потрескавшиеся от мороза губы, длиннющие густые ресницы, высокий гладкий лоб и потрясающие вьющиеся волосы каштанового цвета... Просто самый настоящий

маленький ангел.

Глава двенадцатая

За пять дней до Нового года

Утро понедельника для Сергея Головина началось очень рано. К восьми часам он уже отправился на Тверскую, к газетному киоску, продавец из которого, судя по рассказу Юрия, стал несколько дней назад свидетелем странного происшествия. Вчера Сергей тоже побывал здесь, без особой, впрочем, надежды на успех, вероятность того, что в воскресный день киоск окажется закрыт и разыскать старика не удастся, была очень велика. Так и вышло, но даже безрезультатная поездка представлялась Головину вчера лучшим выходом из положения, чем ее альтернатива – полное бездействие. Потому что никаких других вариантов поиска шефа у него не имелось. Больше делать было нечего – разве что еще раз, более тщательно, но опять безрезультатно, опросить всех знакомых шефа, не знают ли они что-нибудь о нем, да несколько раз за воскресенье позвонить Юрию и убедиться, что полиция Шаповалова так до сих пор и не нашла. Телефонные переговоры заняли почти весь день, но так же, как и раньше, не дали никакого результата и не сдвинули дело ни на шаг с мертвой точки. Никто не знал, где находится Станислав, и даже предположить не мог.

Сегодня же киоск работал, металлические жалюзи, прикрывавшие вчера витрину, были открыты. С самого утра бдительный чекист в отставке заступил на пост и восседал на своем месте, не только продавая газеты, журналы и прочую сопутствующую мелочовку, но и внимательно наблюдая за происходящим вокруг.

В этот ранний час у киоска никого не было. Сергей подошел, вежливо поздоровался и, решив, что ходить вокруг да около тут бессмысленно, прямо задал старику интересующий его вопрос.

– В пятницу вечером около вашего киоска произошел инцидент со стрельбой. Вы были свидетелем. Я очень хотел бы узнать все подробности, даже мельчайшие.

Киоскер некоторое время молчал, пристально глядя на него, а потом заявил:

– А ты ведь не из милиции.

И это явно было утверждение, а не вопрос.

– Не из милиции, – согласился Головин, поняв, что хитрить тут бессмысленно. – Я работаю в службе безопасности фирмы. Ищу своего шефа, который исчез как раз в пятницу и...

– Документы покажи, – перебил его киоскер.

Сергей протянул свою корочку, старик взял ее из его рук и очень внимательно изучил, разве что не понюхал и на зуб не попробовал.

– Головин, говоришь? – произнес он наконец. – Начальник службы безопасности? «Объединенная Строительная Компания»? Ну-ну... А паспорт свой покажешь, Сергей Александрович?

Спорить Головин не стал, это было не в его интересах. Сейчас он нуждался в помощи старика, а никак не наоборот. Сергей продемонстрировал свой паспорт, который был изучен еще более внимательно. По-видимому, результаты исследования документов удовлетворили киоскера, потому что он сменил гнев на милость:

– Ладно, давай показывай фотографию своего шефа.

Фотографиями Стаса Сергей давно догадался озаботиться и теперь показал собеседнику самый крупный и четкий снимок.

– Он? – спросил, уже откуда-то заранее зная, что ответ будет утвердительным. И не ошибся в своем предчувствии.

– Он, – кивнул бывший чекист. – Точно он. У меня на лица память профессиональная. Это именно на него напал тот парень...

После разговора со стариком в душе Головина образовалась полная сумятица. Сомнений в том, что именно Станислав Михайлович был тем человеком, в которого прямо посреди улицы выстрелил неизвестный (и попал, как утверждал киоскер), почти не оставалось. Но объяснения, кто и почему стрелял в его шефа, Сергей найти не мог, как ни искал. Он уже точно знал, что Шаповалов в тот момент уходил от полиции, воспользовавшись подсказкой своего начальника отдела безопасности. Пройдя через чердак на крышу, а оттуда на крышу соседнего дома, с которой спустился по пожарной лестнице, Станислав как раз и должен был оказаться вскоре у этого газетного киоска, тут все сходилось. Но его преследователь?.. Откуда он взялся? Кто он такой? Если, скажем, полицейские перед тем, как брать подозреваемого, расставили вокруг дома и соседних домов посты... И этот человек в темной куртке и надвинутой на глаза шапке был одним из них... И он погнался за Стасом, попытался его остановить... Нет, ничего похожего даже и быть не может. Полицейский в этом случае вел бы себя совсем иначе. Бежал бы, кричал, требуя немедленно остановиться, предупреждал бы, что будет стрелять, действительно выстрелил бы сначала в воздух... И уж никак не из пистолета с глушителем. Так что загадочный тип вел себя скорее не как полицейский – а как профессиональный киллер...

Так и не уехав с Тверской, Головин сидел в своем джипе, припаркованном недалеко от газетного киоска, курил неизвестно какую по

счету сигарету и напряженно размышлял. Только что поступившая к нему информация выглядела столь странно, что он никак не мог структурировать разбегавшиеся во все стороны мысли.

Итак, предположительно можно было остановиться на том, что в его шефа стрелял наемный убийца. Который или пришел вместе с полицией (что весьма удивительно), или оказался здесь в это же самое время по случайному совпадению (что еще более невероятно). Единственное возможное объяснение, которое могло сейчас прийти в голову Сергею, заключалось в следующем. Таинственный некто, который хотел, чтобы Стаса обвинили в убийстве Жданова, который подтасовал улики и навел на Стаса полицию, решил на всякий случай подстраховаться и вместе с омонотцами отправить к Шаповалову еще и киллера. На всякий случай, если арест вдруг сорвется... Или нет? Может быть, это было частью плана? Может быть, киллер специально должен был убить Стаса именно в тот момент, когда бойцы выводили бы его из подъезда? Нет, это уж совсем бред какой-то! Надо быть полным идиотом, чтобы убирать клиента на глазах целого взвода омонотцев. Это было бы опасно для убийцы, даже если бы он стрелял из укрытия, скажем, с чердака. Хотя... Предположим, что он действительно был в укрытии и оттуда увидел, как Стас уходит по крышам. Увидел и погнался за ним... Да, такое теоретически возможно. Маловероятно, но возможно.

Решив пока удовлетвориться таким объяснением, Головин отметил для себя первый пункт дальнейшего плана действий – необходимо найти того, кто мог подставить его шефа. Не только подставить, но и ненавидеть до такой степени, что еще и подослать к нему наемного убийцу.

Этот пункт представлялся весьма важным, но имелся и другой, который казался едва ли не важнее, чем первый. Нужно было разыскать Станислава – и как можно скорее. Судя по рассказу киоскера с богатым чекистским прошлым, пуля киллера Стаса все-таки задела. Не убила – иначе тот не мог бы убежать на другую сторону Тверской, – но ранила. А вот насколько серьезно – неизвестно. И именно с поиска ответа на этот вопрос нужно было начинать, а не сидеть здесь, гадая, по какой логике действовал киллер. Сейчас это менее важно. И даже заказчик менее важен.

Ругая себя за то, что оказался таким тугодумом, Сергей тут же схватился за телефон, позвонил заместителю и дал команду немедленно разослать ребят по всем больницам и клиникам, особенно в центре города. Пусть делают что хотят, землю носом роют, но как можно скорее выяснят, не обращался ли к врачам, начиная с вечера пятницы, мужчина лет сорока с пулевым ранением? Прилично одетый, без документов и, весьма вероятно,

назвавшийся вымышленным именем.

– Задачу понял, – отрапортовал, выслушав, зам. – Морги, я так понял, тоже прошерстить?

– Морги? – на миг задумался Сергей. Подобный вариант пока не приходил ему в голову. А меж тем, как это ни неприятно осознавать, подобный исход событий представлялся весьма вероятным. – Да, и морги тоже, конечно.

Головин уже собирался позвонить Юрию, когда телефон в его руке завибрировал.

– Есть новые сведения, – доложил Виктор. – Помните, вы просили проследить за квартирой Олеси. Видимо, с ней что-то не так. Окна все время темные. Похоже, она сбежала.

– Ты не отследил?

– Я же не могу все время сидеть на одном объекте, – обиделся подчиненный. – Вы сами дали указание наблюдать и здесь, и там. А я же не резиновый, чтоб разорваться.

Сергей вздохнул. Похоже, Виктор прав. Придется проверить, куда делась Олеся. Вдруг она все-таки связана с шефом и ломала комедию просто для отвода глаз, а сейчас, чем черт ни шутит, отправилась к нему. «Как жена декабриста», – мелькнула мысль, и Сергей покачал головой: уж больно не вписывалось подобное самопожертвование в образ Оксаны. Тут скорее другое. Провинилась и дала деру?.. Надо разобраться.

– Потришь пока там, соседей порасспрашивай. Только потихоньку, – дал указание Головин, набрал номер Юрия и попросил, чтобы тот имел в виду информацию обо всех чрезвычайных положениях в городе. Весьма вероятно, что его шеф ранен, а быть может (не дай бог, конечно!), и убит. Нужно искать его, живого или мертвого, не забывая при этом, что у Стаса нет с собой документов. Кроме того, в криминальных сводках могла всплыть и Оксана.

– Подожди, не клади трубку. Ты сейчас где? – спросил Юрий, когда Головин договорил.

– На Тверской около газетного киоска, на который ты мне дал наводку. А что?

– Можешь подъехать сейчас ко мне? Есть разговор.

– Что? – тотчас вскинулся Сергей. – Какие-то новости?

– Лучше не по телефону. Приедешь?

– Разумеется. Ты уже на службе?

– Ну конечно, а где же мне быть? Подъезжай ко входу в «Эрмитаж», встретимся там.

– Хорошо, скоро буду.

Выруливая на Бульварное кольцо, Головин бросил взгляд на часы и очень удивился – уже почти половина одиннадцатого. Он так задумался, что провел в размышлениях больше двух часов и даже не заметил, как они пролетели.

В саду «Эрмитаж» в этот утренний час было малоллюдно, каток не работал, музыка не звучала. Юрий и Сергей неторопливо шагали по расчищенным дорожкам между чуть припорошенных снегом газонов.

– Ты, кажется, интересовался Олесей Владимировной Петуниной? – хмуро спросил Юрий, стряхивая снег с рукава элегантного пальто.

– А что, о ней уже что-то есть?

– Вот именно, что есть. Она была убита позавчера. В той самой съемной квартире на Алабяна, которую снимает ей Шаповалов. Она и вместе с ней еще один парень.

– Вот это да... Ни фига себе! – Головин даже остановился, пытаясь осмыслить услышанное. – Подробности расскажешь?

Вот и нашлось объяснение исчезновению Олеси. А Виктор – молодец, вовремя заметил, жаль только, что киллера не застал...

– Пока я сам знаю не слишком много, – пожал плечами Юрий. – Убили их в субботу вечером, стреляли из пистолета «макаров»...

– Надеюсь, хоть в этом убийстве не обвиняют моего шефа? – мрачно пошутил Сергей.

– Ничего не могу сказать, – отвечал его собеседник. – Разве только то, что исполнителем был, по всей вероятности, все-таки не он. Оба убитых, и парень, и девушка, застрелены, что называется, по классике – с контрольным выстрелом в голову. Явно работал профессионал. И, похоже, пистолет был с глушителем. Соседка клянется, что не слышала выстрела. Зато видела в глазок предполагаемого убийцу, который выходил из квартиры. И похож он по ее описанию не на Шаповалова, а совсем на другую знакомую нам личность...

– Высокий, плечистый, слегка сутулится, темная куртка и шапка, надвинутая на самые глаза? – догадался Головин.

– Именно так, – кивнул его друг. – Пока следствие по делу Олеси только началось, и никто, кроме меня, не связывает ее с Шаповаловым. Но, боюсь, очень скоро до этого дойдет.

Высокий, плечистый... тоже мне приметы. Да только у Головина таких парней десяток. Сутулость тоже можно не принимать серьезно в расчет – профессионал, наверняка знает, что делает, и заботится о том, чтобы в памяти свидетелей осталась одна яркая деталь. Зацikliшься на ней – и не

заметишь других, более существенных.

– Спасибо, братан, – Сергей снова остановился и пожал руку друга. – Это очень важные сведения.

– Что будешь делать? – поинтересовался Юрий, закуривая.

– Не знаю, – честно отвечал Головин. – Пока не знаю.

Он, и правда, не знал, что делать с этими на первый взгляд совершенно разрозненными кусочками информации, которая сегодня вдруг обрушилась на него. Но с какого-то момента ему уже стало понятно, что эти кусочки представляют собой пазл, в котором, правда, еще пока не хватает многих деталей. Но Сергей уже не сомневался, что сумеет эти детали найти – а значит, и пазл со временем соберется.

Расставшись с Юрием, Головин позвонил Борису Яковлевичу, одному из юристов, с которым сотрудничала «Объединенная Строительная Компания», и попросил о консультации. Однако тут ему не повезло – выяснилось, что Борис Яковлевич укатил с семьей на каникулы, находится сейчас в Финляндии и вернется только после праздников. В ответ на заявление Сергея, что дело не терпит отлагательств, юрист посоветовал обратиться к его коллеге, Полине Николаевне, которую рекомендовал как опытного и очень грамотного специалиста. Головин тотчас же связался с ней, попросил о встрече на ближайшее время и, узнав, что его могут принять прямо сейчас, тут же отправился на Комсомольский проспект, где располагался офис юридической компании.

Сергей ожидал, что юрисконсульт окажется зрелой дамой пышного телосложения в массивных очках и с пучком на голове, и потому был сильно удивлен, когда увидел перед собой высокую стройную и очень красивую блондинку с длинными прямыми волосами, которой никак нельзя было дать на вид больше тридцати лет. В душу тут же закрались сомнения в том, что такая красотка окажется дельным специалистом и сможет посоветовать ему что-то полезное, но отступить было уже некуда.

– Присаживайтесь, пожалуйста. – Девушка закрыла за ними дверь переговорной комнаты, указала клиенту на удобное кресло и сама уселась напротив. – Чем могу быть вам полезна?

– Видите ли, Полина Николаевна... – Он толком не знал, с чего и начать.

– Можно просто Полина, – улыбнулась она.

– Хорошо. Видите ли, Полина, мне хотелось бы получить юридическую консультацию. Предположим, у некоей компании есть два владельца, и один из них погибает. Кому переходит его часть собственности на фирму?

– Его наследникам, конечно. В первую очередь – это супруги, дети и родители. Потом – братья, сестры, внуки и внучки, дяди, тети и так далее.

– Да, это я знаю, – кивнул Сергей. – А если родственников нет?

– Что, вообще никого? – удивилась Полина.

– Похоже, вообще никого.

– А завещание? Владелец акций компании не оставил завещания?

– Насколько я знаю, нет.

Девушка ненадолго задумалась.

– Тогда, возможно, собственность перейдет ко второму владельцу компании. Но это, я повторяю, только возможно. В подобной ситуации каждый случай надо рассматривать конкретно.

– А если первый владелец не просто умер, а был убит? – продолжал свои расспросы Головин. – И обвинение в его убийстве предъявлено второму владельцу?

– А что, у второго владельца тоже нет родственников? – вскинула брови Полина.

– Нет, почему же... У второго есть. У него есть мать... – машинально ответил Сергей, и в это время в его сознании пронеслась мысль, не может ли смерть Олеси быть как-то связанной с наследством Стаса. Вдруг он пошел по ложному пути и поторопился сделать вывод, что киллер хотел узнать у девушки, где находится Шаповалов? А на самом деле ему заказали не только Стаса, но и Олесю? Однако развивать эту мысль дальше Сергей не стал, она не показалась ему внушающей доверия.

– Тогда, по всей вероятности, именно эта мать и будет владеть фирмой, по крайней мере, до тех пор, пока ее сын отбывает наказание за убийство, – пояснила тем временем юрист. – Но, конечно, очень сомнительно, что человек, которого признают убийцей, унаследует собственность убитого. Честно сказать, ваши вопросы поставили меня в тупик. Я никогда не сталкивалась с подобными случаями и совсем не уверена в том, как тут могут обстоять дела, – добавила она с чуть смущенной улыбкой. – Как я уже говорила, нужно рассматривать конкретный случай и как можно более подробно.

– Да, это-то я понимаю, – рассеянно кивнул Сергей. – Я другого никак не могу...

– Чего именно?

– Видите ли, Полина, дело в том, что второй владелец компании на самом деле убийства не совершал. Его подставили. И я пытаюсь разобраться, кто и зачем. Если компания остается у матери, то получается, что дело не в бизнесе...

– К сожалению, тут я вам уже ничем не смогу помочь, – развела руками девушка. – Скорее вам надо обращаться в детективное агентство, а не в юридическую консультацию. Но вы оставьте мне свой номер телефона на всякий случай.

– Да, конечно, – Сергей встал с кресла. Встреча с юристом ничего не дала ему, но он и не слишком надеялся на нее и потому не был слишком разочарован. – Сколько я вам должен?

Покинув юридическую контору, Головин, прежде чем сесть в свой джип, набрал телефон зама. Но и тот ничем не порадовал. Ребята ездили по больницам, клиникам и травматологическим пунктам в окрестностях Тверской улицы, но пока нигде, ни в лечебных учреждениях, ни в моргах, следов Стаса не находилось.

– Ищите! – почти кричал в трубку Сергей. – По всей Москве ищите, не только в центре!

Он понимал, что зам ничем не виноват в его неудачах, но все равно сорвался на него. Типичная реакция усталого издерганного человека в тупиковой ситуации. А выхода из нее и впрямь не виделось...

Подозревать вдову Михал Анатолича, которую Головин, разумеется, давно знал, в том, что она организовала убийство Жданова и сфабриковала улики, чтобы в этом преступлении обвинили ее собственного сына, было, разумеется, полнейшей нелепостью. Но, как получалось, единственным человеком, кому могла быть выгодна вся эта хитросплетенная интрига, оставалась только она, Лидия Шаповалова. И дальше рассуждения Сергея не могли продвинуться ни на шаг.

Не лучше обстояло дело и с киллером. Зачем, из каких соображений этот человек убил Олесю? Девчонка явно не имела никакого отношения ни к фирме, ни к смерти Жданова. Но, получается, что и ее тоже заказали вместе со Стасом? А парень, который вместе с ней погиб? Какова его роль в этой истории? И куда же, черт побери, мог подеваться Станислав Шаповалов? В этой безысходной ситуации Головин уже готов был поверить, что всю бодягу замутил именно Стас. Замутил – и спрятался. Но и такая версия никак ничего не объясняла...

– Шеф! Олесю, по ходу, убили! – доложил Виктор.

– Уже знаю, – Головин вздохнул. И почему его подчиненные на шаг отстают от убийцы? Либо он ловок и хитер, либо они не такие уж профессионалы. Однако и сам Сергей пока недалеко продвинулся, так что рано осуждать других.

Устав ломать голову над неподдающейся решению задачей, Сергей отправился обедать, но поел без всякого аппетита, машинально проглотил

все, что ему подавали, даже не ощущая вкуса. Потом, сам не зная зачем, поехал в контору. В офисе «Объединенной Строительной Компании», к счастью, было относительно спокойно. Страсти, вызванные приездом ОМОНа, уже улеглись. Конечно, народ шептался по углам и строил разные предположения насчет судьбы Шаповалова, но так как толком никто пока ничего не знал, то ситуация еще была далека от критической точки и находилась под контролем. По настоятельной рекомендации Головина оставшаяся часть руководства компании придерживалась версии, что все в порядке и ничего не случилось. Визит ОМОНа был просто ошибкой, с которой уже разобрались. А шеф, как и собирался, уехал на каникулы в Европу. А после праздников он вернется – и все пойдет по-прежнему.

Сидеть одному в кабинете было невыносимо, заниматься какими-то другими делами – тем более. Ничего не шло в голову, все валилось из рук. От полного ощущения неприкаянности, отчаяния и собственной бесполезности Сергей принялся бродить по офису и остановился, привлеченный шумом, доносящимся с ресепшена.

Шум, в общем-то, был поднят из-за ничего, в другое время Головин и не обратил бы внимания на подобный пустяк – секретарша Катя, молоденькая миловидная шатенка, потеряла свой сотовый телефон. Разумеется, вокруг нее тут же собралась целая толпа советчиков – сотрудники офиса с удовольствием зацепились за повод оторваться от работы.

– Да ты в сумочке, в сумочке посмотри, – щебетала миниатюрная Иришка из бухгалтерии. – Прямо высыпи все из нее на стол и ищи! Наверняка где-нибудь на дне завалялся, у меня часто так бывает...

– Надо на него с городского позвонить, – предлагал, оттягивая пальцем высокий воротник свитера, Вадим, системный администратор.

– Да звонила уже! – сокрушалась секретарь. – И сумку всю перетряхнула. Нигде нет, и звонка не слышно...

– А ты вспомни, когда ты его видела последний раз, – бросил, проходя мимо, охранник Игорь, который, судя по всему, только что приехал в офис.

– Кажется, когда обедала, – наморщила высокий чистый лоб Катя. – Ну да, точно! Я ж его в кафе на столике оставила!

– Вот кулема! – хохотнул Вадим. – Это ж надо так облажаться! «Потому что на десять девчонок по статистике девять тупят», – пропел он на мотив известной песни шестидесятых годов.

– Можно подумать, только женщины вещи теряют, – обиделась Катя. – Мужчины, между прочим, ничуть не лучше. Вот даже шеф, Станислав Михайлович, – и тот осенью свой сотовый потерял. Помнишь, Игорь?

– Да, было дело... – подтвердил охранник. – Действительно, Станислав Михайлович однажды мобилу в банке забыл. Я потом забирать ездил.

– Но тебе, Катюха, куда меньше повезло, чем шефу, – ехидничал Вадим. – Кафе – это тебе не банк, и ты – не Станислав Михайлович, вир-клиент банка «Модус». Тебе, в отличие от шефа, с телефоном придется распрощаться, вряд ли тебе его вернут.

– Но попробовать-то надо, – настаивала Ирина. – Сбегай прямо сейчас в кафе, поспрашивай, не находили ли твою мобилу. А вдруг? Чем черт не шутит?

Головин, которому уже наскучило наблюдать за этой сценой, подозвал к себе Игоря.

– Ну что там с больницами? – без особой надежды поинтересовался он.

– Ничего, Сергей Александрович, – покачал головой парень. – Глухо. Я заму вашему уже докладывал – полный тухляк. Нигде никаких следов босса – ни в больницах, ни, слава тебе Господи, в моргах.

– Ладно, иди, – кивнул Головин. Он почти смирился с мыслью, что еще один день прошел впустую.

Однако ближе к вечеру, когда сотрудники офиса уже начали расходиться и сам Сергей задумался о том, не поехать ли домой, раздался звонок телефона. На экране высветился незнакомый номер.

– Сергей Александрович, – прозвучал в трубке приятный женский голос, – это Полина. Помните, вы были сегодня у нас в юридической консультации?

– Да, конечно.

– Так вот, Сергей Александрович, я не уверена, что это вам как-то поможет... Но решила все-таки поделиться. Меня заинтересовали сегодняшние ваши вопросы, и я, когда вы уехали, поискала информацию по аналогичным случаям. Литературу подняла, в Интернете посидела... В общем, в числе прочего наткнулась на немного схожую ситуацию, но там после убийства владельца компания отошла не наследникам, а банку, в котором под ее залог брались кредиты. Та компания задолжала банку и...

– Пойдите, вы сказали банку? – перебил Головин.

– Ну да, именно так и сказала. Так вот, если...

– Спасибо вам, Полина! – У Сергея не было никакого желания выслушивать ту историю, да и необходимости в этом не имелось. – Извините, но я должен сейчас срочно уехать. Всего доброго.

Он нажал кнопку отбоя и уставился прямо перед собой, в темный

прямоугольник так и не включенного сегодня монитора. Банк. Почему-то так получается, что все линии сходятся к банку. Из банка были переведены деньги со счета Шаповалова на счет киллера – убийцы Жданова. Банк, в котором «ОСК» берет кредиты, судя по словам юриста, может стать владельцем компании в случае отстранения двух владельцев сразу. И даже телефон свой Стас забыл в банке. Именно в банке «Модус»...

– Катя! – приказал Головин, нажимая на кнопку внутренней связи. – Ну-ка разыщи мне Игоря! Да побыстрее!

– Слушай, мне от тебя требуются ответы на два вопроса, – озадачил он подчиненного, едва тот вошел в кабинет. – Ты сегодня девчонкам рассказывал историю, как Станислав Михайлович забыл сотовый в банке. Так вот, напряги, пожалуйста, хорошенько память и вспомни, какой именно из его телефонов это был. Один из айфонов?

– Нет, – уверенно отвечал Игорь. – Это была обычная «Нокия». Ну, про которую он говорит, что это его любимая трубка.

– Хорошо, – кивнул Головин. Это действительно здорово упрощало дело. – А теперь самый важный вопрос. Мне нужно точно знать число и время, когда это произошло.

– Ну, Сергей Александрович, вы слишком многого хотите... – развел руками Игорь. – Разве это можно вспомнить, месяца два прошло, если не больше... Вроде пятница была... Точно могу только сказать, что ездил он в банк после обеда, значит, уехали мы оттуда часа в три. А за телефоном меня послали уже к вечеру, часов, стало быть, в семь. Я еще на обратном пути в детский магазин на Якиманке успел заехать, Машке подарок купить... Точно! Это ж накануне Машкиного дня рождения было. Она у нас тридцатого октября родилась, это было воскресенье... Значит, телефон шеф забыл в пятницу, двадцать восьмого.

– Игорь! – Головин серьезно посмотрел на парня. – Учти – то, что ты мне сейчас сказал, очень важно. Скорее всего, тебе придется повторить все это в полиции, может быть, даже на суде. Возможно, именно эти факты помогут нам отвести подозрение от Станислава Михайловича. Справишься?

– Так не вопрос, – пожал широкими плечами парень. – Что ж тут трудного – правду сказать? Это ведь не вранье...

Отпустив Игоря, Головин снова нажал кнопку внутренней связи и отдал заму распоряжение подготовить для него всю информацию обо всех связях «Объединенной Строительной Компании» с банком «Модус». Особенно его интересовало, какие взятые у банка кредиты остались непогашенными, в каких объемах и когда должен наступить срок выплат.

Чем черт не шутит, вдруг и впрямь вся ниточка потянется именно отсюда?

Потом он взялся за телефон и набрал номер старого приятеля.

– Юрка, у тебя карандаш есть под рукой? Тогда запиши номер телефона... И дату. Двадцать восьмое октября, с трех до семи вечера. Да, так, все верно. А теперь проверь, пожалуйста, не в это ли время и не с этого ли номера были звонки на трубу киллера, который Жданова убрал, как его, Пономарев, кажется...

– Не киллера, – тут же поправил его Юрий, обладавший отличной памятью, что позволяло ему оставаться одним из лучших специалистов аналитического отдела Петровки. – Звонки с номера Шаповалова были на телефон посредника.

– Ну, в данном случае это не принципиально, – отмахнулся Головин. – Ты, главное, проверь время и дату.

Глава тринадцатая

За четыре дня до Нового года

И вновь настало утро, опять такое же тусклое и безрадостное, как все предыдущие его утра в особняке...

Вчера Стас и Таня легли поздно, намного позже обычного. Подбрасывали в камин дрова, благо их имелся достаточный запас, как следует прогрели свой «дом», вскипятили чайник, поужинали быстрорастворимой лапшой, а когда огонь в камине стал затухать, принялись печь в золе картошку. Сидели в полумраке комнаты, освещаемой лишь отблесками пламени, ели картошку, обжигались, перемазались сажей и разговаривали, разговаривали, разговаривали...

Про детский дом Таня рассказывать не стала, призналась лишь, что не выдержала там и нескольких дней. Ночью, когда все уснули, выбралась в окно, перелезла через забор и сбежала. Добралась до железной дороги (детдом, как понял Стас, находился где-то в области) и до утра шла по шпалам в сторону Москвы, а потом села на первую электричку и добралась до вокзала. Там и осела, но, впрочем, ненадолго – слишком жестокими показались несчастной домашней девочке законы, по которым существовали привокзальные нищие. Так что сбежала Таня и от них и долго скиталась в поисках пристанища, еще несколько раз примыкала к группам бездомных и беспризорников, но ни с одной из них так и не захотела остаться. На ее счастье, была теплая весна, затем пришло жаркое лето, и девочка хотя бы не страдала от холода, ночуя то здесь, то там, нередко просто под открытым небом где-нибудь на лавочке в сквере. Первое время она чуть не каждый день приходила к своему старому дому, вернее, на то место, где он стоял, потому что обгорелые остатки здания

очень быстро снесли и начали на его месте новое строительство. Судя по картинке, которая висела на заборе, огораживающем территорию стройки, там должна была появиться очередная уродливая конструкция из стекла и бетона, которые за последние десять лет так обезобразили Москву.

А потом, ближе к осени, Тане посчастливилось наткнуться на этот особняк, который каким-то чудом оказался никем не занят. Здесь же поблизости, в переходе, Таня просит милостыню. Конечно, зарабатывает она не много и живет впроголодь – но зато она сама по себе, сама себе хозяйка, никто ее не бьет, не заставляет работать на него, не отнимает денег. Таня искренне верила в то, что во всем этом ей помогает ее ангел-хранитель – ничем иным подобное везение объяснить было невозможно.

– Ангел-хранитель... – с улыбкой повторил ее слова Стас. – Ты думаешь, он существует?

– Ну конечно же! – убежденно кивнула девочка. – Как же иначе? Должен же кто-нибудь заботиться о нас там, Наверху? Жизнь такая трудная, без помощи ангела-хранителя мы бы с ней просто не справились.

– Хорошо бы, если так... – Он задумчиво поворошил дрова в камине.

– Знаешь, когда я еще жила дома... – тихо проговорила Таня, – мой самый любимый праздник был не день рождения и не Новый год, а день ангела. Мы с бабушкой праздновали именины в один день, двадцать пятого января. Бабушку тоже звали Татьяной, только она Татьяна Александровна, а я Татьяна Алексеевна. Так вот, это, наверное, был самый-самый лучший день в году! Мне всегда, что бы ни было, разрешали в этот день пропустить занятия в школе. И я спала долго-долго, а когда просыпалась, то за окном было так красиво, так светло... Ты никогда не обращал внимания на то, что двадцать пятого января каждый год всегда хорошая погода? Мороз и солнце, как у Пушкина... В этот день бабушка всегда пекла мои любимые пироги с вишней. Мама с папой дарили мне какой-нибудь хороший подарок, а бабушка – обязательно старинную открытку с надписью «С днем ангела!» Я очень люблю старинные открытки, у меня их благодаря бабушке, целая коллекция собралась...

Девочка замолкла и горько вздохнула, очевидно, вспомнив о судьбе этих открыток, погибших в огне пожара вместе с остальными вещами Кузнецовых. Но тут же вернулась к своим светлым воспоминаниям, которые быстро прогнали с ее лица тень печали.

– А вечером всегда приходили гости. И мои друзья, и мамыны с папой... Мы пили чай с пирогами, играли на пианино и танцевали. А еще мы играли в разные замечательные игры – в «фанты», в «шарады», в «крокодила», в «черту характера», в «ассоциации», в «угадай персонажа»...

Было так весело! Как второй день рождения. Или даже как первый, потому что у меня день рождения летом, в июле, когда никого из друзей в Москве нет и отпраздновать как следует не получается... А у тебя когда день рождения, Стас? – внезапно спросила Таня.

– Двадцать девятого декабря, – машинально ответил он.

– Да ты что? Это же послезавтра!

– Правда, что ли? – изумился он. – Сегодня двадцать седьмое? Черт, я здесь совсем потерял счет времени, уже не слежу ни какое число, ни какой день недели...

– Ну да, сегодня вторник, двадцать седьмое декабря, – подтвердила девочка. – Через четыре дня Новый год...

Она помолчала немного и добавила:

– Представляю, как тебе обидно думать, что придется провести и Новый год, и день рождения здесь... Целых два праздника пропадают! Я в свой первый день рождения не дома забралась куда-то за гаражи, легла на землю и с утра до ночи проревела. Даже есть не хотелось... Ты очень переживаешь, да?

– Совсем не переживаю, – отмахнулся Стас. – Мне ведь исполнится сорок, а сорокалетие все равно праздновать нельзя, говорят, плохая примета. И потом, в моем возрасте, день рождения – это уже не радость, а скорее огорчение. Время летит слишком быстро... А Новый год... Что нам Новый год?! Мы и тут его с тобой можем встретить. Правда, придется обойтись без шампанского. И без выступления президента – за неимением телевизора. Но мы же с тобой что-нибудь придумаем, правда? – нарочито весело говорил он. Очень уж хотелось хоть как-то поддержать девочку, хоть немного отвлечь ее от бередящих душу воспоминаний.

– Обязательно придумаем! – просияв, согласилась Таня. – Тут неподалеку открыли елочный базар, думаю, там можно будет раздобыть какую-нибудь ветку. Или даже две... А еще на бульваре большую елку поставили, и на ней игрушки невысоко висят... Как ты думаешь, ничего, если я один шарик потихоньку сниму и принесу сюда?

– Думаю, что ничего, – отвечал Стас, пряча улыбку. И тут же добавил: – Только ты, пожалуйста, будь осторожнее! А то тебя поймут за расхищением игрушек и отведут в полицию. Придется мне одному Новый год встречать, а я не хочу.

– Ладно, я буду очень-очень осторожной, – заверила Таня. Прожевала картофелину и вдруг спросила: – Скажи, Стас, а ты счастлив? Я имею в виду – был счастлив в своей прежней жизни? До того как оказался здесь?

– Счастлив? – задумчиво переспросил он, вытирая руки газетой. – Не

знаю... Видишь ли, мне всегда казалось, что слово «счастье» – оно какое-то... Ну, книжное, что ли. Счастье, как и любовь, какой ее описывают в стихах и романах, – это нечто поэтическое, весьма далекое от реальной жизни. На самом-то деле все гораздо проще и прозаичнее. Я раньше жил – и был вполне доволен своей жизнью. Конечно, случалось, когда мне что-то не нравилось, что-то раздражало, злило, расстраивало или вызывало дискомфорт. Но в целом я жил вполне благополучно, часто радовался, получал удовольствие – от общения с друзьями, от успеха в работе, от музыки, от хорошей еды, от... – Он запнулся, вовремя вспомнив, что говорит с ребенком. – Но, знаешь ли, сегодня... – торопливо добавил Стас. – Когда мы с тобой вместе играли на рояле, там, наверху... Я почувствовал что-то такое... Совсем необычное. Такой восторг, который раньше испытывал только в детстве. Может быть, это как раз и есть то самое счастье, о котором ты говоришь?

– Вот слушаю – и даже как-то жалко тебя становится, – произнесла вдруг девочка. – Это ж надо – дожить до сорока лет и так толком и не узнать, что такое счастье... На вот, держи еще картошку.

Стас только усмехнулся. Ему было и смешно, и горько. Подумать только, его жалеют! И кто? Оборванная девочка-нищенка. Причем жалеет не за то, что с ним случилось сейчас, когда он и впрямь оказался в ситуации, достойной сочувствия – а за его прежнюю, более чем благополучную жизнь! И самое ужасное, что Таня во всем права...

После еды она вновь зажгла свечку, осмотрела и обработала рану Стаса и порадовалась, что теперь дело обстоит гораздо лучше. Опухоль почти спала, сама рана начала понемногу затягиваться и уже не выглядела так устрашающе, как в первые дни. Вот что значит стерильный бинт и лекарства, как хорошо, что им удалось их раздобыть! Говоря это, девочка так и светилась от удовольствия. Стас соглашался с ней, подтверждая, что ему действительно гораздо лучше, а про себя думал: что за удивительная у нее способность, существуя в таких жутких условиях, уметь так радоваться – да не за себя, а за другого человека! Сам он никогда в жизни не переживал ничего подобного. Он вообще всегда был слишком занят собой...

Эта же мысль продолжала вертеться в голове Стаса и когда они улеглись спать. Впервые за все время пребывания в особняке быстро уснуть не получилось, Стас осторожно ворочался на своих картонках и размышлял о вещах, которые раньше его никогда не занимали. Например, что будет с его фирмой, если он так и не сумеет вернуться к нормальной жизни? Причем заботила его эта проблема не только с точки зрения

бизнеса, но и с точки зрения персонала. Каково будет всем сотрудникам офиса и многочисленным бригадам подрядчиков остаться без работы? Или, скажем, Олеся... Он злится на нее за то, что она не будет беспокоиться о нем... Но сам он много беспокоился о ней? Он даже не знает, есть ли у нее деньги, чтобы встретить праздник. Пользоваться его кредитными картами он Олеся, зная ее аппетиты, никогда не разрешал, давал только наличные. На сколько ей может хватить тех денег, которые он оставил ей последний раз? Наверняка она все уже спустила на наряды для несостоявшейся поездки... А Игорь, охранник, который примчался выручать его, Стаса, перед арестом? Его забрали омоновцы – а у парня жена и двое детей. Получается, он, Стас, сам того не желая, подставил человека, который всей душой рвался помочь ему. Очень хотелось верить, что Игоря все-таки отпустили, он ведь ни в чем не виноват. А если нет?.. Сколько ж людей, оказывается, зависит от него, Стаса, – а ему никогда и в голову не приходило задумываться об этом...

В это время Таня тихонько вздохнула в своем углу, и мысли Стаса переключились на нее. Вот кому сейчас нужна, просто необходима помощь! Поселить бы девочку в нормальные условия, накормить досыта, одеть как следует, отправить в хорошую школу, нанять хорошего учителя музыки, показать мир... Неужели он никогда не сможет этого сделать?! Стаса вдруг охватила бессильная ярость: почему он, взрослый, состоявшийся человек, прячется здесь, как загнанный раненый зверь? Но его-то случай как раз понятен: он пострадал из-за чьих-то алчных происков. Все это старо как мир... Но вот то, что здесь оказалась эта ни в чем не повинная девочка, выглядело воплощением несправедливости. Почему судьба обошлась с ней так жестоко, лишив ее родителей, крыши над головой, самых простых жизненных радостей? В конце концов, лишив самого дорогого, что бывает у каждого человека, – детства? «В детстве у меня не было детства», – вспомнил он вычитанную где-то фразу. Кто это сказал? Вроде какой-то писатель. Но кто – Стас так и не мог вспомнить...

В этот момент девочка опять то ли вздохнула, то ли всхлипнула во сне.

– Таня, – тихонько позвал Стас, но она не откликнулась. Видимо, в самом деле заснула, утомленная полным впечатлений днем, игрой на рояле и воспоминаниями.

А он еще долго лежал без сна, прислушиваясь к шорохам и скрипам пустынного дома, уже по привычке вглядываясь в смутные тени, перебегающие по высокому потолку, вяло перебирая варианты выхода из тупика, в котором столь внезапно очутился. Ничего не получалось. Выхода не было. Будущее казалось ему призрачной игрой вот этих теней, хаотично

мечущихся по потолку и бесследно исчезающих с появлением солнца. Стас не помнил, к какому выводу он пришел в своих тягостных раздумьях о будущем и как провалился в сон. Заснул он так же, как обычно засыпал здесь, в особняке, – смутным, вязким, неприятным сном, позволяющим, однако, на много часов забыть обо всем, что угнетало и тревожило его днем.

Уснул он очень поздно, видимо, уже под утро, и оттого проснулся, когда Таня уже ушла, снова оставив ему завтрак – бутерброд, состоящий из вечной булочки и куска вечной ливерной колбасы.

И вновь потянулся долгий и бесполезный, вообще ничем не заполненный день. Изнывая от безделья, Стас слонялся по особняку, собрал и притащил в комнату весь хлам, мало-мальски пригодный для растопки камина, поплотнее законопатил обрывками тряпок и газетами щели в окнах и даже вымыл посуду – нож и пластиковые стаканчики. Пару раз он с максимальной осторожностью поднимался на третий этаж и пробовал играть на рояле – но без Тани это занятие почему-то не доставило ему радости. От скуки у него мелькнула даже мысль сходить за водой, но Стас отказался от такого опрометчивого шага. Показываться на улице днем или хотя бы вечером, когда по переулку и дворам ходят люди, было для него очень опасно.

Возвращения Тани он ждал с таким нетерпением, с каким разве что в детстве дожидался наступления праздников. Что-то часто он в последние дни стал мысленно возвращаться в свое детство, к чему бы это?.. Раньше, бывало, он чуть ли не месяцами, а может, и годами не вспоминал прошлое, все было как-то не до того. Думал только о своей жизни в Европе, сравнивал ее с отечественной действительностью, мечтал поскорее вернуться на Запад. А о том, что происходило в его судьбе до учебы в Оксфорде, почти не вспоминал. Но теперь все изменилось. Видимо, потому, что больше нечем заняться.

Как назло, девочка вернулась сегодня гораздо позже обычного. Таня устала и замерзла, но выглядела очень довольной. Сейчас, в преддверии Нового года, она стала зарабатывать гораздо лучше – людей в центре было много, и подавали маленькой нищенке охотно. Таня получила сегодня столько денег, что сумела купить в палатке целых три куска пиццы и донесла их до дома еще теплыми, завернув в свой шарф и в газеты, которые чуть не каждый день притаскивала откуда-то целыми пачками. Так что они с удовольствием пообедали, а потом сразу развели огонь, вскипятили воду и еще и поужинали. Стасу очень хотелось вечером поговорить с Таней, но девочка настолько вымоталась за день, что не была настроена на разговоры.

Сразу после ужина она улеглась на свой топчан и тут же уснула. Вскоре заснул и он. Но в эту ночь спать ему пришлось недолго.

Разбудил Стаса какой-то глухой шум. Сначала он подумал, что это завывает ветер в трубе камина, но потом понял, что шум доносится не сверху, а сбоку. За плотно прикрытой, чтобы сберечь тепло, дверью комнаты явно слышались шаги. Кто-то бродил по развалинам, не боясь быть услышанным, громко топал, чем-то стучал... Вот он, похоже, споткнулся или ударился обо что-то в темноте, потому что раздался сначала грохот, а потом матерная ругань, произнесенная грубым мужским голосом.

Стас так и подскочил со своих картонок, забыв даже о раненом плече. В первую минуту у него мелькнула мысль, что явился киллер, который все же выследил его и пришел добить. Но после этого Станислав сообразил, что убийца вряд ли стал бы производить столько шума. Скорее всего, он крался бы тихо, стараясь остаться незамеченным. Значит, это кто-то другой... Черт, и кого же это принесло к ним в гости среди ночи?

В этот момент он увидел, что Таня стоит у входа в комнату и делает ему предостерегающие знаки, прижимая палец к губам. Значит, она услышала этот подозрительный шум раньше его.

– Чего орешь, Вовик? – крикнул вдруг в глубине дома другой голос.

– Да блин... – Вовик популярно объяснил товарищу, что ударился в темноте обо что-то, ухитрившись не использовать в целой фразе ни одного литературного слова, если не считать предлогов.

«Кто бы это мог быть?» – судорожно размышлял Стас. Полицейские? Сомнительно, они вели бы себя как-то иначе... Да и не полезли бы сюда ночью. Это же относится к дворникам или каким-нибудь рабочим... Скорее всего, непрошенные визитеры – обычные бомжи, забредшие в развалины особняка в поисках пристанища. А если так, то чем это может обернуться для них с Таней? Весьма вероятно, что ничем хорошим. Очень сомнительно, что эти типы, увидев, что место занято, принесут извинения, раскланяются и удалятся прочь. Скорее всего с ними придется поговорить жестко... А он, Стас, сейчас не в самой подходящей физической форме, чтобы ввязываться в драку. Знать бы хотя бы сколько их... Двое или больше?

Стараясь двигаться как можно тише, Стас подкрался к двери и встал так, чтобы оказаться сразу за спиной у того, кто войдет в комнату. Обернувшейся на него Тане он сделал знак спрятаться за камином. Та поняла и послушалась, но предварительно сунула ему в правую руку какую-то железяку – ножку от металлического стула, как понял чуть позже Стас. Не самое идеальное оружие в подобной ситуации, но лучше хоть что-

то, чем ничего... А голоса меж тем звучали совсем близко. Непрошенные гости разговаривали громко, явно никого особо не опасаясь.

– Да тут работка – не бей лежащего, – радовался один из них. – Барахла всякого, мебели старой – до хренища! Да и перекрытия тут наверняка деревянные... Плеснуть бензинчиком, и полыхнет – любо-дорого!

«Это не бомжи, – понял вдруг Стас. – Это поджигатели. Их наняли, чтобы спалить дом. Не возиться с дорогостоящей реставрацией, не связываться с протестами всяких там защитников старой Москвы... А сделать вид, будто все случилось само собой. Сгорело и сгорело. Бывает... Зато место освободилось, теперь можно строить».

Ему вспомнилось, как года два назад, когда он только-только принял в свои руки управление фирмой после смерти отца, один из подрядчиков предложил на совещании «по-тихому» сжечь старую усадьбу в живописном месте Подмосковья. А на ее месте построить несколько коттеджей, которые можно будет очень выгодно продать. Стас тогда резко воспротивился, с негодованием говорил, что они не могут и никогда не будут прибегать к подобным методам. И Андрей тогда поддержал его, заткнул рот подрядчику. Правда, потом оказалось, что тот лишь предсказал усадьбе дальнейшую судьбу. Она все равно сгорела через год – зимой в ней грелись бомжи и подожгли. Бывают иногда в жизни такие удивительные совпадения... Но сейчас размышлять на подобные темы было некогда, потому что голоса поджигателей неожиданно зазвучали совсем рядом.

– Где канистра?

– Да где ж ей быть? В машине, конечно.

– Ну так волоки сюда, чудило! Чего вошкаешься?

Стас похолодел. Если эти ублюдки обольют тут все бензином и подождут, им с Таней сильно не поздоровится. От горючего хлам, который валяется по всему особняку, вспыхнет мгновенно. Пока кто-нибудь вызовет пожарных, пока те приедут, пока будут тушить, все нутро особняка уже сгорит дотла. Выбраться Стас с Таней, Бог даст, сумеют, скажем, разбив единственное уцелевшее в комнате окно, – но при этом останутся без крыши над головой и без всего скарба, всех этих облегчающих их жизнь вещей и вещичек, которые Таня с таким трудом отыскала и принесла домой.

– Погодь, Вовик, – продолжал тем временем один из голосов. – Тут еще дверь какая-то... Пойду погляжу, что там.

Тяжелые шаги приблизились к их комнате. Стас прижался к стене и замер.

– Ну и хрен с ней! – отвечал откуда-то издали Вовик. – На что тут

глядеть-то? Сделаем по-быстрому свое дело да и смоемся.

– Не, я все-таки посмотрю, – упрямылся его товарищ.

Дверь, очевидно, открытая ногой, распахнулась, на пороге появилась смутно различимая в темноте коренастая фигура. По комнате заплясал луч карманного фонаря. Стас еще плотнее придвинулся к стене, стараясь даже не дышать, и покрепче сжал в руке свое оружие.

– Ну че там? – слышалось из глубины особняка, откуда доносилась какая-то неясная возня.

– Да вроде ниче, тот же срач...

Луч фонарика продолжал шарить по комнате и в какой-то момент приблизился прямо к камину, за которым пряталась Таня. Девочка не удержалась, испуганно ойкнула, и коренастый парень тотчас ее услышал.

– Кто это там? Слышь, Вовик? Вроде запищал кто-то, – удивился он. – А ну дуй сюда с фонарем, давай позырим...

– Да крыса небось, – откликнулся Вовик, однако шаги его стали приближаться. А стоявший в комнате парень направил фонарь прямо на Таню. Оказавшись в луче света, та испуганно вскрикнула.

– Смотри-ка, Вовик, тут бомжи какие-то! А ну вали отсюда! – заорал парень и шагнул к девочке.

В этот момент Стас изловчился, подскочил к нему и, ударив ножкой стула по руке, заставил выронить фонарь. Таня воспользовалась моментом и шмыгнула прочь из комнаты. Стас, недолго думая, решил последовать ее примеру и, убегая, ухитрился сбить с ног второго парня, этого самого Вована. На их счастье, поджигателей в особняке было всего двое.

Молнией пронесаясь по дому, Стас выскочил в холл. Там отчего-то было светло, и, оказавшись перед мраморной лестницей, он понял, почему – в углу что-то горело, пламя отбрасывало отблески на стены и высокий, до третьего этажа, потолок. Стас собирался выбежать на улицу, но не успел, его догнали. Один из поджигателей уже был рядом и попытался броситься на него. Однако Стас был готов к нападению, вцепился здоровой рукой в его куртку и с размаху припечатал парня к стене. Тот взвыл не столько от боли, сколько от испуга. Он явно не ожидал такого яростного отпора от жалкого бомжа.

Но тут за спиной Стаса появился второй поджигатель – тот самый коренастый и широкоплечий, который был в их комнате. Он подскочил к дерущимся и одним сильным ударом сбил Стаса на пол. Стас упал на правый бок и успел подумать, что первый же тычок в раненое плечо добьет его окончательно...

И в это время наверху слышался страшный шум. По полу застучали

и запрыгали большие куски лепнины. А потом раздался грохот и скрежет, словно по потолку тащили огромный кусок железа. И вслед за этим сверху опять что-то посыпалось.

– Потолок рушится! – тут же завопил коренастый. – Слышь, Вовик, валим отсюда! Быстро!

И он бросился к выходу. Второй поджигатель кинулся следом.

Через пару мгновений на улице взревел мотор машины – и вскоре стих где-то вдаль. Ночной переулочек опять погрузился в сонную тишину.

А Стас, который был даже не в силах встать, испуганно прижался к стене. Все, если потолок осыпается, – это конец. Сейчас все рухнет на голову, и он, Стас, окажется погребенным под обломками...

И тут его словно обожгло. Таня! Она же осталась где-то в доме... Стиснув зубы, Стас заставил себя подняться на ноги и бросился искать ее. Но девочки нигде не было. Куда же она ухитрилась спрятаться?

– Таня! – закричал он во весь голос, позабыв об осторожности. – Танечка! Где ты?

– Не кричи. Я здесь... – послышалось откуда-то сверху.

Стас взлетел на второй этаж и наконец увидел девочку. Она спускалась по полуразрушенной лестнице.

– Бежим отсюда! – крикнул он. – Осыпается потолок, дом может вот-вот рухнуть. Скорее, Таня, скорее...

– Да успокойся, ничего тут не рухнет, – невозмутимо ответила девочка.

– Разве ты не слышала этот грохот? Сверху все сыпалось и гремело... – изумился Стас.

– Конечно, слышала, – победно усмехнулась Таня. – Я сама этот грохот и устроила.

– Как это? – оторопел Стас. Он ничего не мог понять.

– Ну, ты начал с ними драться, а я побежала наверх и стала бросать в дыру на полу куски лепнины... Там их полно. А потом стала играть на плохой стороне рояля. Ты же слышал, как он грохочет, неужели не узнал звук? Вот я немножко поиграла, немножко этих кусков в дыру побросала – и опять за рояль. Правда, получилось похоже на обвал?

До Стаса наконец дошло.

– Так это ты такой грохот устроила? Ну, Танька! Ну, молодец! Этих парней как ветром сдуло!

– погоди, – остановила его Таня, – там горит!

Действительно, они совсем забыли, что поджигатели успели запалить огонь в углу. Теперь пламя бушевало уже вовсю.

Стас и Таня бросились тушить пожар. Стас сорвал с себя пальто и

начал хлестать им по огненным языкам. А Таня притащила из их комнаты весь запас воды в пятилитровых бутылках и щедро плеснула водой на пламя. Затем она принялась бегать на улицу, где собирала лежащий кое-где небольшими кучками снег, и тоже кидала его на огонь. Холл заполнился дымом и паром. Стас и Таня кашляли, задыхались, глаза у них слезились, но они продолжали сражаться с пламенем, используя пальто и одеяло.

Наконец пожар был потушен.

Пошатываясь от усталости, они вернулись в свою комнату и обессиленные так и упали перед камином. Посидев немного, Таня зажгла свечку и достала пакетик с лекарствами.

– Надо твою рану посмотреть, – деловито проговорила она. – Да и лицо у тебя все в крови, давай я тебе ссадины смажу. И у меня тоже все руки ободраны, – пожаловалась она.

Действительно, у Стаса сочилась кровь из носа, и была рассечена кожа на виске. А уж про раненое плечо, которому досталось и от драки с поджигателями, и от яростной схватки с огнем, можно было и не упоминать.

И вновь маленькая сестра милосердия заботливо оказала ему медицинскую помощь, перебинтовала его рану, смазала йодом сначала его ссадины, а потом свои пальцы. После чего они посмотрели друг на друга и неожиданно расхохотались. Оба были перепачканы сажей, лица в разводах йода, одежда обгорела... Жуть, да и только! Кто увидит – испугается до смерти.

– Жалко, что мы выглядели не так, как сейчас, когда они только пришли, – хихикала Таня. – Тогда они бы убежали сразу же, как только на нас взглянули. И нам не пришлось бы тушить пожар.

– Представляешь, Тань, я последний раз дрался в школе, в восьмом классе... Из-за девчонки, – признался Стас.

– Ну и как? Ты победил? – поинтересовалась снова Таня, убирая медикаменты в пакет.

– Н-у-у... – уклончиво протянул он. – Получилось что-то вроде вот этой драки... Наверное, можно сказать, что вышла боевая ничья.

– А кого выбрала девчонка? – лукаво поглядев на него, спросила Таня. – Тебя или того, с кем ты дрался?

– Ты не поверишь, – усмехнулся Стас. – Ей было наплевать на нас обоих. Мы только потом узнали, что она в то время уже давно встречалась с десятиклассником.

Они снова засмеялись. Напряжение постепенно отпускало. Мужчина и девочка сидели, укутавшись в уцелевшее тряпье, и смотрели в окно на

мирно спящий переулок.

Глава четырнадцатая

За четыре дня до Нового года

Это был уже четвертый мебельный магазин, посещенный за сегодняшний день Ильдаром. Из предыдущих Илька почти сразу же уехал с недовольной миной – ничего из имеющегося в наличии ассортимента даже и близко не напоминало то, что он собирался приобрести. В этом магазине, конечно, офисная мебель тоже показалась ему недостаточно роскошной, но, по крайней мере, тут хоть было на что посмотреть. Зато продавцы были ну просто полными идиотами. Когда девочка-консультант подлетела к нему с традиционным вопросом «Чем вам помочь?» и Ильдар снисходительно объяснил ей, что выбирает обстановку для кабинета президента компании, эта дурочка сначала не придумала ничего умнее, чем показать ему дешевенькое кресло за какие-то жалкие двадцать тысяч, сделанное только что не из кожзаменителя.

– Ты что, смеешься, что ли, надо мной? – возмутился Илька, кинув взгляд на ценник. – Ты мне еще пластиковую табуретку предложи. Я ж тебе русским языком сказал, что выбираю мебель для кабинета руководителя. У меня крупная строительная компания, одна из ведущих в Москве – а ты мне тут такое фуфло втюхать пытаешься!

Девчонка тут же устыдилась, опустила взгляд и, извинившись, пригласила его в другой отдел, где продавалось уже что-то более или менее приличное.

– Вот, пожалуйста, здесь мебель из Германии, Италии, Голландии, – защебетала она. – Учтите, что на экспозиции представлено далеко не все, с полным ассортиментом вы можете ознакомиться по каталогам. Какой стиль вас интересует – хай-тек, модерн или, может быть, классика?

– Не знаю, – цедил сквозь зубы Илька. – Я пока не определился.

– Тогда присаживайтесь, пожалуйста, вот сюда, посмотрите каталоги, – суетилась девчонка.

Ильдар опустился в одно из кресел экспозиции, имитирующей старинный кабинет – дерево, бронза, инкрустации, на массивном столе с тумбами и многочисленными ящиками письменный прибор с пресс-папье и хрустальной чернильницей. Райка обожает такой стиль, будь на то ее воля, она наверняка выбрала бы что-то подобное. Но тут слово за ним, и он, Ильдар, еще сто раз подумает, следовать ли ему Раисину вкусу. Может быть, предпочтет что-то более современное, скажем, минимализм. Когда кругом стекло и металл, минимум деталей и все блестит – это так круто...

Он оглянулся вокруг и не смог скрыть торжествующей улыбки. Настал

его час! Теперь он не просто смазливый любовник состоятельной дамочки, живая сексуальная игрушка, а уже без пяти минут владелец солидной строительной фирмы. Вот это действительно круто! Думая об этом, Ильдар, однако, совершенно не заморачивался такими деталями, как то, что он, собственно, станет с этой фирмой делать, как будет управлять ею, не имея ни малейшего опыта в подобных делах, и прежде всего, разумеется, как собирается заниматься строительством, если не имеет об этом никакого представления. Он не сомневался, что так-сяк, с помощью той же Райки, наверняка уладит эти вопросы. В конце концов, для того, чтобы работать, всегда существуют специально обученные люди, всякие менеджеры, наемные директора, консультанты и так далее. Вот пусть они парятся всеми производственными вопросами. А он, Ильдар, будет раздавать свои визитки с надписью «президент строительной компании», получать прибыль и жить в свое удовольствие. И наконец-то утрет нос и пообломает понты своему заносчивому братцу Ринату.

Илька был родом из небольшого городка в ближнем Подмоскowie, районного центра, из тех, которые в советские времена начали именовать городами-спутниками. Вроде бы и недалеко, совсем рядом со столицей – а не Москва. И в чем-то это самое промежуточное положение родного города перекликалось с натурой самого Ильки. Вроде бы он был весь из себя продвинутый и успешный – и в то же время как-то не совсем...

Семья, в которой их с братом угораздило появиться на свет, была самой что ни на есть обычной советской семьей. Мама – инженер-технолог на местной кондитерской фабрике, наполовину русская, наполовину украинка, отец – машинист, получуваш-полутатарин. В народе прочно бытует мнение, что дети у родителей разных национальностей бывают красивыми и способными, мол, чем больше в человеке понаmeshано кровей, тем ярче этот признак проявляется. В какой-то мере Илька с братом эту теорию подтвердили, однако, если можно так выразиться, поделили ее пополам. Потому что Ринат, который был старше своего брата на год и два месяца, броской внешностью не отличался, его можно было назвать лишь симпатичным парнем, не более того, но зато способностями обладал действительно недюжинными. С первого по одиннадцатый класс Ринат учился на одни пятерки, окончил школу с медалью и без особого труда поступил в один из самых престижных технических вузов – Бауманский университет. При этом он отнюдь не был ботаником или зубрилкой, совсем нет – просто хорошо работала голова. У младшего же, Ильдара, все было наоборот. Никаких особых талантов он никогда не проявлял, зато уже с детства был таким хорошеньким, что постоянно привлекал к себе

внимание. Когда мама или бабушка гуляли с ним, совсем маленьким, на улице, встречные женщины нередко останавливались и восклицали: «Ах, какой красивый ребенок!» В младшей школе Ильку уже всюду использовали там, где нужно было «поторговать лицом», будь то фотография из школьных будней для областной газеты или вручение цветов даме, баллотировавшейся на пост мэра города. К средним классам мальчишка совершенно привык к тому, что в него влюблены чуть ли не все девочки в округе, а в старших классах обнаружил, что на него поглядывают с интересом не только ровесницы, но и девушки постарше, и даже взрослые женщины. С одной из таких женщин, незамужней тридцатилетней соседкой с пятого этажа, Илька и приобрел свой первый сексуальный опыт, на тот момент ему было всего четырнадцать лет. С тех пор его познания в этой области постоянно и неуклонно расширялись. Приятели завидовали ему, умоляли рассказать подробности и просили советов, а Илька глядел на них свысока и в душе презирал своих сверстников. Для них, салаг, пределом мечтаний было поцеловать или, максимум, облапать девчонку – а он уже постиг с помощью своей взрослой наставницы чуть ли не все тонкости любовного искусства.

Годам к шестнадцати-семнадцати Илька смекнул, что секс – это не просто источник удовольствия, но и мощное оружие, которое, умеючи, можно неплохо использовать. Или, если выразиться по-другому, секс – это товар, который можно продавать с большой выгодой для себя. Ильдара откровенно потешало заблуждение, что секс нужен преимущественно мужчинам. Что за ерунда! Почти все женщины, и молодые девушки, и особенно зрелые дамы, не меньше, чем сильный пол, жаждут интимной близости. Просто у них это проявляется по-другому, им нужно упаковать секс в романтику, добавить нежных слов, страстных взглядов и охов-вздохов. Чуть напрягись, сделай это – и любая женщина мало того, что станет твоей, но еще и начнет плясать под твою дудку. Окончательно Илька убедился в правоте своей теории, когда проверил ее на директоре собственной школы, даме, которая уже подходила к пятидесятилетнему юбилею, но в глубине души еще не сумела распрощаться с юношескими грезами. Очаровать ее оказалось даже проще, чем думал парень, а наградой за его старания стал более чем приличный, без единой тройки аттестат – и это при том, что к одиннадцатому классу Илька уже окончательно забил на учебу. Так что можно было бы сказать, что в то время он был в полном шоколаде – если бы не отношение старшего брата. Ринат давно уже поглядывал на Ильдара с усмешкой, не упускал случая подколоть тем, что, кроме смазливой внешности, Ильке больше вообще похвастаться нечем, и

младшего брата это очень обижало.

После школы, чтобы успокоить родителей, а главное, отмазаться от армии, Илька поступил в первый попавшийся институт, но на занятиях почти не появлялся. У него появились иные, куда более важные заботы – срочно понадобились деньги. Семья их жила небогато, и родители, конечно, не имели возможности удовлетворять запросы сына, а Ильдару хотелось всего и сразу. Хотелось путешествовать, ездить на дорогой машине, модно одеваться, питаться в ресторанах и отрываться в ночных клубах. А почему бы и нет? В конце концов, при такой внешности он явно заслуживал лучшего.

Путь к своему восхождению Илька начал с того, что принялся окучивать ровесниц из состоятельных семей. Но очень скоро он понял, насколько сложен и сомнителен такой метод. Во-первых, богатые невесты пользовались большим спросом, за ними приударяли многие, а конкуренции Ильдар не терпел. Во-вторых, надежд на то, что дочка денежных родителей так влюбится в него, что станет оплачивать его прихоти просто так, за красивые глаза (глаза у Ильдара действительно были очень красивые), имелось не так-то много. Чтобы получить это, нужно было не только жениться, что еще можно было как-то пережить, но и попасть в кабалу к ней и, возможно, ее семейству. А к этому Илька совсем не стремился, ему хотелось жить на полную катушку и наслаждаться своей свободой. И тогда он выбрал для себя другую дорогу – сделался альфонсом. Конечно, это тоже было непросто, требовалось все время работать над собой. Повторяя вслед за кинозвездой Любовью Орловой «красота – это моя профессия», Ильдар постоянно и очень тщательно следил за своей внешностью, не вылезал из бутиков, соляриев и бассейнов, тратил кучу денег на стилистов и персональных тренеров и не менее раза в сезон посещал стоматолога. Однако только сохранением товарного вида он не ограничивался, а постоянно самосовершенствовался и в других областях – посещал специальные тренинги, постигая искусство нравиться, штудировал популярные пособия по психологии и сексологии, и даже когда смотрел кино, особенно мелодрамы и эротику, относился к фильму, как к учебнику, из которого можно почерпнуть какой-нибудь новый удачный приемчик. Все это было нелегко – зато приносило очень хороший доход. Зрелые женщины, большинство из которых были заняты бизнесом или имели высокопоставленных мужей, не скупилась, оплачивая его услуги, но при этом обычно и не покушались на его свободу. Раиса Ветрова была первой, кому Ильдар разрешил предъявлять какие-то права на его прекрасную особу, понимая, что будет получать за это сполна. Так и

вышло. Банкирша была готова на все, только чтобы Илька оставался при ней – и он решил, что его это вполне устраивает. Тем более сейчас, когда она вот-вот подарит ему собственную компанию.

Идеей обзавестись своим делом Ильдар был обязан старшему брату. После окончания универа Ринат тоже подался в бизнес, открыл какую-то компьютерную фирмочку, занимавшуюся то ли «железом», то ли программным обеспечением. Обороты и доходы у Рината были мизерные, но это нисколько не мешало ему презирать младшего брата, которого он именовал не иначе как «содержанкой». В пику ему Ильдар и решил занять собственную фирму. Посмотрим, что запоет этот умник, когда узнает, что его брат стал владельцем «Объединенной Строительной Компании»...

Так и не решив, какая мебель лучше подойдет для обстановки его будущего кабинета, Ильдар набрал номер Раисы.

– Зайка, уже скоро три часа, я проголодался. Давай где-нибудь пообедаем?

– С удовольствием, котик, – отвечала та. – Я уже совсем скоро освобожусь. Чего бы тебе хотелось сегодня покушать и где?

– Не знаю, я еще не решил, – капризно протянул он. – Надо подумать.

– Подумай, милый, и перезвони мне, скажи, что ты выбрал, хорошо? И я к тебе подъеду.

В отличие от Ильдара, который считал, что строительная компания у него уже практически в кармане, Раиса второй день была буквально сама не своя. Ее столь остроумно задуманная и столь удачно начатая интрига вдруг забуксовала, дала сбой – и Рая никак не могла понять, чем это ей грозит. Сорвавшийся арест Стаса никак не входил в ее планы. А что, если его так и не найдут? Получится ли у нее прибрать к рукам фирму, если один из ее владельцев так и не будет осужден за убийство второго? Устав теряться в догадках, Раиса назначила встречу своему прикормленному работнику прокуратуры, и тот заверил ее, что беспокоиться не о чем. Надо только чуть-чуть подождать. Шаповалов уже объявлен в розыск, его обязательно скоро найдут. Своим побегом он только сыграл им на руку, поскольку лишь ухудшил собственное положение. Теперь уже никто не будет сомневаться в его виновности.

Разговор этот несколько развеял сомнения Раи, но на душе все равно было беспокойно. Ждать не было сил, хотелось сделать все как можно быстрее. И дернул же черт этого проклятого Мишиного сыночка смяться из-под самого носа полицейских!

«А с другой стороны – что такого страшного произошло? – думала Раиса в то время, как «Бентли» мчал ее по Новому Арбату в сторону

делового центра «Москва-Сити», где в одном из ресторанов башни «Федерация» дожидался Ильдар. – Ну, сбежал Стас – так и на здоровье. Обвинения-то с него это не снимает, даже наоборот. Так что, как ни крути, а «Объединенная Строительная Компания» уже осталась без хозяев. И есть ли смысл ждать? Если Стаса так и не найдут... А вполне могут не найти, если он драпанул куда-нибудь в свою любимую Европу и хорошенько там заныкался... Если его так и не найдут, то хоть через год, хоть через пять ситуация ничем не будет отличаться от сегодняшней...»

Пройдя сквозь вращающиеся зеркальные двери в холл небоскреба, Раиса поднялась в скоростном лифте, почему-то вызывающем у нее ассоциации с космической ракетой, на самый верх – шестьдесят второй этаж, где располагался выбранный на сегодня ее любовником ресторан. Ильдар был уже здесь, сидел за столиком у окна и наслаждался видом приукрашенной к Новому году столицы с высоты птичьего полета. Рая же постаралась сесть спиной к окну – на такой высоте ей было немного не по себе. Илька знал эту ее особенность и не упустил случая подшутить:

– Знаешь, зайка, я вот тут всерьез подумываю – а не купить ли нам с тобой здесь квартиру? – игриво поинтересовался он. – Где-нибудь повыше... По-моему, это было бы круто. Говорят, тут просто замечательные апартаменты...

– Ни за что! – тут же попалась на его удочку Рая. – Да я с ума сойду – жить на такой высоте...

Ильдар довольно засмеялся, а Раиса досадливо поморщилась, понимая, что любовник ее просто разыграл. Но обижаться на него она не стала, и когда официант, приняв заказ, отошел от их столика, уже напрочь забыла о его дружеской подколке.

– Ну и как продвигаются дела с моей фирмой? – спросил он, разваливаясь на стуле и принимая очень эффектную позу.

– Пока ничего сказать не могу, – покачала головой Рая. – Ты же знаешь, что Шаповалов, ну, тот, которого должны обвинить в убийстве, сбежал.

– Ну так ты найди его, – пожал плечами Илька. – Разве тебе это трудно? При твоих-то возможностях?

– Найти его? – задумалась Раиса. – А знаешь, котик, пожалуй, ты прав. Надо и впрямь заняться его поисками самой. А то менты могут неизвестно сколько провозиться...

– Вот именно. Провозятся неизвестно сколько – и все без толку.

Ильдар дождался, когда официант, принеся им закуски, отошел подальше, и подмигнул Рае:

– А когда ты найдешь этого Шаповалова, ты сделаешь так, чтобы он нам больше никогда не мешал. Правда, зайка?

– Ну да, я уж, так и быть, передам его ментам прямо в руки, – кивнула она.

Но Илья покачал головой:

– Нет, ты меня не поняла. На фиг ментов. Надо убрать его по-тихому – и всего делов.

– Ты так считаешь, котик? – Раиса задумалась на минуту, но потом решительно покачала головой. – Нет, мне кажется, это лишнее. Как тихо ни убирай, как тело ни прячь, все равно есть опасность, что рано или поздно эта история всплывет. И тогда начнется разбирательство – кто мог его почикать, зачем да почему... Нам совершенно не нужно эту воду мутить. Наоборот, в наших интересах, чтобы он поскорее попался ментам. Улики простив Стаса несокрушимые, да и прокурор мой постарается, чтобы на суде ни у кого даже сомнений не возникло, кто заказал Жданова. Разумеется, тот, кому Андрей мешал продать фирму и свалить в свою Швейцарию или куда он там рвался – кто же еще? Так что убирать мы его не будем. А вот поищем обязательно.

Придя к такому выводу, Рая умолкла и занялась своим салатом. На самом деле это и не салат был даже, так, кучка ничем не заправленных сырых овощей. Сейчас бы вместо этого – да бульону с пирожками и жареной картошки!.. Да нельзя, за последнюю неделю она уже и так поправилась почти на килограмм, а тут еще праздники на носу... Надо держать себя в руках, пока есть возможность. Она вновь подняла глаза на Ильюку и увидела, что его лицо приняло недовольное выражение.

– Опять неизвестно сколько ждать у моря погоды... – недовольно протянул парень. – Я-то думал, что ты мне подаришь эту компанию к Новому году.

– Котик, ну ты же понимаешь, что это невозможно, – Рая развела руками, в одной из которых была зажата вилка, а в другой нож. – Нужно подождать некоторое время. Сейчас я все равно еще не могу заявить какие-то права банка на фирму. Максимум, что я могу сделать – это напомнить им о взятых у меня кредитах. В нынешнем положении их, конечно, никто не сможет отдать... И это станет первым шагом на пути «Объединенной Строительной Компании» к банкротству. А дальше...

– Ладно, зайка, хватит об этом, – отмахнулся Ильдар. – Ты же знаешь, что все эти подробности твоей кухни мне совершенно неинтересны. Я хочу знать только то, когда же наконец стану владельцем «ОСК».

– Ну, точной даты я пока тебе никак назвать не могу... – улыбнулась

Раиса.

– А раз не можешь, значит, и нечего об этом говорить, – Ильдару было досадно, что приобретение новой игрушки, которая, как ему казалось, уже лежала у него в кармане, теперь откладывается на неопределенное время. Но он не стал показывать свое недовольство Райке – изменить-то она все равно ничего не могла. – Давай тогда лучше поговорим о том, куда поедем отдыхать. Ты не находишь, что мы очень давно никуда не выбирались?

Глава пятнадцатая

За три дня до Нового года

В то утро, которое, как и вчерашнее, совсем не предвещало беды, Стас и Таня вновь проснулись поздно. Что, впрочем, было совсем неудивительно после столь тревожной ночи. У Стаса пережитые волнения, драка с поджигателями и тушение пожара отняли почти все едва только начавшие восстанавливаться силы. Он долго не мог уснуть, все ворочался на разъезжающихся в разные стороны картонках, тщетно пытаясь найти удобное положение, в котором не болело бы вновь разрывшееся плечо. И когда очередным серым тусклым утром Стас снова открыл глаза, то почувствовал себя очень слабым и совершенно разбитым. Это отметила и Таня, которая сегодня тоже не торопилась подняться со своего топчана.

– А я специально пока на работу не ухожу, жду, когда ты проснешься, – сообщила девочка Стасу. – Хочу при дневном свете твое плечо посмотреть. Беспокоюсь я за него после вчерашнего...

– Да ладно, было бы о чем беспокоиться, – Стас с деланой беспечностью махнул здоровой рукой. – Не бери в голову.

– Нет, я все-таки посмотрю! – настаивала она. – Давайте, больной, хватит валяться, идите умываться и поскорее возвращайтесь к дежурной медсестре на процедуры.

– А может, не надо? – Стас придал своему лицу то самое выражение, которым прославился кот из популярного мультика о великане Шреке. – Очень уж неохота раздеваться при такой холодине...

– Надо, Федя, надо! – отвечала Таня цитатой из другого, не менее известного и популярного фильма. – Возражения не принимаются. А кто будет капризничать, тот не получит завтрака.

Демонстративно громко вздохнув, Стас с видом покорности судьбе поплелся в туалет. А про себя подумал, что, наверное, со студенческих лет ему не доводилось общаться с кем-то из близких в такой вот легкой шутливой форме. Ни с мамой, которая с возрастом отчего-то полюбила вести себя как чопорная аристократка викторианской эпохи, ни с большинством его нынешних друзей. И уж тем более с Олесей, которая

была уверена, что любовь женщины к мужчине должна выражаться исключительно в сюсюкании и употребляемых в дело и не в дело уменьшительно-ласкательных формах слов вроде «масик», «денежки» и «постелька». А с Таней, этой несчастной маленькой девочкой, которая умела радоваться жизни значительно лучше, чем он, состоятельный и успешный взрослый человек, ему было на удивление легко и приятно. С ней можно было и подурачиться, и поговорить о вещах, которые его интересовали, и даже поиграть на рояле. При воспоминании о рояле Стас тоже чуть повеселел и решил, что надо предложить Тане сегодня немного помузицировать.

Вернувшись в комнату, он мужественно вытерпел медицинскую экзекуцию и вместе с Таней порадовался, что дела обстоят не так уж плохо – по счастью, раненое плечо пострадало вчера меньше, чем это могло быть. Потом они поели, на столе, как всегда, были бутерброды из булочек с маленькими кусочками ливерной колбасы. Стас назвал их «наш традиционный английский завтрак», и эта незатейливая шутка почему-то очень рассмешила Таню. Вот только без остатков вскипяченной с вечера воды, которая обычно заменяла им утренний кофе, сегодня пришлось обойтись. Вся имевшаяся в доме жидкость, включая питьевые запасы, ушла на тушение ночного пожара.

– Ты уж потерпи как-нибудь, ладно? – попросила Таня. – А я сегодня после работы обязательно принесу попить, у меня денег хватит. И за водой мы с тобой тоже сходим...

– А может, ты не пойдешь сегодня на работу? – предложил Стас. – Все-таки у нас такая ночь была трудная, надо же отдохнуть. А мы бы с тобой днем слазили в мезонин и поиграли на рояле?

– Как я вчера, да? – захихикала девочка.

– Нет уж, – горячо возразил он, не удержавшись, однако, от улыбки. – Мне впечатлений от вчерашнего грохота и «обвала» надолго хватит. Сегодня давай обойдемся без этого. Просто поиграем.

Но Таня покачала головой:

– Нельзя, Стас. Я сама с удовольствием осталась бы дома, но нельзя. Сейчас ведь праздники, люди едут в центр за покупками, на распродажи... Я в такие дни обычно хорошо зарабатываю. Я, наоборот, сегодня собираюсь подольше постоять. А потом еще к Мадине зайду.

– Кто такая Мадина? – поинтересовался Стас, жуя булочку уже просто так, без колбасы, которая давно закончилась.

– Женщина, у которой я вчера пиццу покупала, – объяснила Таня. – Она в этой палатке недавно работает. Мадина сказала, чтобы я зашла к ней

вечером, когда хозяйина не будет – тогда она, если получится, даст мне какой-нибудь еды бесплатно. Правда, это было бы здорово?

– Да, неплохо бы, – согласился Стас, но без особого энтузиазма. От мысли, что он вновь останется один в этих стылых развалинах, на душе стало совсем тоскливо.

Таня ушла, а для него вновь поползли долгие, ничем не заполненные, бессмысленные часы одиночества. Когда-то в далеком детстве у Стаса была красочная книжка с пословицами, где на каждой странице было по поговорке, а к ней – иллюстрация на весь лист. «Скучен день до вечера, коли делать нечего», – гласила одна из пословиц. Что было нарисовано на той картинке, Стас уже за давностью лет не помнил, но сама пословица последнее время то и дело приходила ему на ум. Раньше он вообще не знал, что такое скука, все время был чем-то занят, не бизнесом, так сопутствующими делами. Если он был не в офисе, не на объекте и не на переговорах, то постоянно ездил на какие-то встречи, тусовки и светские мероприятия, где человеку его статуса появляться просто необходимо. Стас вечно бывал так занят, что с трудом выкраивал время на отдых, путешествия или занятия любимым делом, например, на музыку, кино или книги. Теперь казалось, что все это было словно бы и не с ним. За последние несколько дней, проведенных в грязных обшарпанных стенах полуразрушенного особняка, в его душе поселилось стойкое впечатление, будто прежней его жизни и не было совсем. Не было бурных годов учебы в Оксфорде, не было размеренных благополучных лет жизни и работы в Швейцарии, не было даже последних трудных месяцев после смерти отца, когда Стасу пришлось принять на себя ответственность за его осиротевшую компанию и начать осваивать новое, непривычное дело, в новых, непривычных условиях ведения бизнеса. Все это словно ушло в далекое прошлое и уже готово было порости быльем. Нынче существовали только окружавшие Стаса развалины и самые простые, на уровне примитивных потребностей, желания – есть, пить, хоть немного согреться и принять удобную позу, в которой меньше будет болеть разрывшееся плечо.

Сегодня Стас и впрямь неважно себя чувствовал, поэтому ему вообще ничего не хотелось делать. Не хотелось искать себе хоть какое-нибудь занятие (а именно так он и коротал время все предыдущие дни, поджидая, когда вернется Таня, принесет еду и можно будет разжечь камин), не хотелось бродить по особняку, даже думать ни о чем не хотелось. Единственное дело, которое он сделал сегодня за весь день, – это вышел во двор и некоторое время рылся в строительном мусоре, пока не нашел

именно то, что искал – обрезок арматуры длиной около полуметра. После вчерашнего внезапного нашествия поджигателей, заставшего его абсолютно врасплох, хотелось обзавестись хоть каким-то оружием. Стас принес арматуру в комнату и положил около камина, чтобы, на всякий случай, всегда была под рукой.

Затем, промаявшись несколько часов от безделья, Стас улегся на Танин матрас, завернулся в одеяло и уснул. Иногда он просыпался, с трудом разлепляя веки, осматривал комнату, догадывался, что, видимо, еще рано, поскольку Таня пока не пришла, и снова забывался сном.

Когда он наконец совсем проснулся, в комнате уже царил густой мрак. Конечно, это еще ни о чем ни говорило, конец декабря – самое темное время года, дни в этом месяце совсем короткие и темнеет рано, чуть ли не в четыре часа. Но Стас уже научился чувствовать время, не имея возможности посмотреть на циферблат, – и оттого догадался, что сейчас давно наступил вечер. Число прохожих за окном, и днем-то невеликое, сильно сократилось, машины тоже проезжали по переулку нечасто, небо уже приобрело густой, почти черный, а не синий сумеречный цвет. Обычно они с Таней в это время уже начинали топить камин, но сегодня девочки до сих пор не было дома. Конечно, Стас помнил ее предупреждения – Таня хотела в предпраздничный вечер поработать подольше, а потом еще собиралась зайти за едой – но все равно на душе стало немного тревожно. Мало ли, что может случиться в большом жестоком городе с маленькой и, по сути, совершенно беззащитной девочкой! Таню могли забрать в полицию, она могла попасть под машину, на нее могли наехать взрослые бомжи, которые сочли, что она покушается на их территорию... Против его воли в сознании Стаса стали возникать картины одна страшнее другой. Он начал не на шутку волноваться. Что греха таить, конечно, Стас понимал, что в сложившихся обстоятельствах его жизнь напрямую зависит от присутствия рядом Тани. Без ее помощи, без перевязок, без еды, которую она приносит, он просто загнется через несколько дней от голода и холода. Но все-таки он беспокоился не только о собственной шкуре. Совсем не безразлично Стасу было и благополучие Тани, этой удивительно стойкой девочки, с которой так несправедливо обошлась судьба – но которая сумела, несмотря на все выпавшие на ее долю невзгоды, сохранить в сердце и доброту, и талант радоваться жизни, и умение понимать прекрасное.

Текли мучительно долгие минуты ожидания – а Тани все не было и не было. Стас обратил внимание, что в нескольких окнах дома напротив уже начали гасить свет. Неужели уже так поздно, что люди ложатся спать? Где

же Таня, почему не возвращается так долго? Не решаясь без нее даже зажечь свечу, Стас только ходил из угла в угол по темной комнате, точно дикий зверь, очутившийся волею судеб в клетке зоопарка. Как жаль, что из окна не видно входа в особняк! Даже то, как девочка идет по переулку, из него не видно, потому что Таня движется всегда с другой стороны, от Тверской.

В очередной раз Стас приблизился к окну в тщетной надежде высмотреть появление Тани – и вдруг ему показалось, что за стеной кто-то негромко вскрикнул. Он прислушался – нет, вроде тихо. Однако на душе стало еще беспокойнее. Постояв немного, Стас уже хотел отойти от окна – и тут с улицы снова раздался крик. Сомнений не было – это кричала Таня. Голос был ее. Что именно она кричала, Стас не сумел разобрать, но ему показалось, что она зовет его по имени.

Вмиг забыв о том, что боится покидать пределы особняка, Стас схватил так вовремя припасенный сегодня обрезок арматуры и со всех ног ринулся на улицу. Ради спасения девочки он готов был бы выбежать даже на шумную, ярко освещенную Тверскую и схватиться с целой армией. Но ни того, ни другого не потребовалось. Таню он увидел сразу же, едва проскользнув через лаз – она лежала прямо на земле, в двух шагах от забора. А на нее навалилась, пытаясь сорвать с нее одежду, темная мужская фигура. Девочка отбивалась, как могла, но силы были явно неравны.

– Пусти! Пусти! Стас! Помогите! – кричала Таня.

– Заткнись, сука, а то порежу! – хрипел насильник.

Не помня себя, Стас коротко взревел, бросился на парня и пинком отшвырнул его от девочки. Тот явно не ожидал нападения, да еще такого активного, отлетел в сторону, но тотчас вскочил на ноги. Лицо его, совсем молодое, еще безбородое мальчишеское лицо, исказилось звериной злобой.

– Убью, сука! – заорал он и кинулся на Стаса. Тот успел заметить блестящее в свете фонаря лезвие ножа и приготовился к бою. С силой ударив отморозка по руке арматурой, Стас выбил у него оружие. Парень взвыл, нож со звоном отлетел куда-то далеко в сторону. Не давая противнику опомниться, Стас снова замахнулся арматурой, хотел попасть по голове, но насильник увернулся, и удар пришелся ему по спине. Впрочем, и этого оказалось достаточно. Парень упал, Стас тут же подскочил к нему и принялся пинать ногами поверженного врага. Он вообще не соображал, что делает, перед глазами стояло красное марево, а душу вдруг захлестнула какая-то нечеловеческая первобытная ненависть. Стас избивал этого отморозка с такой силой, точно мстил ему за все несчастья, словно только этот парень и никто другой был виновен во всех

невзгодах, свалившихся на него... На него и на Таню.

И снова взлетела вверх арматура и уже готова была опуститься на голову лежащего, но движение руки внезапно остановил крик девочки:

– Стас, что ты делаешь? Прекрати! Ты же убьешь его!

– И поделом! – прохрипел Стас, но Таня уже повисла на нем всем телом и этим все-таки предотвратила удар, который, весьма возможно, мог сделаться смертельным.

Тяжело дыша, Стас прислонился спиной к забору. Всплеск адреналина, ударивший в его мозг и практически полностью отключивший сознание, понемногу стал стихать, и теперь Стас чувствовал себя совершенно измотанным и невероятно усталым. Таня тем временем бродила вокруг него, собирая уроненные вещи – пачку газет, несколько разломанных картонных коробок, два пакета и бутылку с водой. Все это она просунула через лаз внутрь двора, видимо, для сохранности, после чего подошла к лежащему на земле парню и наклонилась над ним:

– Ты жив?

Тот зашевелился, промычал что-то невнятное, потом встал на четвереньки и с трудом, медленно поднялся на ноги. Вид у него был ужасный, лицо разбито, но стоял отморозок, почти не шатаясь, так что, видимо, серьезно он все-таки не пострадал. Увидев Стаса, который снова сжал в руке арматуру, парень сначала попятился, но, поняв, что больше его бить не будут, сплюнул, выругался, покачиваясь, пошел прочь и вскоре исчез из виду. Таня и Стас проводили его взглядом, затем посмотрели друг на друга и молча полезли в лаз.

– Ну, ты даешь... – только и сказала Таня, когда они оказались в своей комнате. – Я даже представить себе не могла, что ты можешь быть таким.

– Я тоже не мог себе такого представить, – буркнул в ответ Стас. – Ты как? Что он успел с тобой сделать? Он бил тебя? Где болит?

– Нигде не болит, не волнуйся за меня. – Таня очень нежно погладила его по руке – по грязной рабочей перчатке, которую недавно сама же нашла для него. – Со мной все в порядке, я только испугалась очень. И как он так подкрался?.. Наверное, шел за мной откуда-то, а я даже и не заметила.

Она развернула один из своих пакетов, заглянула в него и сказала уже с настоящим огорчением:

– Вот только жаль, что пицца остыла... Я так хотела ее теплой донести! Представляешь, Мадина не обманула, действительно дала мне один кусок бесплатно. А второй я у нее купила. Я сегодня опять так хорошо заработала, почти сто рублей! Вот всегда бы так...

Они уже успели сходить за водой и развести огонь в камине, а Стас все

никак не мог успокоиться.

– Зря ты все-таки меня остановила, – говорил он, подбрасывая очередную ножку стула в камин. – Ей-богу жалею, что не убил этого звереныша. Это каким же отморозком надо быть, чтобы наброситься на ребенка...

– Я уже не ребенок, Стас, – с тихим вздохом возразила Таня.

– Да как же это не ребенок? Тебе всего двенадцать лет.

– А тогда было одиннадцать... – еле слышно проговорила девочка, не отрывая взгляда от разгорающегося в камине пламени.

– Когда это «тогда»? – не понял он.

– Когда я в детский дом попала...

Недавно, слушая рассказ Тани о ее родном доме и гибели ее родных, Стас подумал, что ничего страшнее и быть не может. Но оказалось, что в тот раз девочка поведала ему далеко не все. Оказалось, что был в ее жизни еще один, не менее жуткий эпизод, о котором она, по собственному признанию, еще ни разу никому не говорила. Просто не могла, вспоминать об этом было выше ее сил.

После смерти Таниных родителей друзья и знакомые семьи, которых у Кузнецовых имелось немало, были против того, чтобы девочку отдавали в детский дом. Одна из маминых подруг, тетя Даша, собралась взять Таню к себе и всерьез занялась сбором и оформлением документов на ее удочерение, но у нее так ничего и не получилось. Тете Даше и ее мужу отказали на том основании, что у них низкая зарплата и слишком маленькая, всего лишь двухкомнатная квартира. И Таню отправили в приют.

– Чушь какая-то! – возмутился в этом месте рассказа Стас. – Я понимаю, что можно отказать, если усыновить ребенка хотят какие-нибудь алкоголики или наркоманы. Но если нормальные люди готовы воспитывать ребенка своих погибших друзей, я не понимаю, почему им это запрещают...

– Я тоже раньше не понимала, – отвечала Таня с той интонацией, с которой она всегда говорила на «взрослые» темы. – Но мне в приюте ребята объяснили. Отправлять сирот в детский дом – это бизнес. И очень выгодный.

– То есть как это – бизнес? В каком смысле?

– А в таком, что на каждого нового ребенка государство выделяет приюту большие деньги. И руководители детских домов этим пользуются. Конечно, им выгодно, чтобы детей в детдоме было как можно больше. Я, пока была в приемнике-распределителе, столько всего об этом

понаслушалась... Оказывается, у нас в стране бывают случаи, когда детей силой забирают даже из нормальных семей, у живых родителей, под какими-то нелепыми предложениями – и отдают в приют. Например, одна девочка рассказывала, что знала мальчика, на родителей которого соседи написали донос, что они плохо обращаются с сыном. К ним приехали, забрали мальчика и увезли его в детский дом, даже не разобравшись что к чему. Правда, это не в Москве было, а в каком-то другом городе, я забыла в каком...

– Ужас, – покачал головой Стас. – Просто трудно даже поверить в такое... Но ты начала рассказывать о себе. Что было с тобой дальше? Ты ведь все-таки попала в детский дом, насколько я знаю?

– Да, попала, – мрачно кивнула Таня.

Она действительно оказалась в приюте и провела там несколько дней. Но даже такого короткого времени ей хватило с лихвой. После пожара девочка осталась без документов и поэтому (а может быть, и по каким-то другим причинам, Тане, разумеется, никто не счел нужным ничего объяснить) ее отправили не в городской детский дом, а в подмосковный, чуть ли не за сто километров от МКАДа. И там она увидела всю картину блеска и нищеты приюта. Блеска – потому что директор разъезжал на новенькой иномарке, в его кабинете стояла мягкая мебель, навороченный компьютер и плазменная панель. А в нищете, в тесных, холодных, давно не отремонтированных комнатах, жили дети, которые ходили в обносках и ели впроголодь. Но самым страшным было не это. А то, что на второй же день ее пребывания в приюте директор, толстый лысый дядька, от которого пахло спиртным и гнилыми зубами, вызвал Таню в свой роскошно обставленный кабинет и жестоко изнасиловал, а потом еще заставил взять тряпку и смыть за собой кровь с дорогого кожаного дивана. А когда рыдающая Таня, всхлипывая, сказала ему, что заявит на него в милицию, директор только засмеялся. И ответил, что в милиции у него все куплено, ее там никто и слушать-то не станет. «Так что не вздумай вякать! – сказал он, выпроваживая девочку из кабинета. – Будешь хорошо себя вести и слушаться меня во всем – будешь хорошо жить и есть досыта. А начнешь кобениться – отправлю работать проституткой на станцию. Поговори с девчонками в палате, они тебе расскажут, как это...»

Той же ночью Таня сбежала...

Стас слушал все это с ужасом, он даже лицо руками закрыл, настолько тяжело ему было воспринимать рассказ о подобной дикости и осознавать, что все это происходит не на страницах книги и не на экране... А в реальной жизни, с человеком, который сидит напротив него. С той

маленькой девочкой, к которой он успел так привязаться за несколько дней. Слов не было, в бессильной злобе он только мог ударить кулаком по стене, да так, что сверху посыпались остатки штукатурки.

Таня взглянула на него и испугалась:

– Стас! Стас, что с тобой? Ты плачешь?

Он отвернулся, чтобы не показывать слез, которые действительно выступили на глазах. Но девочка уже подбежала к нему, осторожно, стараясь не задеть больное плечо, обняла и стала гладить по голове.

– Ну что ты, что ты... – тихо шептала она. – Не надо так расстраиваться... Ты не принимай это так близко к сердцу! Все же прошло, теперь все хорошо... Эх, знала бы, что ты так расстроишься, не стала бы тебе рассказывать...

Глава шестнадцатая

За три дня до Нового года

Утро среды Сергей Головин начал с производственного совещания, на которое собрал всех своих ребят, потребовав явиться в контору ни свет ни заря, аж к восьми часам. Причиной такого аврала была идея, которую вчера неожиданно подал ему сынишка.

Вернувшись вечером с работы, Сергей зашел к Сашке в комнату и увидел, что тот сидит за компьютером и играет в очередную стрелялку, темный экран то и дело озаряют вспышки выстрелов.

Головин заглянул Сашке через плечо. Иногда, когда имелось свободное время, он любил немного понаблюдать за компьютерными играми сына, это казалось ему забавным. Бытует мнение, что люди, не раз побывавшие в настоящих переделках, крайне негативно относятся к виртуальным боям, их подобные развлечения раздражают, а то и растравляют душу. Однако Сергей не испытывал ничего подобного. Ему всегда удавалось четко разграничивать где игра, а где реальность, и не приходило в голову смешивать две эти вещи. Видимо, повезло, что Создатель наградил его здоровой психикой.

– Во что режешься? – поинтересовался Головин.

Сашка произнес в ответ какое-то длинное нерусское название, которое тут же вылетело у Сергея из головы, толком не успев влететь.

– И чего тут надо делать?

– Да как обычно – мир спасти, – отвечал одиннадцатилетний мальчишка.

– А, ну-ну...

Стоя за спинкой Сашкиного кресла, он любовался красивой графикой – панорамой средневекового города, по улицам которого бегали

устрашающего вида монстры. Сашка, играющий за героя от третьего лица, палил по ним из чего-то вроде базуки, монстры отвечали перекрестным огнем, кто из чего горазд.

– Ну держитесь, ща я вам задам!.. – повторял Сашка, изо всех сил лупя по клавиатуре. Вскоре все противники были побеждены, но последний, изловчившись, все-таки угодил в «спасителя мира».

– Это он тебя убил? – спросил отец, наблюдая, как Сашкин персонаж роняет оружие и заваливается набок.

– Не, только ранил, – беспечно отвечал сын.

– И что ты теперь будешь делать? – этот вопрос был задан просто так, машинально.

– А ничего. Отдохну где-нибудь в углу, наберусь сил – и опять в бой! Здоровье не только от бутылочек с лечилкой, но и от отдыха восстанавливается.

Сначала Сергей только усмехнулся – вот если бы в жизни все было так просто... А потом мысленно повторил про себя слова сына. «Ранен, отдохну где-нибудь...» А что, если?.. Что если и его шеф поступил так же, как персонаж Сашкиной компьютерной игры? К врачам Станислав не обращался, ни в одной больнице его нет, ни с кем из знакомых он тоже не связывался. Но где-то ведь он должен быть, живой или мертвый! Что если и правда отлеживается где-нибудь? Мало ли, что может в жизни произойти... Вот недавно они с женой сериал смотрели, там женщина раненого милиционера на улице подобрала и привела к себе домой. Выходила, а потом у них, как положено, любовь случилась...

Так что утром следующего же дня Головин потребовал всех ребят к себе и дал четкое задание: разделить на участки всю территорию в радиусе минимум километра от газетного киоска, где было совершено нападение на шефа, и прочесать частым гребнем. Осматривать все подвалы, чердаки, территорию вокруг гаражей, расспрашивать местных жителей, особенно вездесущих бабок и дворников. За ценные сведения обещать вознаграждение и не скупиться. Если кто-то что-то видел – вытрясти всю информацию до дна и сразу же доложить ему, Сергею, лично.

– Вопросы есть?

– Есть, – хмуро произнес бритый Виктор. – Я, честно говоря, не понял... Мы живого шефа ищем или?..

– Какого найдем, – буркнул начальник службы безопасности. Что греха таить, в его душу уже давно закрадывалась подобная мысль. Никак нельзя было исключить вероятность, что киллер догнал Станислава и все-таки добил его. Но даже если этого и не случилось, все равно было неизвестно,

насколько опасна рана Стаса. Как это ни печально, шеф вполне мог упасть где-то и умереть от потери крови или переохлаждения – все-таки зима на дворе. Памятуя об этом, Головин каждый день проверял информацию, поступавшую не только из больниц, но и из моргов. Пока ни одного похожего трупа обнаружено не было, но это, увы, ничего не значило.

Отправив ребят работать, Сергей, чтобы заполнить чем-то время ожидания, занялся своими обычными делами, которые совсем забросил за эти дни, и рутины накопилось предостаточно. Но не прошло и двух часов, как ему позвонил Юрий.

– Слушай, Серега, насчет телефонных звонков ты как в воду глядел, – сообщил он. – Действительно, на телефон посредника звонили именно с того номера, который ты мне вчера продиктовал. И именно в названное тобой время. Ни до и ни после ни одного звонка с этого номера больше не поступало. А только в шестнадцать пятнадцать и шестнадцать сорок девять двадцать восьмого октября. Как тебе удалось это вычислить?

– Именно в это время шефа угораздило посеять свой мобильный, – пояснил Головин. – А позже ему его вернули.

– Даже так? – хмыкнул Юрий. – Интересное получается кино... Это здорово меняет дело. Хотя, к сожалению, такие вещи хрен докажешь... Свидетель хоть есть?

– Есть, и не один.

– Ну, это уже лучше... Хотя все равно доказательство весьма хлипкое.

– Оно хлипкое, пока оно одно, – убежденно возразил Сергей. – Но когда у меня соберется целая обойма доказательств, оно вполне сможет занять место в их ряду.

– А что ты еще нарыл? – заинтересовался Юрка.

– Пока, к сожалению, ничего. Но уже есть кое-какие подозрения... Не переживай, как только что-то наработаем, ты будешь первым, кто обо всем узнает, – заверил Головин.

– Ладно, работай, – милостиво разрешил приятель. – Кстати, что бы там ни говорили, в моей конторе работают быстрее, чем в твоей. И потому у меня есть для тебя еще одна новость.

– Это какая же?

– Помнишь, я тебе рассказывал об убийстве Олеси Петуниной?

– Помню, – подтвердил Сергей, хотя на самом деле почти забыл об этом – слишком много было дел, которые представлялись еще более важными.

– Так вот, к общей картине добавился еще один важный момент. Прежде чем ее убить, девушке сначала прострелили колено.

– Понятно... – Сергей со злостью сжал подлокотник кресла. – Стало быть, киллер допрашивал ее, пытался вызнать, где Стас. А когда она ему об этом сказала – или не сказала, потому что скорее всего действительно не знала – пристрелил...

– Да, очень на то похоже, – согласился Юра.

– А что за парень, который был с Олесей?

– Какой-то ее приятель. Соседка видела в глазок, как они вместе приехали домой...

– ... а там уже дожидался киллер. Получается, мальчишка просто попал под раздачу.

– Да, получается так, – подтвердил собеседник. – Ну, у меня пока все. Звони.

Стоило Головину отложить телефон, как в дверь кабинета постучали и на пороге появился его заместитель с пачкой бумаг в руках.

– Сергей Александрович, тут, как вы и просили, информация о банке «Модус» за последние пять лет.

– Угу, спасибо. Здесь все? Ничего не упустили?

– Вроде ничего. Если только не считать сегодняшнего запроса...

– Какого именно?

– Сегодня Владимиру Петровичу звонила Ветрова.

– Вот как? Сама лично звонила? Это интересно...

Головин не поленился лично переговорить с заместителем Шаповалова, который остался исполняющим обязанности президента компании на время отпуска Станислава Михайловича, и узнал, что его разговор с банкиршей и впрямь заслуживал пристального внимания. Позвонив, Раиса Ивановна сразу же задала прямой вопрос – кто именно и как будет вести дела с ее банком теперь, когда обвиняемый в убийстве Жданова Станислав Шаповалов находится в розыске? Дела не терпят отлагательств, срок договора о кредитах, которые «Модус» предоставлял «ОСК», истекает в январе. Владимир Петрович, заместитель Стаса, был в курсе дела и, в отличие от многих сотрудников фирмы, знал, что его шефа подозревают в убийстве. Однако в разговоре с банкиршей он решил придерживаться той линии поведения, которую они совместно продумали всем руководством компании. И потому он разыграл удивление и спросил, откуда у Раисы Ивановны такая странная информация. Никто Шаповалова ни в чем не подозревает, и ни в каком розыске тот не находится, а преспокойно отдыхает себе в Европе, кажется, в Париже, куда уехал на праздники. Как только он вернется, то, конечно, обязательно свяжется с Ветровой и решит все вопросы. Услышав подобное заявление, банкирша

сама в свою очередь очень удивилась, торопливо скомкала разговор и распрощалась.

– Откуда она узнала, интересно? – задумчиво проговорил Сергей, выслушав коллегу.

– Ну, слухами земля полнится, – пожал плечами Владимир Петрович. – А шило, как известно, в мешке не утаишь.

Однако Головин никак не мог согласиться с предположением, что дело тут лишь в быстро распространившихся по Москве сплетнях. Разговоры, конечно, были, люди звонили, намекали, осторожно интересовались... Но все как-то вскользь, не напрямую. А Ветрова, судя по словам Владимира Петровича, говорила об обвинении в убийстве как о широко известном и доказанном факте. Что однозначно давало понять – она не просто наводила справки, она владеет конкретной информацией.

Глядя невидящим взором в окно, на оживленное движение по Бульварному кольцу, Сергей грыз ручку и пытался свести воедино все собранные факты. Судя по банковским документам, если у «Объединенной Строительной Компании» начнутся проблемы – а в отсутствие обоих руководителей они начнутся наверняка, – у «Модуса» будут все основания и все возможности начать вмешиваться в дела их фирмы... Вплоть до того, что объявить ее банкротом. Или, скажем, прибрать к рукам за долги. Так что интерес Ветровой тут налицо. Это первое. Второе – деньги, переведенные со счета Шаповалова на счет киллера. Даже если на минуту допустить абсурдную мысль, что Стас действительно заказал Андрея и действительно заплатил убийце, вряд ли он стал бы делать это столь топорно. Ну, и, наконец, звонки с мобильного. То, что они были сделаны по телефону Станислава именно из банка, не оставляло никаких сомнений. Так что, как ни крути, все дороги вели в «Модус».

И вновь, в который уж раз за последнюю неделю, Головин набрал номер Юрия.

– Ты, наверное, уже от телефона шарахаешься, когда видишь на дисплее мое имя, – усмехнувшись, сказал он.

– Да ладно, братан, я ж все понимаю, – отвечал друг. – Говори, только побыстрее, я сейчас занят немного. Что у тебя?

– Юрка, погляди, пожалуйста, нет ли у вас, случаем, чего-нибудь на Ветрову?

– Кто такая?

– Владелица банка «Модус». Ветрова Раиса Ивановна. Как думаешь, может найтись в ваших закромах какая-то информация о ней?

– Да почти наверняка, – подтвердил Юрий. – «Модус» – один из

крупнейших банков. Просто не может быть, чтобы его хозяйка нигде не засветилась. Так что я перезвоню.

– Хорошо, жду.

Нажав кнопку отбоя, Головин снова вернулся к своим размышлениям.

Он уже почти не сомневался, что сумел ухватить кончик нитки, с помощью которой предстояло распутать весь клубок. Вопрос был только в том, как именно это сделать... Но Сергей знал, что рано или поздно сумеет решить эту задачу. Однако расслабляться было еще рано, слишком много других задач оставались нерешенными.

Во-первых, поиски шефа. Ребята в течение дня периодически выходили на связь, но никто ничего утешительного сообщить не мог, пара случайных зацепок, вселивших было в сердце надежду, при более внимательном рассмотрении оказались тупиками. Шаповалов как в воду канул.

Ну а во-вторых, Сергею никак не давал покоя человек в низко надвинутой на глаза шапке, стрелявший в Стаса из пистолета с глушителем. Скорее всего, этот же самый человек убил и Олесю. Из последнего можно было сделать вывод о том, что шефа киллер так и не нашел... Точнее, не нашел сразу. Но явно продолжал искать. И, разумеется, мог в любую минуту найти. И то, что простреленное им тело Шаповалова пока еще нигде не обнаружено, увы, ровным счетом ни о чем не говорит.

Конечно, сам факт, что за шефом охотится киллер, был крайне раздражающим моментом. Но больше всего Головина выводило из себя то, что он никак не мог понять, откуда этот киллер взялся. Кто мог заказать ему Шаповалова? Раиса? Так сказать, для надежности, не получится засадить, так убрать... Нет, никак не вяжется. Ей крайне невыгодно убивать Стаса, это сразу становится подозрительно. Одно дело – повернуть историю так, будто бизнесмен избавился от компаньона, который мешал ему продать фирму. В этом случае компания, когда организатора убийства сажают, действительно остаётся бесхозной и с ней можно делать всё, что угодно. И совсем другое – когда оба владельца становятся жертвами заказных убийств. При таком раскладе заявлять какие-то права на осиротевшую фирму просто опасно, сразу подставляешься. Нет, банкирша тут стопудово не при делах. Но кто же тогда заказал Стаса? Головин мучительно перебирал в уме всех возможных недругов шефа, ища подходящую кандидатуру. И не находил.

Юрий позвонил ему уже ближе к вечеру.

– Слышь, Серега, ты даже не представляешь, как тебе повезло! – заявил он. – Кто бы другой мне сказал, что в жизни бывают такие удачные

совпадения, я б ему просто не поверил. Но когда сам видишь все своими глазами...

– Юрка, ты о чем? – перебил, не выдержав, Головин.

– Да о Раисе твоей, о банкирше! Информации о ней нашлось полно, вплоть до интимных подробностей личной жизни. Представляешь, она, оказывается, совсем недавно была у нас в разработке по одному делу насчет... Впрочем, неважно, это все тебе не интересно. А интересно другое.

– И что же именно?

– То, что наша мадам постбальзаковского возраста питает сильную склонность к молодым мужчинам. Лет так до двадцати пяти. И сейчас у нее в фаворитах ходит некий Ильдар Камаев. Красавчик, двадцать четыре года, ясен пень, нигде не работает – но при этом не вылезает из бутиков и самых крутых ночных клубов, ездит на «Гелендвагене»...

– И это все? – разочарованно поинтересовался Сергей.

– Не совсем. Думаю, тебе не лишним будет узнать, что последнее время этот самый Камаев трубит на всех углах, что скоро станет крутым бизнесменом, так как его Райка-зайка вот-вот подарит ему крупную строительную компанию...

– Да ты что? – Головин даже приподнялся с кресла. – Неужели трубит на всех углах? Он что – совсем идиот?

– Ну, насчет всех углов я несколько преувеличил, – сознался Юрий. – Но несколько раз от него такую похвалу слышали. А ума у него, судя по всему, действительно немного, тут ты прав. Но при такой смазливой внешности можно и вовсе без мозгов обойтись, бабы все равно будут гроздьями на шее виснуть...

– А у тебя что, его фотка есть?

– Ну а как же? И фото, и адрес, и явки, и пароли. Все досье, честь по чести.

– Будь другом, пришли мне фото, – решительным тоном попросил Головин.

– Чего это ты вдруг красавчиками заинтересовался? – хохотнул в трубку Юрий. – А я-то всю жизнь думал, что ты у нас по другой части – по женской...

– Заткнись, чудило, – беззлобно ругнулся Сергей. – Я с этим Ильдаром встретиться хочу и по душам поговорить. Очень уж любопытно, откуда у него вдруг строительная компания возьмется. Так что не прикалывайся, а лучше дай наводку, где бы мне его найти, да поскорее.

– Ладно, – тут же перешел на серьезный тон Юрка. – Сейчас пришло,

проверяй почту минут через десять.

Распрощавшись с другом, Головин тут же вызвал к себе зама. Не очень-то хотелось отрывать ребят от поисков шефа, но поговорить с любовником банкирши тоже нужно было как можно быстрее. Впрочем, как подсказывала Сергею интуиция, разговор с красавчиком не должен был занять много времени.

Микроавтобус с охранниками службы безопасности «ОСК» пристроился у входа в пафосный ночной клуб в одном из Сретенских переулков. Сидевший за рулем Иван, по виду дуболом, с соответствующей внешностью и повадками, был прекрасным водителем и умудрился втиснуть наглухо затонированный микроавтобус между гламурной машинкой и солидным «Мерседесом» столь ловко, что между бамперами осталось от силы по сантиметру. При этом сделал он это с первой попытки. Сергей любил брать Ивана с собой туда, где требовалось создать впечатление грубой неконтролируемой силы. Иван столь виртуозно играл роль психопата с оружием, что Сергею иногда даже становилось не по себе.

Один из подчиненных Головина уже давно находился в клубе и незаметно наблюдал за вовсю отрывающимся Ильдарчиком. А тот, похоже, собирался провести за увеселениями всю ночь, совсем не рвался к своей престарелой Дульсинее и домой не собирался – чего нельзя было сказать о ребятах в микроавтобусе, которые с раннего утра сегодня были на ногах и прочесывали город в поисках пропавшего президента компании. Но, как они ни старались, поиски пока ни к чему не привели.

Наконец, часу уже в третьем пополуночи, рация на коленях Сергея ожила.

– Идет. На улицу выходит, – доложил наблюдатель. – Одежду не забирал, видимо, хочет поговорить по телефону.

Не дожидаясь команды, Иван выскользнул из автобуса. Когда было надо, эта двадцатикилограммовая туша могла двигаться стремительно и бесшумно. Он занял место около входа и попытался изобразить отчаянно скучающую физиономию. Ильдар показался в дверях. Следом за ним, практически вплотную, шел «боец» Головина, наблюдавший за ним в клубе. Как только Ильдар оказался на улице, представление началось.

Дверь микроавтобуса внезапно отъехала в сторону, Иван неуловимым движением забрал у Ильдара из руки мобильник, а идущий сзади парень отвесил красавчику столь мощный пинок, что тот буквально влетел в микроавтобус, угодив в отнюдь не дружественные руки поджидавших его ребят. Наблюдавший заскочил следом, закрыл дверь и помог надеть на голову Ильдара черный полиэтиленовый пакет. Машина в это время уже

набирала ход. Заняло это все от силы три секунды.

Ильдар попытался вырваться из удерживающих его объятий, но тут же получил увесистый шлепок по голове.

– Сломать тебе ребра, чтоб не рыпался? – Тон задавшего этот вопрос был весьма далек от искреннего дружелюбия.

– Что за дела, мужики, вы кто такие? – Ильдар перестал дергаться, но отчаянно замотал головой. – Пакет снимите, дышать нечем!

– А ты дыши помедленнее, а думай побыстрее, – посоветовал ему тот же голос. – Времени нет ни у нас, ни у тебя. Шеф, – обратился он к Сергею, – может, в лес его? В случае чего там же и закопаем.

Головин усмехнулся – «на устрашение» ребята работали отлично.

– Нет, в лес тащить далеко, а я спать хочу, – громко отвечал он. – Поехали на тринадцатый объект, там бетон заливают, если не договоримся, сделаем этого хлыща неотъемлемой частью фундамента. Ты же всегда хотел поучаствовать в строительстве Москвы, правда, Ильдарчик?

Ильдара била крупная дрожь. Парень, предложивший ему медленнее дышать, забеспокоился.

– Эй, ты не обоссись тут, а то я тобой полы вытирать буду!

Ильдар затих.

– Слушай внимательно, – обратился к пленнику Сергей. – Мы пока все помолчим, а ты подумаешь. Когда приедем, мы будем задавать вопросы, а ты будешь отвечать. Вот и думай пока, какую тему мы будем обсуждать и что мы хотим услышать. Понял?

Тот молча кивнул головой в пакете. Руки и колени у него дрожали, как при ознобе.

Через некоторое время микроавтобус остановился. Они действительно приехали на один из объектов «ОСК», где стройка была в самом разгаре. Ильдара выпихнули из машины и грубо поставили на ноги. Пакет свалился с его головы, и он увидел прямо перед собой большой плакат с надписью «Работы ведет «Объединенная Строительная Компания». Впрочем, долго осматриваться Ильке не дали, один из парней взял его за шиворот и толкнул вперед. Иван, успевший вылезти из кабины и сделать несколько шагов вперед, остановился, подобрал из кучи мусора обломок черенка от лопаты и демонстративно взвесил его в руке.

Вскоре вся группа оказалась в огромном пустом помещении, разделенном пополам множеством бетонных колонн, видимо, будущей подземной парковке. В середине стояли раскладной стол и стул, на который Сергей и уселся. Ильдар, с головы которого сняли пакет, остался стоять, хотя и было видно, что ноги держат его с трудом. Охранники и Иван

выстроились у него за спиной. Некоторое время все молчали. Сергей смотрел на пленника и не торопил события. Потом еле заметно мигнул Ивану. Тот кивнул, неслышно сделал шаг в сторону и с силой ударил своей импровизированной дубиной по одной из колонн. Раздался грохот погромче пистолетного выстрела, крошки бетона посыпались Ильдару на плечи и голову, и он все-таки не удержался на ногах, так и повалился на грязный бетонный пол. Иван заорал во всю мощь своих необъятных легких:

– Шеф, чо мы паримся? Да я его щас на части порву, глаза высосу! Урод, ты че, не понял? – обращаясь уже к Ильдару, Иван своей дубиной колотил по полу вокруг Ильдара. Тот закрыл голову руками и катался по полу, пытаясь уклониться от страшной дубины, при этом он что-то бессвязно кричал. Когда в его криках послышалось имя банкирши, Сергей остановил этот спектакль.

– А в этом месте поподробнее, пожалуйста.

Головин говорил тихо, но Ильдар услышал его и тотчас замолк. Не повышая голоса, Сергей продолжал:

– Я хочу услышать все, что касается заварухи вокруг «ОСК». Что творится у меня под носом, а я этого не знаю? Что за карусель с кредитами устроила Ветрова? О каком еще строительном бизнесе, который она тебе дарит, ты трезвонил на каждом шагу? Для какого кабинета ты недавно присматривал мебель? И смотри, я ведь тебя вместо кресла на кол посадить могу! Если твои ответы меня удовлетворят, я подумаю над тем, чтобы про тебя забыть. Если нет – извини...

Сергей опять мигнул Ивану, и тот обрушил дубинку на колонну. Ильдар совсем сжался в комок и сбивчиво, торопливо заговорил. Один из стоящих рядом ребят рывком поднял его с пола и поставил на ноги, а другой сунул ему под нос включенный диктофон. Волнуясь, сбиваясь, путаясь в словах и через фразу повторяя, что это все она, Раиса, он тут вообще ни при чем, Илька вывалил все, что знал – об убийстве Жданова, о нанятых Раисой киллере, посреднике и свидетелях, о том, как подставили Шаповалова, как использовали случайно забытый им телефон, как перевели без его ведома деньги с его счета на счет убийцы и как Раиса планировала прибрать к рукам лишившуюся руководства «Объединенную Строительную Компанию».

Когда Ильдар замолчал, Сергей некоторое время думал, а потом резко поднялся на ноги.

– Садись. – Он ткнул пальцем в стул, и охранник слегка подтолкнул Ильдара в спину. Тот упал на стул. Иван положил на стол пачку бумаги и

ручку.

– Все, что ты тут говорил, запиши, – приказал Головин. – Поставь число и подпись. Мы подождем, только не заставляй нас ждать очень долго, а то некоторые из нас очень нервные...

Ильдар втянул голову в плечи и покосился на Ивана. Иван это заметил и немедленно скорчил гримасу, прекрасно бы подошедшую самому свирепому людоеду.

Илька тут же схватился за ручку, и спустя полчаса у Сергея на руках была стопка исписанных листков. Он повернулся к своим ребятам и сказал:

– Все, закругляемся. Приведите его в порядок, заберите вещи из клуба, отвезите его сначала домой, пусть переоденется и возьмет документы. А прямо с утра доставите его на Петровку. Юрий будет там с девяти, он в курсе. Ты, – Головин повернулся к Ильдару, – сделаешь там чистосердечное признание, повторишь все, что написал здесь. – Он потряс перед носом у красавчика исписанными листами, – Слово в слово. После этого можешь жить. Я разрешаю! А чтобы у тебя не возникло сомнений в целесообразности явки с повинной, Иван некоторое время будет твоим самым лучшим другом и даже подождет тебя у ментов в коридоре. Я ясно излагаю?

Илька сглотнул и с трудом выдавил из себя:

– Ясно... А меня что, посадят?

– Это уж как суд решит, – отрезал Сергей. – Юридически ты можешь считаться одним из организаторов убийства.

– Но я же... Я ж ничего не делал! – взмолился Ильдар. – Это все она...

– Все равно ты знал о преступлении, но не поставил в известность правоохранительные органы, – отчеканил Головин, но потом, чуть смягчившись, добавил: – А может, и отмажешься. Ты же ведь в полицию сам пришел, а не под конвоем.

Ванька глумливо заржал.

– Пошли, чудило!

Подняв Ильдара со стула за шкуру, как котенка, Иван толкнул его к выходу. Ребята двинулись за ними, а Сергей снова опустился на стул. Ему надо было как следует обо всем подумать.

Глава семнадцатая

За два дня до Нового года

Проснувшись на следующее утро, Стас с изумлением увидел, что их комната преобразилась. Повсюду, где только можно, висели бумажные гирлянды, обрывки мишуры и елочного дождя, на стенах были наклеены пестрые картинки, явно вырванные из глянцевого журнала, а на полу,

вокруг его картонок, была рассыпана пригоршня разноцветного конфетти.

«К Новому году, что ли, Танюшка готовится?» – усмехнулся он, поднимаясь со своего ложа. А когда встал и выпрямился во весь рост, то увидел, что на столешнице – том месте, где девочка обычно оставляла ему свои послания – написано (как всегда, угольком) крупными красивыми буквами «С днем рождения, Стас!» и нарисован цветочек. Таня явно очень старалась, выводя эту надпись, украшенную всевозможными завитушками. Стас посмотрел на стол и даже засмеялся от приятной неожиданности. Он был очень тронут таким вниманием со стороны девочки, даже на сердце потеплело.

Самой Тани нигде не было видно, и Стас решил, что она, наверное, уже ушла на заработки. Но, когда он, закончив с утренними умывальными процедурами, снова вернулся в комнату, то спустя минуту следом за ним вбежала и Таня. В руках у нее был какой-то сверток, поверх которого девочка намотала свой шарф.

Посмотрев на Стаса, она огорченно протянула:

– Ну вот, ты уже встал... А я так хотела успеть до того, как ты проснешься... Чтобы сюрприз тебе сделать.

– Так и делай, – предложил он. – А я, если хочешь, могу выйти.

– Ладно уж, оставайся, – милостиво разрешила Таня. – Только отвернись на минутку. И чур, не подглядывать!

– Не буду подглядывать, – клятвенно заверил он, поворачиваясь носом к стене. – Хотя, если честно, чертовски любопытно, что ты там такое затеяла...

– Я затеяла праздничный завтрак, – отвечала девочка, чем-то шурша за его спиной. – Все, готово! Можно поворачиваться и смотреть!

Стас не заставил себя долго упрашивать, повернулся, поглядел на Таню и увидел, что она держит в руках большой румяный пирожок, в который воткнута тонкая горящая свечка.

– Это твой именинный пирог! – весело пояснила девочка. – Бери скорее, загадывай желание и ешь, пока не остыл!

Как давно не играл он в такие игры! Конечно, каждый год на свой день рождения Стас получал много подарков – от мамы, от друзей, от деловых партнеров, от сотрудников своей компании. Ему дарили бумажники и ручки, запонки и галстуки, коньяк и коллекционное вино, часы и настольные письменные приборы, картины и бронзовые статуэтки... Но он уже и не помнил, когда последний раз у него был на столе праздничный торт со свечами, чтобы, задувая их, загадывать желание...

– Ну, – торопила его Таня, – придумал?

– Нет еще...

– Так давай думай быстрее! Остынет же на таком холоде...

«Я хочу... – мысленно начал про себя Стас. – Хочу, чтобы я скорее... Нет, не так. Я хочу, чтобы Таня... Чтобы у Тани... Черт, как бы это сформулировать? Хочу, чтобы у нас обоих, и у меня, и у Тани, все было хорошо, вот!»

Глубоко вздохнув, он набрал полную грудь воздуха и дунул на свечку с такой силой, что она выпала из пирожка и шлепнулась на пол. После чего они с девочкой одновременно кинулись ее поднимать, чуть не столкнулись при этом лбами, посмотрели друг на друга и засмеялись.

– Сказать, что я загадал? – предложил он. – Я загадал, чтобы у нас с тобой все...

Но Таня не дала ему окончить фразу, замахала на него руками:

– Не говори! Ни в коем случае не говори, а то не сбудется!

– Сбудется. Обязательно сбудется, – с уверенностью произнес Стас. – Что бы ни случилось, все будет хорошо!

– Ну что ж ты не ешь? – торопила его Таня. – Я так старалась, чтобы донести его теплым из церковной лавки... Помнишь, я тебе говорила, что там пирожки очень вкусные?

Стас уже хотел было сунуть пирожок в рот, но вовремя спохватился и аккуратно разломил его пополам. Внутри оказалась мясная начинка, фарш с жареным луком, и от одного ее вида рот тут же наполнился слюной. Половинки вышли немного неровными, одна получилась чуть больше другой. Именно ее Стас и протянул девочке.

– Нет-нет! – замотала головой Таня. – Ешь сам, это твой именинный пирог!

– Раз я именинник, – возразил Стас, – значит, мое слово – закон. И я в свой день рождения тоже имею право делать тебе подарки. Давай ешь быстрее, а то точно остынет!

Таня хотела снова возразить, но передумала, взяла свою половину и откусила маленький кусочек. Стас тут же последовал ее примеру. Пирожок, конечно, уже почти остыл, но все равно показался ему настоящей пищей богов. Жаль только, что божественное пиршество так быстро закончилось.

– Спасибо, Танюша, обалденно вкусно! – поблагодарил он.

– погоди, это еще не все! – сообщила, вся сияя, девочка. – У меня для тебя еще подарок есть.

– То есть как? – в очередной раз изумился Стас. – А это разве был не подарок?

– Нет, то был пирог, – засмеялась Таня. – А подарок вот.

И она протянула ему что-то круглое, завернутое в вырванную из глянцевого журнала страницу. Сверху сверток был завязан обрывком цветной ленты, которой обычно перевязывают букеты цветов, так, что получилось подобие мешочка.

– Что это?

– Разверни да посмотри.

Улыбаясь, он осторожно развязал бантик и, разворачивая бумагу, снова вспомнил детство. И тогда точно так же замирало сердце при виде коробок и свертков под елкой... Он был уверен, что подобное ощущение не вернется уже никогда – но, оказывается, он ошибался.

Внутри свертка обнаружился апельсин. Небольшой, но свежий и сочный, ясно было, что девочка его купила, а не подобрала где-нибудь на помойке...

Подняв взгляд, Стас увидел, что Таня внимательно смотрит на него, ожидая его реакции.

– Ты как-то говорил, что любишь апельсины... – не слишком уверенно произнесла она. – Вот я и подумала... Решила тебя порадовать...

– Тебе это удалось, – заверил Стас. Он был растроган до слез.

– Правда? Тебе понравились подарки? – радостно уточнила она.

– Не то слово, как понравились! – Он не знал, как выразить ей свою признательность. – Спасибо тебе, Танюшка! Ты мне устроила самый настоящий праздник. Это мой самый лучший день рождения в моей жизни, честное слово!

Он обнял девочку здоровой рукой. Таня поднялась на цыпочки, звонко чмокнула его в щеку, щетина на которой уже начала превращаться в бороду и, застеснявшись, отвернулась.

– Сейчас я возьму нож и разрежу апельсин, – предложил Стас, но Таня отговорила его от этой затеи.

– Не, не надо, – возразила она. – Нож у нас тупой, ничего толком не получится, только весь сок на стол вытечет. Давай лучше я руками почищу.

Сказано – сделано. После чего апельсин был проглочен в мгновение ока.

– Прямо завтрак аристократа у нас с тобой сегодня получился, – усмехнулся Стас, вытирая губы. – Слушай, Тань... А может, ты сегодня не пойдешь на работу? В честь праздника. А?

Девочка призадумалась. Было видно, что ей и самой совершенно не хочется отправляться на холодную улицу и стоять там до позднего вечера на ветру и морозе.

– Ну, ладно, так и быть, – согласилась она после долгих колебаний. –

Но только сегодня. Вчера я хорошо заработала, нам на сегодня хватит... Но завтра обязательно пойду.

– Да, Новый год уже совсем скоро, – кивнул Стас. – Послезавтра.

Они сели на топчан, прижавшись друг к другу плечами, укрылись одеялом. И вскоре почувствовали, как стало тепло.

– Знаешь, я, когда маленький был, каждый раз так ждал Нового года... – рассказывал Стас. – Мне бабушка как-то сказала, что если ровно в полночь под бой часов загадать желание, то оно обязательно исполнится. И я с тех пор каждый раз с криками, со скандалами, но досиживал до двенадцати. Спать хотелось ужасно, но я терпел, чтобы дождаться курантов и загадать желание. И сразу засыпал...

– И как? Желания исполнялись?

– А я и не знаю, – засмеялся он. – Я их потом никогда не помнил. Чуть ли не на следующее утро уже забывал, что загадал.

Таня тоже засмеялась, а потом вдруг неожиданно стала серьезной.

– А я вот свое желание никогда не забуду, – произнесла она с несвойственной ей обычно жесткостью и даже злостью.

– А что у тебя за желание такое? – поинтересовался Стас, удивленный несвойственным для нее тоном.

– Не скажу, – девочка вдруг отвернулась и ушла в угол.

– Это такая страшная тайна? – Он попытался свести все на шутку.

Таня вдруг вздохнула и, не глядя на Стаса, проговорила тихо и внятно:

– Я хочу, чтобы умер один человек.

Стас, не ожидавший от нее ничего подобного, в первую минуту опешил.

– Это тот... директор... о котором ты мне вчера рассказывала? – спросил он после паузы.

В ответ Таня так энергично затрясла головой, что с нее чуть не слетели все ее шапки:

– Нет. Не он. А тот, из-за кого все началось... Тот, кто виноват во всех моих несчастьях. Тот, кто убил моих родных. Тот, кто разрушил всю мою жизнь. Я хочу, чтобы он тоже умер, чтобы сдох, сдох под забором... Как я когда-нибудь сдохну!.. Только я хочу, чтобы он сдох раньше! Пусть его Бог накажет за все то, что он сотворил!

Она сорвалась на крик, голосок так и звенел от ненависти. Стасу стало не по себе. Очень хотелось сказать девочке что-то хорошее, поддержать, убедить, что ее ждет совсем другое будущее... Но вместо этого он только спросил:

– И кто же это такой?

– Та сволочь, чья строительная фирма сожгла наш дом. – Она даже побледнела, произнося эти слова. – Я не знаю его имени. Но я его узнаю. Обязательно! Я стану счастливой, по-настоящему счастливой, только в тот день, когда этот человек умрет.

Услышав это признание, Стас снова почувствовал, что ему стало холодно, и поежился. Да, жизнь слишком жестоко обошлась с этой девочкой... Разве такие чувства должны быть у ребенка? Как бы он хотел все изменить! Если б только мог.

– А еще какие-нибудь желания у тебя есть? Может быть, ты еще о чем-то мечтаешь? – с надеждой спросил он.

Таня молчала так долго, что он уже решил, будто она так и не ответит ему. Но когда Стас уже совсем перестал ждать, девочка вдруг проговорила:

– Да, есть еще одна мечта... Я мечтаю, что когда-нибудь у меня будет большой семейный альбом, какой был у нас дома. Я уже говорила тебе, что из всех вещей, которые сгорели на пожаре, я больше всего жалею об этом альбоме. Ведь это память, а память для человека – это очень важно...

– Танюша, у тебя обязательно будет такой альбом, – заверил он, стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности. – Я тебе это обещаю.

Девочка снова прижалась к его плечу. И некоторое время они сидели молча, глядя на обшарпанные грязные стены, украшенные мишурой и картинками из журналов. А потом Таня предложила:

– Пойдем на рояле поиграем?

И Стас с удовольствием согласился.

На третьем этаже особняка ничего не изменилось – даже кусков лепнины, которую Таня, изображая обвал, позапрошлой ночью кидала вниз через дыру в полу, казалось, ничуть не стало меньше. Девочка стянула с рук перчатки, открыла крышку рояля и дотронулась до клавиш. Стас подошел и встал рядом с ней.

– Что будем играть? – спросила она.

– А что ты знаешь?

– Я много чего знаю...

– Тогда начинай, а я к тебе присоединюсь, – предложил он.

Играли они, наверное, несколько часов, переходя от классической музыки к современным мелодиям и обратно. И с сожалением оторвались от своего занятия лишь потому, что руки у обоих окончательно застыли – все-таки в мезонине, где ни в одном из окон не сохранились стекла, было очень холодно. Дуя на окоченевшие пальцы и растирая их (Стас уже мог, хоть и с большой осторожностью, двигать левой рукой), они то и дело

переглядывались и улыбались друг другу. Настроение у обоих было просто отличное.

– Знаешь, я не перестаю удивляться, как много изменилось в моей жизни за эти несколько дней, – признался он, натягивая перчатки. – Да и сам я очень сильно изменился... Вся моя прошлая жизнь, работа, моя «Объединенная Строительная Компания», моя жизнь в Европе, зарубежные поездки, тусовки, даже Олеся... Всё это кажется таким далёким, словно происходило и не со мной. Словно я видел это в кино. Или мне всё это приснилось...

Он готов был дальше развивать свою мысль, но замолк на полуслове, увидев вдруг, что Таня переменялась в лице и с очень странным выражением смотрит на него.

– Повтори, что ты сказал! – воскликнула она.

Стас даже несколько растерялся.

– Я говорил, что у меня такое чувство... – начал он, но девочка бесцеремонно перебила его.

– Повтори название своей фирмы! Я ведь правильно поняла, ты хозяин строительной фирмы?

– Ну... Да.

– И как она называется?

– «Объединенная Строительная Компания».

– Черт, черт, черт! – закричала вдруг девочка и со всей силы замолотила кулаками по крышке рояля.

– Что с тобой? – испугался Стас. – Что случилось?

Но Таня, похоже, даже не слышала его.

– «Объединенная Строительная Компания!»! – орала она. – «ОСК»! Это они! Они сожгли мой дом! Они убили маму, папу и бабушку! И моего соседа, маленького Костика! Это они сломали жизнь всем нам! Ненавижу!

Девочка перевела ненавидящий взгляд на растерянное лицо Стаса.

– Так, значит, это ты! – снова крикнула она. – Ты во всем виноват! Ты убил моих родителей! Я тебя ненавижу!!! Что б ты сдох! Под забором!

– Таня, послушай...

Он сделал шаг к ней, сам не зная, что сказать и как остановить эту истерику, попытался взять ее за руку. Но девочка вырвала руку, оттолкнула его, отскочила в сторону и со всех ног бросилась вниз по хлипкой деревянной лестнице.

– Таня, подожди! – испугался Стас. – Осторожнее! Лестница же может обвалиться!

Но она убежала вниз, не обращая никакого внимания на его слова.

Стремясь остановить ее, Стас поспешил следом.

– Таня! Танечка, подожди! – кричал он. – Клянусь тебе, я тут ни при чем! Это какая-то ошибка! Ты что-то путаешь! Наша компания никогда не использовала такие методы!

Он шагнул на деревянную лестницу, но первая же ступенька так опасно затрещала и зашаталась под его ногами, что невольно пришлось сбавить темп. Стас прижался к стене, стараясь наступать на самый край ступени. Когда он наконец спустился на второй этаж, то девочки уже не было видно. Он сбежал по мраморной лестнице, бросился в комнату, надеясь, что Таня там – но комната была пуста. Стас обыскал весь первый этаж, затем второй, но поиски ни к чему не привели. Тани нигде не было, она, по всей вероятности, сбежала из особняка. Тогда он выскочил на крыльцо, в несколько шагов преодолел расстояние до забора, но у самого лаза остановился. Здравый смысл подсказывал, что дальше идти не стоит, это не только бесполезно, но и опасно. Где искать Таню, он все равно не знает, она могла направиться в абсолютно любую точку огромного города. Отыскать ее теперь нет практически никаких шансов. Но зато, если он высунется сейчас, белым днем, на улицу, его обязательно увидят прохожие – а это было совсем не в интересах Стаса.

Делать было нечего. Оставалось только вернуться в комнату, поплотнее прикрыть дверь, чтобы сохранить остатки тепла, упасть на топчан и закрыть лицо руками.

Стасу очень хотелось верить, что Таня скоро вернется. Побегает по улицам, попереживает – но потом успокоится и, когда эмоции улягутся, вернется назад. В конце концов, уговаривал он себя, ей же надо где-то жить, ночевать? Какой-никакой – но это ее дом. С крышей над головой, с постелью, пусть и в виде этого топчана и рваного одеяла, с камином, с таким трудом найденными вещами, вроде тупого ножа... Не бросит же она это все, зная, сколько времени опять придется наживать самое необходимое! Нет, конечно, она вернется.

«А если не вернется? – тут же спрашивал кто-то ехидный и коварный, сидевший внутри Стаса. – Если переберется еще куда-то? Мало ли по Москве бомжатских ночлежек? Вдруг Таня, не захотев оставаться под одной крышей с человеком, которого обвиняет во всех своих несчастях, переберется в одну из них? И что тогда?»

Эта мысль приводила Стаса в ужас. Он даже не представлял себе, как сможет выжить в этих ужасных условиях один, без посторонней помощи. Он даже свою рану сам не сумеет хорошенько обработать и перевязать, он ведь не Рембо, который сам себе без наркоза зашивал раненую руку... Что

он будет есть, чем обогреться? Запаса топлива, который они с Таней собрали, хватит еще от силы на несколько дней – а потом? Идти на помойку в поисках каких-нибудь досок? Теоретически, можно попытаться сделать это ночью, ходил же он за водой... Ну хорошо, а что он будет есть? Тоже на помойках еду собирать? Так еще не факт, что она там найдется... Стас застонал и уткнулся лицом в согнутую в локте правую руку.

А может, плюнуть на все и пойти в полицию? Как гласит поговорка, лучше ужасный конец, чем ужасы без конца. Ну сколько он сможет прятаться тут, изнемогая от голода и холода и ожидая, что в любую минуту киллер, которому не удалось выполнить заказ, разыщет его здесь и пристрелит, как щенка? Может, и правда, прямо сейчас пойти отдать себя в руки правосудия? Тюрьма, конечно, страшна, но не страшнее смерти от пули наемного убийцы, не страшнее, чем мысль о том, что твое остывшее тело будет неизвестно еще сколько валяться здесь, в этих развалинах... К тому же весьма вероятно, что его сразу и не посадят в тюрьму. Он же ранен, значит, по идее, сначала отправят в больницу. И оттуда он сможет связаться с Сергеем, со своими юристами... Получит доступ к своим деньгам... Да, в конце концов, просто согреется и нормально поест! Решено. Надо идти. И лучше прямо сейчас.

Стас поднялся на ноги, отряхнул пальто, по привычке кинул взгляд в закопченное окно. И увидел, что на другой стороне улицы стоит высокий человек, который внимательно наблюдает за особняком. На человеке была темная неприметная куртка и черная вязаная шапка, низко надвинутая на глаза. Когда тот сдвинулся с места, начал прохаживаться туда-сюда по улице и повернулся боком, Стас обратил внимание на то, что он слегка сутулится. Но даже и без этого фигура странного наблюдателя показалась ему очень знакомой. И поверить в то, что это другой человек, не тот, который стрелял в него на Тверской из пистолета с глушителем, а просто кто-то очень похожий на него, было крайне трудно. Увы, таких совпадений не бывает...

«Помяни черта – сразу появится», – пронеслось в голове у Стаса.

Со стороны могло показаться, что этот человек – обычный бесцельно шатающийся прохожий, который поджидает кого-то или просто вышел прогуляться, подышать свежим воздухом. Бродит по переулку, сворачивает во двор, возвращается, рассеянно посматривает по сторонам. Ничего особенного. Однако Стас понял, что это совсем не так. Понял за несколько мгновений до того, как человек вдруг шагнул вперед, сошел с тротуара и решительными шагами стал пересекать проезжую часть, явно направляясь к развалинам особняка.

Стас молнией отскочил от окна, оглянулся, схватил найденный вчера кусок арматуры. И даже не услышал, как одна из ехавших по переулку машин вдруг притормозила, прощурив шины, у самого особняка.

Глава восемнадцатая

За два дня до Нового года

По дороге «в контору», стоя в пробках и медленно ползя по запруженным улицам Москвы в плотном потоке таких же трудяг, вынужденных каждое утро пробиваться с окраин в центр, а вечером наоборот – из центра на окраины, Сергей Головин пытался думать не о деле, а обо всяких отстраненных вещах. Например, о том, что уже который день не высыпается. Сегодня он спал только четыре часа. Крайне мало для человека его возраста. А возраст, как ни бодрись, все-таки уже чувствуется, вот-вот полтинник замаячит на горизонте... Впрочем, по сравнению с ребятами, ему еще повезло. Иван, например, вернулся домой только поздним утром. А до этого отзвонился, доложил, что все прошло ровно, клиент, то есть Ильдар, и не думал рыпаться, изложил все следаку честь по чести – и про банкиршин план, и про организацию убийства Жданова, и про то, как были сфабрикованы улики против Станислава Михайловича.

Или взять Игоря. Он вчера весь день прочесывал окрестности Тверской, ища следы Шаповалова, сегодня опять с утра пораньше отправился на поиски. Головин предлагал ему отдохнуть хотя бы полдня, но Игорь отказался. «Там, Сергей Александрович, еще несколько подходящих переулков есть, – отвечал он. – Мне кажется, их хорошо бы осмотреть поскорее». Спорить с ним Головин не стал. Ему нравилось, когда подчиненные работают добросовестно, это было одним из основных критериев, по которым он старался брать людей на работу.

Добравшись наконец до особняка на Бульварном кольце, Сергей Александрович побыл какое-то время в кабинете, покрутился по офису, но вскоре понял, что находиться в конторе – это выше его сил. После вчерашней успешной операции с Ильдаром душа снова рвалась в бой, необходимо было заняться чем-то полезным, а не просиживать штаны в кресле. Поразмыслив, Головин решил лично присоединиться к поискам Стаса. И начать с того, что снова смотаться на Тверскую и поговорить с киоскером-чекистом. Вдруг старикан сообщит что-то новенькое? Или вспомнит еще какую-то существенную деталь, которую в прошлый раз упустил.

Все утро Сергея так и подмывало позвонить Юрке и узнать, как обстоят дела, но он сдерживал себя. Что горячку-то пороть? – уговаривал он сам себя. Следственная машина никогда не работает быстро, на то,

чтобы ребята из полиции во всем разобрались и сделали нужные выводы, наверняка уйдет немало времени. Тем более что уже и праздники на носу. Сегодня двадцать девятое декабря, Новый год уже послезавтра. Очень сомнительно, что кто-то сейчас захочет работать. Разумеется, все разбирательство отложится до окончания праздников, в лучшем случае делом займутся числа третьего-четвертого, а то и вовсе после десятого... Это, конечно, угнетало, хотелось, чтобы ситуация с безосновательным обвинением шефа разрешилась как можно скорее – но, как говорится, мало ли, кто чего хочет.

Однако, думая так, Головин, как оказалось, недооценивал работу Юрия и его коллег. Потому что в какой-то момент, прервав ход его рассуждений, запиликал мобильный и на дисплее высветился номер старого друга.

– Ну что, братан? – радостно прокричал в трубку Юрий. – С тебя причитается. Можем поздравить друг друга!

– С чем это? – заинтересовался Сергей, выезжая на Тверскую.

– А с тем, что обвинение с твоего шефа практически снято. Конечно, формальности займут еще немало времени – но уже сейчас ясно, что он чист, как слеза младенца. Этот парень, которого твои бойцы сегодня с утра привезли, как его там, Ильдар Камаев... Уж очень складно он поет. После его чистосердечного признания у следствия все концы с концами сошлись, все вопросы, которые раньше были, оказались сняты. Так что дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Банкиршу эту, Ветрову, следак уже на беседу пригласил. Но для начала ребята Лыткина взяли, прораба. Ну, помнишь, прораба-художника, который якобы случайно на убийцу внимание обратил...

– Помню, конечно, – подтвердил Головин. Ему ли было не помнить всю эту историю? – Так что прораб?

– Да хлипеньким он оказался, этот твой прораб! – хохотнул Юрка. – Как понял, что его за жабры взяли, так почти сразу и раскололся. Во всем признался, все показания банкиршиного дружка чуть ли не слово в слово повторил.

– Да, это действительно хорошая новость, – согласился Сергей. – Скажи, а что со вторым киллером? Тем, который стрелял в Шаповалова и убил Олесю Петунину с дружкой?

– Ну, братан, ты слишком много от нас хочешь! – возмутился Юрка. – Тебе прямо подавай, чтоб все дела раскрылись за пять минут и все одновременно. Про это я тебе ничего сказать не могу, тут пока глухо. Во всяком случае, хахаль банкиршин ничего про покушение на Шаповалова не знает. Да я и уверен, что Ветрова тут не при делах. Не в ее интересах

убирать Станислава.

– А в чьих же тогда?

– А я-то откуда знаю? Работаем, ищем... Но ты что, не рад тому, что дело твоего шефа, считай, уже в шляпе?

– Даже трудно в это поверить... – пробормотал Сергей. – Неужели все решилось так быстро? А вдруг Ветрова начнет запираяться?

– Наверняка начнет, – подтвердил Юрий. – И выкручиваться будет, и адвокатов целую толпу притащит... С ней еще очень здорово придется повозиться, это я тебе гарантирую. Очень может быть, что даже и отмажется, а уж хахаля своего наверняка отмажет. Но в любом случае, вне зависимости от того, признает ее суд виновной или нет, подозрения с твоего шефа будут сняты.

– И что же получается – ему уже можно вернуться домой?

– Вполне. А почему нет? Дежурство в его квартире уже сняли. Так что пусть себе возвращается спокойно, только из Москвы пока не уезжает. Поговорить с ним, конечно, обязательно захотят, возможно, и не раз. Впрочем, сейчас это уже полностью в его интересах.

– Ну да. Если бы еще знать, где он...

– Глядишь, и отыщется, когда узнает, что обвинения с него сняты, – оптимистично предположил Юрка. – Так что ты своей цели достиг.

– Исключительно с твоей помощью, – заверил Головин. – Без тебя, Юрка, у меня бы вообще ничего не получилось. Спасибо за хорошие новости, и не забывай, что отныне я навек твой должник.

– Да уж что-то, а этого точно не забуду! – заверил Юрий. – Кстати, а что у нас там с Новым годом? Ты вроде что-то про какую-то дачу говорил? Так я, пожалуй, к тебе выберусь...

– Заметано!

Распрощавшись с Юрием, Сергей отложил телефон на приборную панель, крутанул руль, его «Лендкрузер» влился в поток автомобилей, который медленно тек по главной улице столицы. В душе Головина была полная сумятица. Конечно, сообщение о том, что невиновность Стаса практически доказана, не могло не радовать. Однако этого было мало, слишком мало, чтобы обрадоваться по-настоящему. Загадка наемного убийцы, стрелявшего из пистолета с глушителем, так и осталась нерешенной. И, самое главное, никаких следов Шаповалова до сих пор обнаружить не удалось.

Впрочем, руководитель службы безопасности «Объединенной Строительной Компании» пока не догадывался, что в то самое время, когда он обсуждал со старым другом планы на новогоднюю ночь, машина его

подчиненного Игоря медленно ехала по одному из переулков, выходящему на Тверскую. Да-да, это был тот самый переулок. И когда взору Игоря предстали обнесенные забором развалины особняка, они, конечно, не могли не привлечь его внимания. В поле зрения охранника тотчас попали и замаскированная дыра в заборе, и сутулый человек в темной куртке и надвинутой на глаза вязаной шапке. Когда Игорь подъехал, этот человек как раз подходил к лазу в заборе, но, заметив приближающийся автомобиль, прибавил шагу и сделал вид, что просто идет мимо.

Игорь не обратил на прохожего внимания, зато руины дома и дыра в заборе его очень заинтересовали. С виду угрюмый особняк казался совсем непригодным для жизни – обтянутый грязной сеткой, с темными глазницами разбитых окон, с торчащими кое-где у стен строительными лесами, которыми явно давно не пользовались. Но именно эта заброшенность и представляла интерес для Игоря. Выйдя из автомобиля, он подошел к щели в заборе и внимательно осмотрел сквозь нее двор и увидел именно то, что и ожидал увидеть – грязь и кучи хлама, кое-где припорошенные снегом. Даже если тут и есть какие-то следы, то вероятность их обнаружения равна практически нулю. И все-таки Игорь инстинктивно чувствовал, что находится на верном пути.

Он решил исследовать лаз, просунул руку в щель и снял с торчащего, как коготь, ржавого гвоздя клочок шерстяной ткани – явно обрывок кашемирового шарфа с ярким зелено-белым геометрическим узором. Сердце тотчас ухнуло в груди – этот узор был ему очень хорошо знаком. Неужели он наконец-то напал на след? Нужно было немедленно осмотреть здесь все, и как можно более тщательно.

Лаз в заборе показался Игорю слишком узким для его комплекции, поэтому он решительно дернул пару раз соседнюю доску и оторвал ее. И собирался уже протискиваться в образовавшееся отверстие, как тут, как всегда удивительно не вовремя, из кармана куртки послышался сигнал мобильного. Это звонил Головин.

– Ну что, Игорь, как у тебя дела? – без особой надежды в голосе поинтересовался он.

– Не знаю, что и сказать, Сергей Александрович. Я тут нашел на заборе обрывок шарфа... Очень похож на шарф шефа.

– Где? – тут же заорала трубка. – Где ты его нашел?

– Да тут, в переулке, – Игорь произнес название. – Здесь старый дом, затянутый строительной сеткой, вокруг него забор. И вот на заборе...

– Подожди Игорь, я сейчас приеду! – заявил Головин. – Стой там, никуда не уходи. Буду буквально через пять минут, я тут совсем

неподалеку.

И правда, долго дожидаться Игорю не пришлось. Не прошло и нескольких минут, как в конце переулка со стороны Тверской показался знакомый «Лендкрузер». Заметив машину своего подчиненного, Сергей припарковался рядом и поскорее выскочил из автомобиля.

– Ну и?

Вместо ответа Игорь молча продемонстрировал ему клочок шарфа и показал место, где он был обнаружен.

– Так можно было вырвать клоч, когда пролезаешь в дыру в заборе, – предположил Игорь, и начальник с ним согласился.

– Да, это точно такой же шарф, как у Станислава Михайловича, – подтвердил Головин, изучив его находку.

– Я тоже так решил, – поддакнул Игорь. – Интересно, сколько таких шарфов может быть в Москве?

– Сколько бы ни было, они достаточно дорогие, – заявил Сергей. – И очень сомнительно, что люди, у которых хватило денег на подобный аксессуар, будут лазить через отверстие в заборе куда-то на заброшенную стройку... Ты дом осмотрел?

– Нет, не успел еще. Вы сразу позвонили, как только я нашел кусок шарфа.

– Так что ж мы тут с тобой стоим, лясы точим? Вперед!

Игорь еще раз с сомнением оглядел развалины. Вид их совсем не вызывал желания заходить внутрь, нетрудно было себе представить, что там творится, какая грязь и какое запустение. И это, конечно, было еще не самое неприятное. Очень возможно, что внутри они наткнутся на какую-нибудь лежку или логово бомжей, которых он за эти несколько дней уже повидал предостаточно, когда лазил по чердакам и подвалам. А что делать – самый центр Москвы, да и зима на дворе. Как ни гоняет полиция это отребье, они все равно на время холодов стекаются сюда, где тепло и сытно. И только летом расползаются по пригородам и окрестностям города, чтобы к осени вернуться вновь.

Что касается Сергея, то он не думал ни о чем подобном. Правда, и не надеялся на то, что они что-то обнаружат в особняке. Сегодня ему уже однажды крупно подфартило – Юрий сообщил, что обвинение с Шаповалова практически снято. Но вряд ли подобное везение может повториться два раза подряд.

Сначала Головин, а следом за ним и Игорь протиснулись через отверстие в заборе и осмотрелись.

– Сомнительно, что мы найдем что-то во дворе, – покачал головой

Сергей. – Нужно идти в дом.

И первым взобрался на облупившееся крыльцо особняка.

Как, надеюсь, еще помнит читатель, Стас находился в это время в Таниной комнате, где спрятался, как только увидел в окно знакомую сутуловатую фигуру. Сюда не доносились голоса от входа в особняк и уж тем более из-за забора, поэтому он, конечно, даже представить себе не мог, что помощь уже так близка. Однако он не сомневался, что киллер вошел в дом и теперь ищет его, и потому решил прибегнуть к способу самозащиты, который неоднократно видел в боевиках – занял позицию у самой двери, сжимая в руках обрезок арматуры, чтобы, как только кто-то войдет в комнату, тут же обрушить свое оружие сзади ему на голову.

Ждать пришлось долго, во всяком случае, Стасу показалось, что прошла целая вечность, а в особняке по-прежнему было тихо. Но понимая, насколько обманчивой может оказаться эта тишина, он не спешил покинуть свое укрытие. И вдруг... Да, точно, ему не показалось. Где-то за дверью, со стороны входа, послышался шум, тяжелые шаги и вроде бы даже голоса... Голоса? Неужели киллер действует не один? Плотнo прислонившись к стене, чуть ли не вжавшись в нее, Стас поудобнее перехватил в руке свое оружие. Как ни странно, страха он не испытывал. Его ощущения совсем не были похожи на те, что он испытал в ночь столкновения с поджигателями – скорее они напоминали азарт побега от ОМОНа в самый первый день, с которого все и началось.

Шаги тем временем все приближались.

– Эй, есть тут кто живой? – прозвучал совсем близко голос, показавшийся Стасу очень знакомым. – Сергей Александрович, что у вас там?

– Ничего, – отвечал издали другая, еще более знакомый голос. – А у тебя?

– У меня пока тоже, хотя я не все осмотрел... Черт! Тут дыра в полу, чуть ногу не сломал.

– Ты давай осторожнее там, Игорь, – услышал Стас, и эта фраза развеяла последние его сомнения. Он рывком распахнул дверь и тут же почти нос к носу столкнулся со своим охранником. Тот выругался, дернулся было назад, но Стас окликнул его:

– Это я, Игорь. Ты не узнал меня?

Парень взглянул на Стаса – и так и замер на месте только что не с раскрытым ртом.

– Твою-то мать... – пробормотал он, потрясенный видом своего шефа. – Станислав Михайлович... Неужто это вы?..

– Я, дружище, я... – ответил Стас и привалился спиной к стене. Сознание пока отказывалось верить, что его мучения закончились, но уже навалилась вдруг сильнейшая усталость.

– Как вы, Станислав Михайлович? – спрашивал Игорь. – Мы слышали – вы ранены...

– Да, у меня задето плечо, – подтвердил Стас. – Но думаю, ничего серьезного, я уже выкарабкиваюсь.

– Все равно нужно к врачу! – воскликнул, появляясь в комнате, Головин. – Или сначала домой?

– Домой? – усмехнулся Стас. – Мне домой нельзя, у меня там полиция...

– Да нет же! – радостно сообщил подбежавший к ним начальник службы безопасности. – Нет там никого. Все подозрения с вас уже сняты. Я вам подробно все доложу, но, конечно, попозже, не сейчас. Сейчас вам надо домой, помыться, побриться, переодеться, показаться врачу...

– Прежде всего пожрать, – перебил Стас. – Я почти ничего не ел все эти дни.

Все втроем они двинулись к выходу. Стаса слегка пошатывало, и то один сопровождающий, то другой то и дело его поддерживали.

– Как же здорово, что мы вас обнаружили! – восклицал Игорь, которому трудно было удержаться от эмоций. – Честно сказать, уже боялись, что и не найдем живым...

– Ну, в общем, это не так далеко от истины, – усмехнулся Стас, выходя на крыльцо.

Какими прекрасными после вынужденного заточения показались ему затянутое тучами небо и открывшийся взгляду серый городской пейзаж. Неужели все позади? Неужели он сейчас навсегда покинет эти опостылевшие развалины и вернется домой, в тепло и уют, сбросит грязную одежду, примет ванну и наконец-то нормально поест?!

Но тут Стас вспомнил, что не может просто так уйти отсюда, и остановился.

– Послушай, Сергей, у меня к тебе будет поручение, – заговорил он. – Здесь, в этих развалинах живет девочка. Ей двенадцать лет, зовут Таней, очень худенькая, примерно вот такого роста, – он показал ладонью на уровне груди. – На ней старая коричневая куртка, сапоги без молнии, перевязанные веревками, и три шапки, надетые одна на другую. Надеюсь, она скоро сюда вернется... Как только ее увидите – сразу же привезите ко мне. Это очень важно.

– Хорошо, Станислав Михайлович, будет сделано, – невозмутимо

кивнул Головин. Разумеется, он был удивлен подобным весьма странным распоряжением и никак не мог взять в толк, с чего вдруг шефу кажется важным поиск какой-то девчонки, судя по описанию – обычной бродяжки. Но никаких вопросов он задавать не стал.

Когда они подошли к забору, Игорь ринулся было вперед, чтобы оторвать еще одну доску и расширить проход, но Стас остановил его.

– Не нужно, – сказал он, усмехнувшись. – Я уже насобачился тут лазить.

И действительно, довольно ловко, несмотря на раненое плечо, проник в отверстие. Обоим его подчиненным с непривычки сделать это было гораздо труднее.

Оказавшись по ту сторону забора, все трое чуть не столкнулись со здоровенным детиной в форменной оранжевой одежде дворника. От детины во все стороны несло перегаром, он не слишком твердо стоял на ногах и шел, покачиваясь, а выражение его лица было абсолютно дебильным. Не без труда сфокусировав взгляд на появляющейся из дыры в заборе тройце, дворник остановился, на некоторое время завис, как перегруженный задачами старый компьютер. Очевидно, вид грязного и заросшего Стаса не внушил ему доверия, потому что он заорал:

– Эй! Че это вы тут шляетесь? А ну валите отсюда!

– Лучше вали сам, – очень спокойно посоветовал ему Головин. – Не нарывайся на неприятности.

Детина посмотрел на него, потом на стоявшего рядом с шефом Игоря, который машинально положил руку на бок, на то место, где угадывалась под курткой кобура, тотчас закрыл рот, закивал головой и хотел уже было идти дальше, но Стас его остановил.

– Постой! – произнес он тоном, не предвещавшим ничего хорошего. – Это ты местный дворник?

– Ну.

– Толян?

– Ну, – повторил детина, слегка недоумевая. – А че?

Стас не стал отвечать на заданный вопрос. Вместо этого он широко размахнулся и с удовольствием засветил кулаком в тупое обрюзгшее лицо дворника.

– Это тебе за Таню, – пояснил он.

Брезгливо отряхнул руку, точно вляпался ею во что-то очень противное, и двинулся дальше, к автомобилю Сергея. Толян так опешил, что не знал, как реагировать, Игорь хмыкнул, а Головин сделал вид, будто вообще ничего не произошло.

Когда до «Лендкрузера» оставалось не более двух шагов, Стас вдруг почувствовал, что у него кружится голова и все плывет перед глазами. Он глухо застонал, силы окончательно оставили его, он потерял сознание, стал мягко оседать вниз и наверняка упал бы на грязный асфальт – если бы не подхватили с двух сторон бывшие начеку Игорь и Сергей.

Глава девятнадцатая

За день до Нового года

Стас почти не помнил, как автомобиль начальника службы безопасности «ОСК» увозил его от развалин особняка, не помнил, как они доехали, не помнил, как его доставили в собственную квартиру. Очнулся он только на следующее утро и с удивлением обнаружил, что лежит раздетым, в своей удобной, свежей и мягкой постели. С каким-то даже изумлением оглядывал он знакомую, стильно оформленную черно-белую спальню, где было так чисто, так красиво, а главное – тепло. Так тепло, что даже без одеяла не мерзли ни руки, ни ноги, ни тело.

Плечо почти не беспокоило, и, бросив на него взгляд, Стас увидел на нем аккуратно и профессионально сделанную повязку. Надо же, как он отрубился, что почти ничего не чувствовал! Его привели домой, раздели, перевязали, уложили в постель – а он этого почти и не помнит, все как в тумане.

Приподнявшись, он сел на постели, и тут послышался стук в дверь.

– Можно? – заглянула в комнату домработница Светлана Давыдовна, уютная симпатичная женщина лет шестидесяти. – Проснулись, Станислав Михайлович? Ох, и напугали же вы нас... Как вы себя чувствуете?

– Да вроде ничего, – Стас снова сделал попытку встать, но женщина тут же испуганно замахала на него руками. – Что вы, что вы, лежите-лежите! Вам доктор категорически запретил подниматься с постели, пока он вас не осмотрит. Я прямо сейчас ему позвоню, он сказал набрать его сразу же, как вы проснетесь.

– Лучше дайте мне сначала что-нибудь поесть, – попросил Стас. – А то, боюсь, я не смогу дожить до приезда врача.

– Конечно-конечно! – засуетилась домработница. – Сейчас принесу.

Выбежала из комнаты и спустя несколько минут вернулась, осторожно неся перед собой на вытянутых руках поднос, на котором виднелся ароматно дымящийся бульон в суповой чашке, а рядом – тарелочка с двумя аппетитно-румяными тостами.

– А на второе я вам кашу сварила, – сообщила Светлана Давыдовна, ставя перед хозяином поднос. – Хотела картошки пожарить, как вы любите, и отбивную подать, у меня отбивные готовы, но доктор запретил. Говорит,

раз вы голодали целую неделю, то вам надо постепенно из голодания выходить, сразу ни жареного, ни острого, ничего такого нельзя...

Ее болтовни Стас не слышал, так как в это время уже набросился на еду. Давно прошло то время, когда он думал, что не любит бульон, и воротил нос от каш! Теперь он в мгновение ока проглотил всю еду (такую вкусную! такую горячую!) и попросил добавки. Домработница немного поколебалась, она боялась, как бы хозяину не стало плохо от такого количества пищи сразу. Но через некоторое время доброе женское сердце взяло верх над сомнениями разума, она принесла еще тарелку каши, которая тотчас была съедена... Нет, даже не съедена, а проглочена. Лишь после того, как Стас вдоволь напился горячего чая с медом, он ощутил, что чувство голода, ставшее его постоянным спутником за эти дни, постепенно начинает отступать.

– Сколько сейчас времени, Светлана Давыдовна? – поинтересовался Стас, возвращая домработнице поднос с пустой посудой.

– Да рано еще совсем, начало одиннадцатого, – отвечала она.

– То есть как это – начало одиннадцатого? – Он поглядел в окно, за которым уже было светло. – Утра, что ли?

– Ну а как же? Конечно, утра.

– Ничего себе! Это что же, выходит, я проспал целые сутки?

– Ну, сутки не сутки, а часов семнадцать-восемнадцать проспали, – отвечала женщина. – Ну, а чему вы удивляетесь? После того, что вы пережили...

– Да уж, это я даю, ничего не скажешь... – пробормотал Стас. – Выходит, сегодня уже тридцатое декабря?

– Совершенно верно, тридцатое декабря, пятница. Завтра уже Новый год. Все-таки, как быстро время летит! Кажется – вот только вчера лето было...

Вскоре приехал и врач, Леонид Васильевич, пожилой, но еще крепкий и очень толковый специалист, уже долгие годы лечивший всю семью Шаповаловых. Лидия Алексеевна, мать Стаса, с каким-то даже почтением именовала его «наш домашний доктор».

– Ну что я могу вам сказать, голубчик? – проговорил он, когда осмотр закончился. – Я бы на вашем месте сходил бы в церковь и поставил благодарственную свечку Николаю-угоднику. Считайте, что отделались легким испугом. Рана ваша опасений не вызывает. Беспокоить еще какое-то время будет, но заживление идет полным ходом, никаких, слава Создателю, осложнений нет, никакого сепсиса нет. Да и остальное все в норме. Да, разумеется, сильное нервное напряжение, стресс, недоедание,

переохлаждение – все это удар по организму. Но он у вас еще молодой, сильный – справится. Сейчас вам нужен только покой и сбалансированное питание, и через несколько дней будете как огурчик. Полежите денек-другой в постели, наберитесь сил...

– Не буду я лежать, – решительно запротестовал Стас. – У меня дел куча. К тому же я вполне хорошо себя чувствую.

– Ну, на ваше усмотрение, – не стал протестовать доктор. – В общем-то, строгих предписаний к постельному режиму нет. Главное, не переутомляйтесь и питайтесь как следует.

– Уж это я точно могу вам обещать, – заверил Стас. После недельного голода у него было такое чувство, что теперь он вообще никогда не наестся досыта, так и будет постоянно поглощать еду, не испытывая чувства насыщения. Он слышал, что так бывает у каких-то животных, кажется, у птиц...

Едва дверь за доктором закрылась, Стас тут же, невзирая на ахи и охи Светланы Давыдовны, поднялся с кровати и отправился в ванну. И там впервые за все это время полюбовался на себя в зеркало. Ну и видок же у него был! Физиономия бледная, осунувшаяся, вся в царапинах и ссадинах, нос отчего-то заострился, глаза ввалились и блестят каким-то лихорадочным блеском, вокруг них залегли темные тени. Седых волос, похоже, здорово прибавилось, а отросшая за неделю нелепая борода торчит в разные стороны неопрятными клоками. Ужас, да и только! Как хорошо, что Олеся его не видит! Попадись он ей сейчас на глаза – наверняка в обморок бы упала. Кстати об Олесе, надо ведь ей позвонить... Выйдя из ванной, Стас отыскал один из своих айфонов, который за это время уже, конечно, давно разрядился, сунул вилку в розетку и, подождав немного, набрал номер Олеси. Механический голос сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Тогда Стас позвонил Головину и попросил приехать минут через сорок. А сам вернулся в ванную, побрился, с наслаждением погрузился в теплую ароматную воду джакузи и включил режим массажа.

К тому моменту, когда Головин переступил порог его квартиры, Стас уже успел вернуть себе почти прежний облик. Пригласив начальника службы безопасности в гостиную, где домработница только что нарядила серебристую искусственную елку, Стас опустился в одно из низких глубоких кресел, указал на другое Сергею и попросил:

– Давай излагай все с самого начала.

Головин уже подготовился к этому разговору, поэтому рассказ занял у него не слишком много времени. Стараясь выразить свои мысли как можно

яснее и четче, он кратко, но в то же время исчерпывающе передал своему шефу всю суть интриги, замысленной и исполненной банкиршей Ветровой. И вскоре Станислав уже в подробностях узнал о том, как стареющая женщина, всеми силами стремящаяся удержать при себе смазливое молодого любовника, придумала, как отобрать у него бизнес, как она наняла людей для убийства его партнера Андрея Вячеславовича Жданова и как сумела настолько ловко подтасовать улики против него, Станислава Шаповалова, что полицейские действительно сочли его виновным и чуть было не арестовали.

– Зашибись! – только и смог сказать Стас, когда эта часть повествования подошла к концу. – Она ведь дружила с моим отцом... У них, кажется, даже романчик был. И мне она всячески выражала свою симпатию... А тут вдруг решила отжать у меня бизнес. Как до такого можно дойти?

– Не зря говорят, чужая душа – потемки, – пожал плечами Сергей. – А женская – и вовсе полный мрак. Впрочем, на наше счастье, задумала она свою аферу тоже очень по-женски – довольно примитивно. Будь ее интрига хоть немного сложнее, мы никогда бы не докопались до истины.

– Да, и правда, как тебе удалось ее разоблачить? Да еще так быстро? – заинтересовался Стас.

– Ну, это не столько моя заслуга, сколько моего друга, – отвечал Сергей. – Помните, я как-то рассказывал вам про своего сослуживца Юрку, который работает на Петровке, в отделе аналитики? Он очень потрудился для меня, собирал всю информацию и постоянно держал меня в курсе дела.

– Понятно, – кивнул Станислав. – Будь уверен – я не забуду его как следует отблагодарить. И все-таки как же получилось отвести от меня подозрения?

В ответ Головин рассказал обо всех своих действиях, которые предпринял с первой минуты, как узнал об исчезновении шефа. А когда и эта часть истории подошла к концу, сам задал вопрос:

– Станислав Михайлович, теперь, как мне кажется, моя очередь слушать. Я ведь почти не представляю, что с вами произошло за эту неделю, могу только догадываться.

– Ну, то, что я сбежал от ОМОНа, ты, видимо, уже знаешь? – поинтересовался Стас. – Кстати, уходил через чердак и крышу, именно так, как ты меня учил. Никогда бы не подумал, что эти твои уроки пригодятся в жизни – а вот поди ж ты...

Затем Шаповалов рассказал о своей встрече с наемным убийцей.

– Сам не знаю, как добрался до развалин особняка в переулке, где вы с

Игорем меня и нашли... Там я и отлеживался...

– Но как же вы продержались там целую неделю? – На лице Сергея было написано полнейшее недоумение. – В холоде, практически на улице, без еды, без воды, без медицинской помощи?

– В этом особняке живет маленькая бездомная девочка, – пояснил Стас, и при воспоминании о Тане его лицо сразу посветлело. – Она буквально спасла меня. Согрела, накормила, выходила, каждый день обрабатывала и перевязывала рану... Кстати, Сергей, а где она? Разве я не попросил вчера, чтобы, как только она появится, ее тут же привели ко мне?

– Попросить-то попросили, – кивнул Головин. – И ребята всю ночь дежурили в машине около тех развалин. Только напрасно. Девочка в особняке не появлялась.

– Не появлялась? – Стас нахмурился, помолчал некоторое время, потом встал с кресла и заходил по комнате.

– Вот что, Сергей, разыщите ее! – приказал он после паузы. – Из-под земли достаньте, но найдите! Она мне очень нужна, просто необходима!

– Боюсь, это будет очень нелегко сделать, – покачал головой Сергей. – Вы хоть представляете, сколько может быть в Москве малолетних бродяжек? Всяких цыганских, таджикских, узбекских девчонок...

– Таня – русская, – возразил Стас. – Ее фамилия Кузнецова. Как она выглядит, я тебе вчера описал. Так что дай команду своим бойцам, пусть хоть всю Москву обыщут, но найдут. Я понимаю, праздники, и все такое, но Таня нужна мне срочно! Передай ребятам, что каждый, кто примет участие в поиске, получит премию в размере зарплаты, а кто найдет – еще одну... Или даже две.

– Хорошо, Станислав Михайлович, будет сделано, – кивнул начальник службы безопасности, но подниматься с кресла не спешил. – Я должен вам сказать еще одну вещь... Крайне неприятную вещь. Так что вы уж лучше сядьте.

– Что такое? – удивленно поглядел на него Стас, но послушался, опустил в кресло.

– Плохая новость, Станислав Михайлович. Очень плохая. Олеся убита.

– То есть как? Что за чушь ты несешь? – вскинулся Стас.

– К сожалению, это не чушь. Ее застрелили в ее же собственной квартире. И, согласно показаниям свидетелей, сделал это тот же самый человек, что напал на Тверской на вас. – Из деликатности Головин не стал сообщать, что в момент гибели Олеся была не одна, а с приятелем.

Стас глухо застонал и закрыл лицо ладонями. В комнате повисло тягостное молчание.

– Почему? – только и смог выдавить из себя Стас, когда наконец несколько пришел в себя.

– Этого пока никто не знает, – развел руками Сергей. – Возможно, он искал вас и пытался узнать у нее...

– Черт!!! – Стас со всей силы ударил кулаком по стеклянной поверхности журнального столика. Потом снова вскочил и заходил по комнате.

– Кто нанял этого человека? Кто заплатил ему, чтобы меня убрать? – почти кричал он.

Сергей все еще ухитрялся сохранять самообладание.

– Пока неизвестно. Ни нам, ни полиции этого пока установить не удалось.

– Так установите! – Стас уже, не сдерживаясь, орал на него. – Чего вы резину тянете? Чего прохладаетесь? Какого черта я вам всем зарплату плачу? На вашего шефа покушались, его ранили, убили его подругу – а вы только глазами хлопаете!

Головин потемнел лицом, но из последних сил сдержался и взял себя в руки.

– Я могу идти работать? – бесстрастно поинтересовался он.

– Можешь, – пробормотал Стас и рухнул в кресло. У него было такое чувство, что из него разом выпили все соки и выкачали всю жизненную энергию.

Выйдя из кабинета шефа, Сергей набрал номер одного из своих подчиненных.

– Витя, присмотри-ка за Шаповаловым! Не отсвечивая, в гражданке. Да, он нашелся, но опасность еще есть. Будь начеку. Проворонишь его на этот раз – считай себя покойником! – сказал он в трубку.

– В этот раз осечек не будет.

Головин мимоходом подивился уверенности, прозвучавшей в голосе охранника, но задавать вопросов не стал – это хорошо, что тот все так правильно понял.

После ухода Сергея он был сам не свой. Снова, как в развалинах особняка, он почувствовал себя загнанным зверем, хотелось заползти в темный угол, лечь там и скулить. Но этого никак нельзя было себе позволить, слишком много накопилось важных дел. Около полудня позвонила его помощница Диана, хорошенькая шатенка. Стас иногда занимался с ней сексом, и она вроде бы была не против... Но только сейчас ему пришло в голову, что это было именно «вроде бы». Ведь у Дианки муж, которого она, похоже, любит, и маленький ребенок... И никаких чувств у

нее к нему, Стасу, конечно, нет. Зачем же она отдавалась ему? Рассчитывала на прибавку к зарплате? Или просто не решалась отказать, боялась потерять хорошее место? Получается, он пользовался своим положением и принуждал ее? Черт... Как противно. Противно и стыдно.

Тем временем ничего не подозревавшая о его мыслях Диана скороговоркой перечисляла все то, чем ему предстоит заняться, раз уж он не улетел в отпуск. Во-первых, было бы очень неплохо устроить пресс-конференцию, а то по городу расползлись всевозможные слухи, касающиеся Шаповалова... Если он соберет всех журналистов сразу и ответит на их вопросы, всем от этого будет только лучше. Во-вторых, у сотрудников «Объединенной Строительной Компании» сегодня корпоративная вечеринка в ресторане, может, Станислав Михайлович появится там хотя бы на часок? А завтра днем на Новом Арбате устраивается благотворительное мероприятие, где будут все важные персоны города и где ему было бы очень полезно появиться... В первую минуту Стас хотел послать Дианку куда подальше, но потом решил, что она права – чем сидеть дома, утопая в мучительных размышлениях, лучше уж выйти в люди и как-то отвлечься. И он дал команду собрать журналистов и провел пресс-конференцию, пусть не блестяще, но вполне сносно. После чего заехал в ресторан пообедать, но с удивлением обнаружил, что волчий аппетит, который он чувствовал на протяжении всех последних дней, абсолютно пропал, есть почти не хотелось. Оставив все многочисленные заказанные блюда почти нетронутыми, Стас отправился в ресторан при гостинице «Националь», где проходил их новогодний корпоратив. Сотрудники встретили его радостно – еще бы, ведь его появление означало, что все слухи оказались пустой болтовней, а значит, фирма продолжит жить прежней жизнью, и хорошо оплачиваемая работа сохранится за ними.

Стас сидел за главным столиком, разговаривал с сотрудниками, слушал музыку, пил под тосты и даже сам что-то такое произнес, но все время чувствовал грызущую сердце тоску. Его не покидало странное ощущение, словно здесь, на шумном празднике, среди веселья, танцев и летящего серпантина, присутствует только его оболочка, – а душой он все еще остается в том самом полуразрушенном особняке. Казалось, что сейчас он словно наблюдает за собой и за своей жизнью со стороны. Несколько раз во время праздника он дергал Сергея, спрашивая его о Тане, но тот не мог сообщить ничего утешительного: девочку пока не нашли.

Он вышел из зала, чтобы освежиться, и, проходя через холл, случайно услышал разговор своего зама Владимира с одним из топ-менеджеров. К его удивлению, те, несмотря на праздничную обстановку, говорили о

работе.

– Да не волнуйтесь вы так, Владимир Петрович! – говорил топ-менеджер. – Ну подумаешь, один раз сорвалось, зато в другой получится. Зато после пожара мы сразу снесем этот чертов особняк и сможем приступить к строительству...

– Какой особняк? – поинтересовался, останавливаясь, Стас. Слово «пожар» сразу вызвало в нем целый букет неприятных воспоминаний.

– Ой, Станислав Михайлович, вы! – встрепенулся менеджер. – Извините, я вас не заметил.

– Что за особняк? – настойчиво повторил глава фирмы. – И о каком пожаре идет речь?

– Да тут, неподалеку, в переулке особнячок, – отвечал Владимир, произнеся название переулочка. – Хотя какой там особнячок, одни развалины от него остались. Мы его выкупили, собирались снести, но вышла заминка из-за защитников московской старины, они, как обычно, шум подняли, мол, ох, ах, памятник архитектуры... Ну, мы его и собираемся спалить, как обычно это делаем в таких случаях... Один раз уже попробовали, но пока не получилось.

– То есть как это – «обычно делаем»? – возмутился Стас. – Что ты такое несешь?

Оба сотрудника с изумлением поглядели на шефа.

– А что я такого сказал? – в свою очередь изумился Владимир. – Андрей Вячеславович всегда давал такое распоряжение, когда возникала проблемная ситуация. Нанимаем людей, они поджигают, пока пожарные приедут, все выгорает дотла. А потом все списывают на бомжей или неисправную проводку. Обычная практика... Вы разве не в курсе?

Стас стоял как громом пораженный. Слова «обычно делаем» добились его окончательно. Выходит, Таня не ошибалась, когда обвиняла его компанию в гибели своей семьи... Получалось, что его хваленая «ОСК», которой он так гордился, неоднократно пользовалась этим подлым методом достижения своих целей. И от этого гибли люди... Вплоть до того, что несколько дней назад чуть не погиб он сам в развалинах особняка, который должны были поджечь по заказу его же фирмы. Вот ведь какие нелепые повороты делает иногда судьба!

Стас с неприязнью поглядел на своих сотрудников. Оба потные, взлохмаченные, разгоряченные корпоративным весельем. Пиджаки остались в зале, воротники рубашек расстегнуты, и у обоих на шее болтаются крупные золотые кресты на толстых золотых же цепях. Стас вспомнил свой разговор с Таней о крестиках, религии и вере, и его

передернуло.

– Вот что, – проговорил он, наливаясь ледяной яростью, – с сегодняшнего дня фирма больше не нуждается в услугах ни одного из вас. После праздников придете в кадровую службу и оформите свое увольнение.

И даже не оглянувшись на оторопевших от неожиданности подчиненных, развернулся и вышел прочь из ресторана.

Глава двадцатая

Накануне Нового года

Тридцать первого декабря Стас проснулся поздно, чуть ли не около полудня, однако при этом чувствовал себя совершенно невыспавшимся и разбитым. На душе было скверно, настолько скверно, как никогда еще не бывало. Даже в развалинах особняка. Он долго лежал, глядя в белоснежный потолок, и не испытывал никакого желания подниматься и что-то делать. Мысли о смерти Олеси, о поджогах, о Тане тяжелым грузом навалились на него и, казалось, придавили так, что лишили возможности двигаться. Прошел, наверное, час, прежде чем он заставил себя встать и пойти в душ.

А дальше потянулся серый безрадостный день. Стас чувствовал себя машиной или даже механической игрушкой, которую завели ключом и которая ходит, одевается, что-то ест, включает и смотрит телевизор – и все это бездумно, абсолютно автоматически, не испытывая при этом никаких чувств. Только пару раз за день он ощутил некую эмоцию – это была досада, которая возникала в душе после сообщения Сергея, что Таню до сих пор так и не нашли, и в особняке она больше не появлялась.

Днем снова позвонила Диана и напомнила про благотворительное мероприятие на Новом Арбате. Ехать туда не хотелось. Впрочем, и оставаться дома не хотелось тоже. Не хотелось вообще ничего. И потому он собрался и поехал. В конце концов, не все ли равно, где находится тело, когда в душе царит полнейшая опустошенность...

Благотворительное мероприятие проходило в одном из самых шикарных столичных ресторанов, где собралось столько народу, что, как говорится, яблоку негде было упасть. Казалось, весь московский бомонд решил отметить здесь, продемонстрировать наряды, прически и макияж, выпить по бокалу шампанского, обменяться лицемерными улыбками и неискренними поздравлениями с ненавистными людьми, покрасоваться перед камерами фотографов, а если повезет, то еще и с томным видом поведать журналистам, какое значительное место в их звездной жизни занимает благотворительность, ведь это так важно, так важно – помогать

больным детишкам и бездомным собачкам, они такие милые, и детишки, и собачки... И после этого с чувством выполненного долга упорхнуть дальше праздновать Новый год.

Оказавшись в огромном зале, украшенном переливающейся всеми цветами шикарной мишурой и новогодними растительными композициями от известного флориста, Стас сразу вспомнил комнату в особняке, в которой Таня развесила по обшарпанным стенам обрывки елочного дождика и вырванные из журналов картинки. Как неприкаянный бродил он среди этой пестрой, разодетой, сверкающей бриллиантами праздной толпы, отвечал на чьи-то приветствия, с кем-то даже разговаривал – но при этом не видел лиц и не мог отделаться от ощущения, что присутствует на карнавале. Одни маски, кругом одни маски! Да и сам он ничуть не лучше, такой же ряженный и лживый, как и все остальные. Стас глядел, как льется рекой французское шампанское, как ломится от икры, мясных и рыбных деликатесов, фруктов и пирожных фуршетный стол – а видел перед собой Танин пакетик, в котором сиротливо ютились объедки макдоналдсовских булочек. И снова и снова вспоминал рассказ девочки о том, как она, по наивности, пришла однажды на благотворительный вечер в надежде, что ее там накормят. Даже место было то же самое – Новый Арбат...

Внезапно кто-то довольно бесцеремонно дотронулся до руки Стаса, силой заставив его выйти из задумчивости. Он обернулся. Рядом стояла, сверкая золотом и драгоценными камнями, разряженная в меха светская львица. Эта дама, которая сама себя называла «профессиональной благотворительницей», была учредительницей одного из фондов, куда «Объединенная Строительная Компания» перечисляла деньги. Дама защебетала о каком-то очередном благотворительном рождественском бале, на котором будет прекрасный фуршет и потом пресс-конференция, о том, что будет здорово, что он непременно должен принять участие! Пока она говорила, Стас отрешенно смотрел в сторону, а затем протянул руку и с усмешкой дотронулся до одной из ее огромных бриллиантовых серег.

– А это тоже куплено на благотворительные деньги, да? – спросил он.

Холеная «львица» испуганно отшатнулась от него, явно подумав, что Шаповалов определенно свихнулся. Но потом, видимо, сообразила, что он очень богат, ссориться с ним – себе дороже, и бессвязно забормотала что-то о том, что «благотворителям ведь тоже надо на что-то жить и иметь хоть какую-то личную выгоду со своей работы...»

Но Стас уже отошел от нее. И, не останавливаясь, двинулся дальше, через весь зал, к выходу. На ходу вынул из кармана мобильный, набрал номер.

– Игорь, ты где?

– Тут, недалеко, Станислав Михайлович. Я нужен?

– Да, подъезжай. Забросишь меня домой – и можешь быть свободен.

Выйдя из ресторана, Стас обнаружил, что уже стемнело. Но это была не самая главная перемена – потому что на улице, оказывается, шел снег. Чуть ли не впервые за эту странную, теплую и слякотную зиму, начался снегопад. Белые пушистые хлопья медленно и плавно опускались с неба, укрывая Москву толстой периной и придавая ей праздничный, по-настоящему новогодний вид – со всей иллюминацией, с рождественской рекламой, со сверкающими елками на улицах и в витринах магазинов... Это было удивительно красивое зрелище, но даже оно не обрадовало Стаса. В его душе вообще ничего не дрогнуло. Он сел в свою машину и по дороге смотрел в окно невидящим взором, а в голове роились тяжелые и крайне неприятные мысли. Он думал о тусовке, которую только что покинул, и недоумевал, как мог раньше нормально существовать в подобном мире. Ведь вся эта жизнь – всего лишь мишура, куча лицемерия, которое прикрывает все самое гадкое и мерзкое, что есть в людях: грязь, алчность, подлость, зависть. Да и его собственная жизнь по большому счету ничуть не лучше. Ему уже сорок лет, и все эти сорок лет он прожил зря, не сделал ни одного стоящего поступка. И в Европе, куда он, что греха таить, просто-напросто сбежал от проблем, и здесь, на родине, он всю жизнь сидел в уютной скорлупе, которую обеспечивало ему богатство, и знать не хотел о том, что происходит снаружи, какие там существуют трудности, печали и несчастья. Зачем? Ведь его все это не касалось. И, как он думал, никогда и не должно было коснуться. Он жил, наслаждаясь тем, что незаслуженно имел, – а вокруг по его вине гибли люди. Несчастная Олеся, которую киллер убил только за то, что она не знала, где его, Стаса, искать. Он спасал свою шкуру и, сидя в особняке, злился на нее за то, что она не волнуется о нем. Но даже не подумал, что ей тоже может грозить опасность, что он должен защитить ее. И теперь ее больше нет. Как нет Таниных родителей, Таниной бабушки, погибших в огне пожара, устроенного его компанией, чтобы как следует заработать... Заработать на несчастье и смерти. Таня рассказала ему только о своей семье и своих соседях – но сколько их еще, таких людей, чья жизнь прервалась или была сломлена по его вине?

– Приехали, Станислав Михайлович, – Игорь притормозил у его подъезда.

– Хорошо. – Он вышел из автомобиля и захлопнул за собой дверцу. – Я тебя больше не задерживаю.

– С наступающим вас, Станислав Михайлович! – крикнул вслед

водитель, но Стас его уже не слышал.

Он поднялся к себе в квартиру и, не разуваясь и не снимая пальто, прошел в кабинет. Здесь, в одном из ящичков стола, в старинной шкатулке из карельской березы с резной крышкой, лежал наградной револьвер «наган», когда-то принадлежавший его деду, генералу Шаповалову, и коробка патронов. Стас всю жизнь хранил это оружие как память. И не думал, что когда-нибудь им воспользуется, хотя и знал, как это делать – несколько лет назад Сергей, по его просьбе, показал ему, как заряжать револьвер и как взводить курок. Вынув патроны, Стас вставил их в магазин, убрал револьвер в карман и вышел из квартиры. Спустился вниз, не глядя по сторонам, пересек двор и вскоре оказался на Тверской – самой шумной и самой яркой даже зимним вечером улице этого вечно спешащего, суетливого, никогда не спящего города.

Раньше Стас, хоть и предпочитал жить в Европе, но все же тепло относился к Москве, считая именно ее, а не Оксфорд и не Лугано, своим родным городом. Но теперь этот город казался ему чужим и враждебным. Жестокий город жестоких людей, которым нет никакого дела друг до друга. Город фальшивых ценностей, искусственной любви, сплошного притворства... Тут даже вера в Бога на деле оборачивается коммерческой сделкой. Впрочем, при чем тут город? Разве весь мир не таков? И если в нем еще сохранилось доброе, светлое и настоящее, то оно напоминает старый полуразрушенный особняк, никому не нужный и почти стертый с лица Земли...

Со стороны могло показаться, что он бредет по улицам безо всякой цели – высокий, интересный, хорошо одетый мужчина с отрешенным лицом. Он один не торопился в шумной толпе прохожих, не смотрел в сияющие витрины магазинов, на празднично украшенные елки. Он не замечал ничего вокруг, глубоко погружившись в свои невеселые раздумья.

Ноги несли Стаса, куда стремилась его душа. Он даже не думал, как туда идти. Он вырос в этом городе, и здесь все было знакомо ему с детства. Хотя с того времени многое изменилось, и далеко не в лучшую сторону. Вон их сколько – безвкусных стеклянных аквариумов с претенциозными башенками, самодовольных офисов, рядящихся в благородные классические портики и колонны, высоток, закрывающих своей тенью старинные кварталы...

Стас свернул в знакомый переулок и остановился у края тротуара. Перед ним вырос мрачный особняк, затянутый темно-зеленой сеткой, и Станислав до боли в глазах всматривался в его темные окна, особенно в одно, на углу – не вспыхнет ли там огонек, не мелькнет ли быстрая тень.

Нет, ничего... Тихо, сумрачно, холодно – совсем как у него на душе.

Если бы Стас не был так занят своими мыслями, так погружен в свои раздумья, то, возможно, заметил бы, что за ним, держась на почтительном расстоянии, следуют два человека. Одного – того, кто ехал в машине на малой скорости, он узнал бы сразу. Потому что охранник Игорь, поставив хозяйский автомобиль в подземный гараж и пересев в собственную подержанную «Тойоту», не поспешил домой к семье – встречать Новый год, а чуть замешкался во дворе. На глаза ему попался Медынцев, еще один охранник, служащий под началом Головина. Он был новеньким и не понравился Игорю с первого взгляда. Было в этом Викторе нечто неправильное. То ли в замкнутости и предельной закрытости, то ли в хмуром лице и не умеющих улыбаться губах; то ли в холодных глазах человека, для которого не существует препятствий. Вроде понятно, десантник, реально понюхавший пороху и привыкший к риску... В общем, вроде как человек надежный, и все же не нравился он Игорю все равно.

И сейчас Виктор повел себя весьма странно. Выглядывая из окошка «Тойоты», Игорь видел, как напарник сжимает кулаки и бормочет что-то себе под нос. Больше всего Виктор походил сейчас на маньяка или помешанного. «Позвонить Головину?» – мелькнула у Игоря мысль, но он остановил себя: пока еще нет оснований для обвинения пусть и неприятного, но товарища. Нужно подождать...

Тем временем дверь подъезда распахнулась и оттуда вышел Станислав Михайлович с таким выражением лица, что становилось не по себе. Шаповалов двинулся по улице, за ним на небольшом расстоянии последовал Виктор, предварительно надвинув на глаза шапку. «Вот черт! Неужели!» – подумал Игорь и, не спуская глаз с коллеги, двинул машину за ними.

Пусть и не сразу, но Стас узнал бы и второго своего сопровождающего. Узнал бы и содрогнулся. Потому что уже дважды видел этого высокого, чуть сутулого человека в надвинутой на глаза шапке. Узнала бы его и Олеся – именно этого мужчину она видела в последние секунды своей жизни.

Но Стас ничего не замечал. Он замер перед развалинами особняка. Вот и щель в заборе, через которую он пролезал... Когда же это было? Да целую вечность назад. Теперь дыра благодаря его охраннику значительно расширилась. Никто даже не позаботился о том, чтобы ее заколотить. Очевидно, дворник Толян крепко запил на все праздники.

Стас оглянулся. Шумная улица осталась далеко, переулок был пуст. Никто не увидит, как хорошо одетый господин протискивается через дыру

в заборе. Шаповалов немного помедлил у темного дверного проема, затем шагнул внутрь. Прошел по первому этажу, заглянул в их с Таней комнату. Дверь в ней была распахнута настежь – бережно хранить тепло больше было некому. Из закопченного зева камина тянуло ледяным сквозняком. Черный от копоти чайник на кирпичах, топчан с небрежно кинутым на него рваным, а теперь еще и прожженным одеялом, стопка картонок, на которых спал Стас, куча газет в углу, даже коробка под столом с нехитрым Таниным скарбом – все оставалось на месте. Но хозяйки в комнате не было. Стас постоял здесь немного и неожиданно ему почудился слабый шорох в глубине дома. Он напрягся, прислушался. Нет, все тихо. Значит, просто показалось.

Он снова прошелся по комнатам особняка, поднялся по мраморной лестнице на второй этаж. Все вокруг него выглядело так же, как и в те дни, когда он жил здесь, когда слонялся по особняку, не зная, как убить время в ожидании Тани. За одним только исключением: здесь больше не было никаких признаков человеческого присутствия. Его робкие надежды не оправдались – Таня навсегда ушла отсюда. Больше он ее никогда не увидит – найти в этом огромном городе бездомного человека практически невозможно. К тому же после того, что она узнала о нем, девочка наверняка сделает все, чтобы он ее не нашел.

Вот и путь наверх – полуобвалившаяся деревянная лестница. Стас подошел к ней, шагнул на нижнюю ступеньку и уверенно начал подниматься. Двигаясь вверх, вспомнил, как боялся идти по этой лестнице в первый раз, и усмехнулся. Все в этом мире относительно. Тогда он судорожно цеплялся за жизнь. А теперь ему все равно. Бояться больше нечего.

Разумеется, и рояль никуда не делся, все так же стоял на прежнем месте. Стас открыл крышку, коснулся рукой клавиш, и в тишине, царившей вокруг, раздался чистый глубокий звук. Стас вспомнил, как уверенно играла на рояле Таня, вспомнил ее прелестное, ангельское лицо, выражение глаз, каштановые волосы. Вспомнил, как она твердо сказала, что станет по-настоящему счастливой только в тот день, когда умрет человек, разрушивший ее жизнь.

– Ну что же, Танюша, – проговорил Стас, словно она могла его услышать, – сегодня я исполню твою самую заветную мечту.

Он поднялся на темный чердак, пробрался к слуховому окну и вышел на крышу. В ветвях большого дерева, росшего рядом с особняком, свистел ветер. Все еще шел снег, небо над городом потемнело и стало ниже, и от этого, казалось, еще ярче засверкали городские огни. До Нового года

оставалось всего несколько часов.

Внизу, не затихая ни на секунду, шумел город, кипела жизнь, переполненная людскими надеждами, вожделениями, мольбами и проклятиями. Стас сделал несколько шагов и остановился на краю крыши. В лицо ему жаднодохнула пустота.

Стас вынул из кармана пальто «наган» и взвел курок. Терять было уже нечего. Если даже рука дрогнет и пуля пойдет как-то не так, то он все равно сорвется с крыши и упадет на асфальт с высоты где-то десяти, а то и двенадцати метров. Сомнительно, что после этого ему удастся выжить. Только сейчас Стас сообразил, что не оставил, как это принято, прощальной записки, но не стал акцентировать на этом внимание. Ему, собственно, уже было все равно.

– Прощайте, – тихо проговорил он, сам не зная, к кому обращаясь. Может быть, к приютившим его развалинам дома? Или к старому дереву, росшему во дворе?

И вдруг...

– Стас! Не надо... – прозвучал совсем рядом звонкий голосок.

Он замер, боясь поверить. Опять почудилось? Потом медленно повернул голову. У слухового окна на крыше стояла маленькая фигурка.

– Таня... – тихо сказал он, боясь спугнуть это видение.

– Я знала, что ты придешь сюда, – помолчав, призналась она.

– Ты... Ты простила меня? – почему-то с огромным трудом выговорил он.

В эту минуту ее ответ был для него важнее всего на свете, важнее жизни и смерти. Но ответить Таня не успела, потому что на крыше внезапно появилось фигура человека. Высокая, сутулая, она появилась из слухового окна. Человек, не заметив Тани, шагнул к Стасу.

– Вот мы и встретились, – проговорил он неприятно-резким и слишком высоким, никак не сочетающимся с его ростом и мощной комплекцией голосом. – Вот наконец ты мне и ответишь за все... За мою погубленную жизнь!

И опять, как и тогда, на Тверской, в его руке появился пистолет с уродливо длинным стволом. И в этот раз Стасу, стоявшему на краю крыши, было уже некуда от него деваться. Но тут снова неожиданно вмешалась девочка, которая громко закричала, назвав киллера по имени.

– Виктор! – крикнула она. – Остановись! Что ты делаешь?

От неожиданности убийца на миг замер, перевел взгляд на девочку, а она торопливо заговорила, обращаясь к нему:

– Витя, я тебя узнала! А ты меня узнал? Я Таня, Таня Кузнецова, твоя

соседка! Помнишь меня? Витя, прошу тебя, остановись, не надо стрелять, не бери грех на душу! Лену и Костика ты все равно этим не вернешь...

Некоторое время убийца молча слушал ее. Но, видимо, упоминание о погибших жене и ребенке было ошибкой девочки, потому что, услышав их имена, он снова поднял пистолет... Но тут в слуховом окне за его спиной появился темный силуэт, с размаху набросился сзади, повалив на крышу и выбив из рук оружие. Пистолет пролетел по крыше и шлепнулся куда-то вниз. Тем временем Игорь – а это был именно он – завел руки убийцы назад, защелкнул на его запястьях наручники и вытащил из кобуры свое оружие.

– Лежи тихо! – приказал он.

А по улице уже бежали люди, где-то вдали выла милицейская сирена... Но Стас ничего этого не видел и не слышал. Он подошел к Тане и повторил свой вопрос:

– Скажи, ты простила меня?

И Таня вместо ответа только прижалась к нему, ткнулась лицом в его новое и чистое пальто и заплакала.

Потом, много позже, когда закончится следствие, Стас узнает все подробности этой истории. Узнает, как бывший десантник Виктор Медынцев, лишившись жены и сына, окончательно потерял рассудок и стал одержим идеей отомстить тому, кого, подобно Тане, обвинял в своих несчастьях – владельцу фирмы, которая снесла их дом. В то время оставшиеся в живых жители дома в один голос обвиняли в поджоге владельца фирмы – и эта навязчивая мысль застряла не только в детском сознании Тани, но и в помутившемся от пережитых невзгод разуме Виктора. При всем этом действовал Медынцев со свойственной маньякам сосредоточенностью и разумностью. Действуя через друзей, он смог получить рекомендации и устроиться на работу в охрану «ОСК». Открыв охоту на Шаповалова, он упорно стремился к своей цели. Ему было все равно, что станет с ним самим после убийства. Главное – уничтожить врага. Потом психиатрическая экспертиза сочтет Виктора Медынцева невменяемым и отправит на принудительное лечение... Но все это будет позже, много позже.

Глава 1

Отсчет начат заново. Новый год

Старый дом поскрипывал полусгнившими половицами. В его темных углах кружились тени. Вот тоненькая гимназисточка не сводит влюбленных глаз с неловко обнимающего ее за талию юного кадета; вот, словно бы сошедшая со страниц журнала двадцатых годов, пара – щеголь с завитыми

усаами и томная дама с декадентской мушкой у виска, означающей верность; вот нескладный солдатик, грудь которого навывлет пробил немецкая пуля, танцует с девочкой в строгом грубом платье, обещавшей дожидаться, но так и не дождавшейся его с войны...

В самом разгаре призрачный бал. Кружатся невидимые постороннему глазу пары под звуки старого разбитого пианино, а на улице яростными снопами света взрываются многочисленные петарды, стреляют пробки шампанского, раздаются веселые крики, приветствия наступившему году. И каждый верит, что старый год и вправду унесет все плохое и ненужное, а новый – обязательно подарит счастье. Люди верят в это, сколько бы боли и разочарований им не пришлось пережить. Они верят в то, что наступивший год обязательно станет счастливым.

– Чего бы ты хотела сейчас?

Стас и Таня стояли на крыше и смотрели вниз, на карнавал новогодних красок. Это был самый странный и... самый счастливый Новый год в жизни Шаповалова.

– Знаешь, ты будешь смеяться... Я бы хотела, чтобы эта минута никогда не заканчивалась. Чтобы были ты, я и этот дом. – Девочка доверчиво ткнулась ему в руку, и Стас обнял ее, согревая своим теплом.

– Я не стану смеяться. Я сам бы хотел этого. А знаешь, так и будет, – ответил он совершенно серьезно.

– То есть? Можно подумать, ты волшебник! – засмеялась Таня.

– Я и вправду волшебник. Чуть-чуть! – Стас показал пальцами расстояние примерно с горошинку. – Но этого достаточно, чтобы осуществить наши желания. Вот посмотришь!

Это странно, но и девочка, и дом так случайно, так неожиданно вошли в его жизнь и перевернули ее с ног на голову. Нет, это раньше она стояла на голове, а теперь все вдруг заняло свои места – именно так, как должно было быть. Теперь в его жизни наконец-то появился смысл, и Стас впервые за долгие годы четко увидел то, что он должен сделать. Беспечную юность сменила бесполезная занятость делом, которое завещал ему отец, которое он не любил и не принимал как свое. Одну чужую женщину сменяла другая, не менее случайная и далекая от него. Годы шли, как этот медленный тихий снег, без чего-то главного, чему нельзя найти имя, но без чего вся жизнь превращается в бессмысленный бег по кругу.

Эта новогодняя ночь наконец подарила ему то чудо, о котором Стас мечтал так много лет. Чудо – девочка и дом.

– Мне было страшно и было одиноко, – призналась Таня шепотом. – Но теперь мы будем друг у друга, правда?

– Правда, – подтвердил Шаповалов.

Как хорошо, что он не на модной вечеринке среди полужнакомых, зачастую неприятных или просто безразличных ему людей, а здесь, на этой крыше, с этой девочкой.

И подтверждая слова человека, старый вяз натужно, словно страдающий ревматизмом старик, заскрипел. Он-то умел читать в людских сердцах самое-самое важное.

– Не бойся, теперь не пропадем, – шепнул он соседу.

Но тот молчал, щербато улыбаясь всеми своими разбитыми окнами.

* * *

– Как, говоришь, зовут этого эксперта по реконструкции старых зданий? – Несмотря на то что новогодние каникулы были в самом разгаре, Шаповалов сидел в своем кабинете, просматривая лежащие на столе листки с планом восстановительных работ.

– Нина Куницкая, – ответила, заглянув в свою папочку, Диана. Похоже, она уже смирилась с мыслью, что полноценных выходных не видать как своих ушей. – По вашей просьбе я навела справки и выяснила, что она давно уже ходит по всем инстанциям с идеей восстановить особняк.

– И...

– А что «и». – Диана презрительно подняла бровь. – Кто же ей выделит средства?

– Пригласи-ка эту Куницкую ко мне. Лучше всего – на завтра. Мы с моим компаньоном посмотрим, стоит ли она доверия.

Диана сделала пометку в блокноте и удалилась, никак не отреагировав на странное слово «компаньон».

А на следующий день Стас и Таня с нетерпением ждали прихода еще пока неизвестного им специалиста. Шаповалову было очень важно, чтобы делом руководил правильный человек – тот, кто может почувствовать именно дух дома. Что, если эта самая Нина окажется сухой, до кончиков ногтей казенной дамой-архитектессой? Разве можно будет доверить ей их живой дом?..

– Нина Куницкая, – доложила по селектору секретарша, и Стас с Таней переглянулись.

«Смотри в оба!» – подмигнул ей Стас, и девочка кивнула, гордая своей миссией.

– Здравствуйте...

Тоненькое создание в чем-то светлом остановилось на пороге. Темные волосы мягкими волнами лежали на плечах. Девушка, а на вид ей было едва ли больше двадцати пяти, удивленным взглядом обвела «серьезных

людей», которым принесла на утверждение проект, – элегантного мужчину в неформальном свитере и девочку, сидящую в «руководительском» кожаном кресле.

Стас тоже был озадачен. Он ожидал, что Нина Куницкая окажется немного... постарше или хотя бы слегка... посолиднее.

– Я уже видел проект реставрации, – начал он нарочито холодным тоном. – Наверное, он не ваш. Вы делали его под руководством своего куратора...

Девушка вспыхнула, шагнула к столу и, не сводя серьезных серых глаз с Шаповалова, заговорила. Она говорила о том, как заболела этим проектом еще в студенческие годы, как долго мечтала о восстановлении дома и как шаг за шагом шла к разработке плана. Увлечшись, она забыла о смущении и вдруг стала ослепительно красива – так, как не бывали красивы лощеные светские женщины.

– Я все уже посчитала. Выйдет не так уж дорого... Но вы, наверное, не согласитесь... – закончила она, разом сникнув под грузом повисшего в кабинете молчания.

Стас взглянул на Таню, и девочка незаметно показала ему поднятый большой палец – очевидно, Нина Куницкая ей понравилась.

– Ну почему же не согласимся? – Стас встал из-за стола и сделал шаг к темноволосой девушке. – Мне и моему компаньону вы нравитесь. Уточним смету – и за дело. И не надо экономить на материалах. Мы хотим, чтобы все было сделано наилучшим образом. Понимаете?

В серых глазах промелькнула целая гамма чувств – от недоверия до радости.

– Конечно! – кивнула темноволосая.

– Ну, тогда, Нина, у нас к вам будет еще одна просьба... – Девушка напряглась, ожидая какого-то подвоха. – Не поужинаете ли вы сегодня с нами?..

Эпилог

Альбомы семейных фотографий... Тяжелые фолианты, обтянутые бархатом и застегивающиеся на медные, потускневшие от времени, замочки. Фотографии в альбомах копятся годами, на обороте порой торопливо ставится дата и имена тех, кто изображен на снимках. А если этого не сделать вовремя, то по прошествии лет вокруг этих неподписанных фотографий разгораются нешуточные споры. Когда был сделан этот снимок? В каком году? А где? И кто это, собственно, стоит вот тут слева?

Случается, что на все эти вопросы так и не находится убедительного

ответа. И тогда начинаются сетования, что не надписали в свое время фотографии и что впредь надо сразу же делать это, не забывать. Если уж мы не помним, то, что же будут делать наши дети, рассматривая эти снимки? А уж про внуков и говорить нечего...

К сожалению, эпоха тяжелых альбомов с семейными фотографиями уходит в прошлое. Кто теперь делает снимки на бумаге и вставляет их в старомодные неуклюжие альбомы? Нащелкал на цифровой фотоаппарат, закачал в компьютер или в электронную рамку и любуйся качественными фотоснимками. Всегда, кстати, можно посмотреть с точностью до минуты, когда сделан тот или иной снимок. Вот, правда, где сделан и кто изображен на фото, тоже надо бы надписывать в отдельном файле. И забывается это так же, как и в добрые старые времена. И логика та же – ладно, еще успеем...

Интересно, а какими будут фотоальбомы будущего? Лет, скажем, через десять? Трудно представить себе такой альбом – но можно пофантазировать и постараться вообразить снимки, которые будут храниться в одном из них. Что мы сейчас и сделаем.

На первом из них мрачно возвышается укутанный зеленой строительной сеткой полуразрушенный особняк. Темные глазницы окон, облупившиеся стены, дощатый забор с узким лазом... И рядом – мощное старое дерево, голое и печальное на фоне скучного серого зимнего неба.

На следующем снимке мы увидим стоящих посреди переулка Стаса и Таню. Стас свежевыбрит, на нем новое пальто, левая рука пока еще висит плетью, но глаза горят радостным блеском. Он крепко держит за руку Таню, на которой немислимая куртка, несколько шапочек на голове, сапоги на пару размеров больше, чем нужно. Но лицо ее, точно так же, как лицо Стаса, светится счастьем.

А вот снимки ремонта, точнее, реставрации особняка. Строительная техника, суetyающиеся рабочие... и почти на каждом кадре – хрупкая темноволосая девушка с горящими зелеными глазами. Она, словно умелый дирижер, руководит этим шумным разнокалиберным оркестром, и сразу видно, что слушают ее даже хмурые прожженные мужики. С каждой новой фотографией дом постепенно оживает. И вот наконец он восстановлен из руин – щеголеватый, нарядный, с кованой оградой, с большими, сверкающими окнами. И рядом верный друг, старый вяз, склоняет к нему свою пышную крону.

Немало имеется и фотографий комнат. Начиная со снимка холла с хрустальной люстрой под потолком, блестящим паркетным полом и обновленной, сверкающей белизной, мраморной лестницей.

А дальше целый калейдоскоп – библиотека, кабинет Стаса, столовая, нарядная гостиная, тренажерный зал, спальни, лестницы и переходы. Действительно, прямо лабиринт какой-то, столько здесь помещений, закутков, коридоров и коридорчиков...

В отдельном зале на втором этаже тот самый старинный рояль, заботливо восстановленный и отреставрированный. Теперь у всех до единой его клавиш чистый и глубокий звук, хотя на снимке этого, конечно, не видно. Зато видно, что за роялем сидит Таня, в нарядном платье, с распущенными по плечам прекрасными длинными волосами. Лицо у нее умиротворенное и сосредоточенное, чувствуется, что она вся отдалась музыке, льющейся из-под ее пальцев.

Следующий снимок явно удивит того, кто его увидит, так выбивается он из общего ряда. На нем полутемная комната с закопченным потолком и грязными стенами, одно из окон заколочено фанерой, другое небрежно заткнуто каким-то тряпьем. На стенах развешаны куски мишуры и елочного дождика и наклеены картинки, вырезанные из гляцевых журналов. На полу стопка разломанных картонных коробок и топчан, покрытый прожженным в нескольких местах рваным одеялом. Зияет черным зевом ободранный камин, в котором стоит на кирпичках черный от копоти чайник, а рядом свалены в кучу обломки старых стульев. Эту комнату Стас и Таня решили оставить такой, какой она была, когда они жили в ней. Сюда заходят очень редко, но все же заходят, когда надо подумать о чем-то очень важном. Или вспомнить то, что не следует забывать.

Но, кроме интерьеров обновленного особняка, в альбоме немало и других снимков. И на каждом из них присутствуют Стас и Таня, иногда по отдельности, но чаще вместе. Вот они, загорелые и веселые, на берегу моря, под пальмами. Вот на лыжах на фоне живописного альпийского пейзажа. У стен величественного готического собора... Вверхом на лошадях... На аттракционе в Диснейленде... В салоне самолета... На палубе круизного лайнера... И почти на всех этих фотографиях рядом с ними – хрупкая Нина. Похоже, шагнув однажды на порог кабинета Станислава Шаповалова, она навсегда вошла в их жизнь.

А вот очень интересный снимок: концертный зал, сцена и Стас протягивает Тане роскошный букет цветов. Она в концертном платье, строгая и собранная. Рядом видна аплодирующая публика, а Нина, сидя в зале, с гордостью смотрит на них.

Снимков с Ниной становится все больше и больше.

Вот она о чем-то увлеченно разговаривает со Стасом, стоя на борту

яхты, и ветер треплет ее прекрасные темные волосы. Вот они все втроем сидят за столом, накрытым для праздничного ужина в узком семейном кругу. А здесь девушка и Таня играют на рояле в четыре руки и хохочут.

Стас, Таня и Нина стоят под деревом во дворе особняка. Земля вокруг них усыпана золотыми и бронзовыми осенними листьями, но, несмотря на это, видно, что старый вяз еще ого-го! – в отличной форме. И кому это пришло в голову, что несколько лет назад он собирался умирать? Даже и не думал.

Ну, наконец-то целая серия снимков, на которых запечатлена свадебная церемония. Торжественный, немного напряженный Стас в светлом костюме под руку с невестой – разумеется, той самой темноволосой девушкой. Сейчас она в фате, в белом элегантном платье и белых перчатках по локоть. И этот наряд ей очень идет. Впрочем, нет на свете такой женщины, которой не шло бы подвенечное платье.

Серьезная Таня, исполненная важностью происходящего, стоит между Стасом и его невестой.

Свадебное пиршество в большом зале особняка, Таня за пианино, Таня в длинных перчатках явно одолженных у невесты, Таня с толпой гостей, Таня танцует со Стасом...

И, раз уж давать волю своей фантазии, то можно представить себе, что в альбоме еще много-много снимков. Где можно увидеть и румяное личико младенца, завернутого в кружевные пеленки, и Стаса, прогуливающегося с детской коляской, и Таню, которая учит ходить смешного пухлого малыша.

А если попытаться заглянуть еще дальше, то перед глазами замелькают новые и новые снимки: концертные залы в разных странах мира; повзрослевшая, но все еще красивая темноволосая девушка; заметно пополневший, солидный Стас, нет, теперь уж точно Станислав Михайлович; и совсем взрослая Таня под руку с неизвестным, но очень приятным молодым человеком...

Но давайте остановимся. Ведь жизнь, как река, прихотлива и изменчива. Мы не можем предугадать ее повороты.

И в этом, наверное, вся ее прелесть.